

Российская Академия Наук
Институт философии

Магдалена Кожевникова

**ГИБРИДЫ И ХИМЕРЫ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО:
ОТ МИФОЛОГИИ К БИОТЕХНОЛОГИИ**

Москва
2017

УДК 17.023.33
ББК 87.6
К 58

Научный редактор
доктор филос. наук, чл.-кор. *Б.Г. Юдин*

Рецензенты
кандидат психол. наук *Г.Б. Степанова*
доктор ист. наук *В.И. Харитонова*

К 58 **Кожевникова, Магдалена.** Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии [Текст] / М. Кожевникова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2017. – 151 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 139–148. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0316-1.

Книга вводит читателя в актуальную тематику гибридизации и химеризации человек-животное в рамках «улучшения человека» (human enhancement). В ней представлены этапы развития идеи «человекозверья» – от античности до современной поп-культуры, от мысленных экспериментов до лабораторных биотехнологических опытов. Автор анализирует ряд существующих концептов «природы человека» и выдвигает свой вариант определения данного понятия, который может играть прикладную роль в качестве инструмента интеграции новых форм жизни. В книге представлены идеи расширения морального статуса человека и повышения статуса животных.

ISBN 978-5-9540-0316-1

© Кожевникова Магдалена, 2017
© Институт философии РАН, 2017

Оглавление

Предисловие	7
Введение. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии	10
Терминология.....	10
Методы исследования	12
Постгуманизм – новая парадигма в науке	18
Для чего нам нужны гибриды и химеры?	20
Глава 1. «Человекозвери» в культуре	23
Греко-римская мифология.....	25
Коротко о некоторых «человекозверях» из других культурных кругов	28
Тотемизм.....	31
Лейтмотивы вампиров и оборотней.....	32
Феномен детей-маугли	36
Образ науки в культуре на примере идеи «человекозверей».....	40
Мотивы создания «человекозверей».....	44
Глава 2. Гибриды и химеры человека и животного в науке	50
История экспериментов с гибридами и химерами	50
Современное состояние исследований в области биотехнологий	60
Ксенотрансплантация: краткий исторический обзор.....	67
Ксенотрансплантация: этические и технические аспекты	72
«Перевернутая ксенотрансплантация» – органы человека в животных	77
Био-арт: между искусством и наукой.....	84
Химеризация и гибридизация человека: проблемы этики.....	89
Глава 3. Природа человека в контексте развития биотехнологий	92
«Антропологическая машина» Дж. Агамбена в диалоге с М. Хайдеггером.....	92
Человек через призму «био-власти» эпохи биотехнологий в анализе П. Д. Тищенко	97
Б.Г. Юдин: Пограничные зоны существования человека	99
«Искусственный человек» в исследовании М. Радковской-Валькович.....	101
Ф. Фукуяма и «фактор икс»	109
Онтологический статус химер и гибридов человек-животное в исследовании М. Бека.....	113
Ю. Хабермас и будущее человеческой природы.....	118
Кант и неокантианцы о животных	121

Глава 4. «Настоящий» человек как идеальный конструкт	125
Три точки отсчета	125
«Человеческое достоинство». Разница уровня, а не качества	127
Главные понятия «человеческого»	129
Природа человека	133
Заключение. Quo vadis, homo sapiens?	137
Список источников и литературы.....	139

Table of Contents

Preface	7
Introduction. Hybrids and Chimaeras of Human and Animal: from Mythology to Biotechnology	10
Definitions	10
Research methods	12
Posthumanism as a new scientific paradigm	18
Why do we need hybrids and chimaeras?	20
Chapter 1. “Humanimals” in Culture	23
Greek and roman mythology	25
Brief review of some “humanimals” from other cultural circles.....	28
Totemism	31
Keynotes of vampires and werewolves	32
The phenomenon of Mowgli children	36
Image of science in culture in the context of the humanimal idea	40
Keynotes of the humanimals creation	44
Chapter 2. Hybrids and Chimaeras of Human and Animal in Science	50
History of experiments with hybrids and chimaeras	50
Modern state of biotechnological research.....	60
Xenotransplantation: brief historical survey.....	67
Xenotransplantation: ethical and technical aspects	72
“Inverted xenotransplantation” – human organs in animals.....	77
BioArt: between art and science	84
Human chimaerization and hybridization: ethical problems	89
Chapter 3. Human Nature in the Context of Biotectnological Development	92
Giorgio Agamben’s “Anthropological machine” in the dialogue with M. Heidegger	92
Human through the “bio-power” prism of the biotechnology age in P.D. Tishchenko analysis.....	97
B.G. Yudin: Marginal zones of human existence	99
“Artificial human” in M. Radkowska-Walkowicz’s	101
research	
F. Fukuyama and Factor X.....	109
Ontological status of human-animal hybrids and chimaeras in M. Beck’s research	113
J. Habermas and the future of human nature	118
Kant and Neo-Kantians about animals	121

Chapter 4. “True” Human as an Ideal Construct	125
Three reference points	125
“Human dignity”. Difference of level, not of quality.....	127
Major “human” concepts	129
Human nature	133
Conclusion. Quo Vadis, Homo Sapiens?	137

Предисловие

С момента, когда я начала исследования химер и гибридов человека и животного, прошло уже несколько лет. Тема, которая в то время была мало изученной и обычно воспринималась с недоумением и удивлением, сегодня стала одной из самых обсуждаемых у всех, кто интересуется вопросами биотехнологий и «улучшения» человека (*human enhancement*).

В своей книге я преследую две главные цели: во-первых, стремлюсь раскрыть читателю тему гибридов и химер человека и животного – ее историческое и культурное развитие, а также ее практическую реализацию в биотехнологии и, во-вторых, исходя из существующих возможностей гибридизации человека, задуматься над тем, кто такой человек и каковы границы его изменений. При этом я старалась представить данную тему в рациональном, конструктивном ракурсе, не теряя из виду всех угроз, которые несет для человечества именно такой вариант развития. Поскольку, на мой взгляд, невозможно бороться с технологическим прогрессом, необходимо максимально подготовиться к возможности создания гибридных форм человека и всевозможным последствиям этого шага. «Социальный контроль, социально-этическая экспертиза в этой области необходимы, но они не должны сводиться только к разрешениям и запретам», – подчеркивает В.С. Степин¹.

¹ *Степин В.С.* Трансгуманизм и проблема социальных рисков // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий) / Ред. Г.Л. Белкина. М., 2016. С. 41.

На это указывает также Б.Г. Юдин: «Чтобы подготовиться к жизни в этом мире новых возможностей, человеку и человечеству необходимы не только знания о назначении и способах применения новейших технологий, но и понимание их социально-гуманитарных предпосылок, а также последствий распространения – того, как их использование может сказываться на взаимоотношениях между людьми»². Данная книга должна помочь в этом разобраться.

Однако есть еще один важный аспект моего исследования и он вполне логично вытекает из того факта, что объект моих исследований – это гибриды и химеры человека и животного: животные занимают очень важное место в моих размышлениях. Я искренне надеюсь, что данный труд также внесет вклад в дело повышения статуса животных.

Многие склонны видеть в биотехнологиях прежде всего угрозу, поэтому хотели бы добиться запрета или временного моратория на эксперименты в сфере гибридизации и «улучшения» человека. Однако там, где существует лишь запрет, обязательно возникнет подполье. Ученые будут работать либо нелегально, либо за деньги инвесторов с неясными этическими установками, либо же просто эмигрируют в страны с более либеральным законодательством. А ведь для человечества и человека как биологического вида не имеет значения, где появляются первые гибриды или «усовершенствованные» люди – в Америке, в Старом Свете, в бурно развивающейся Азии, или на перифериях цивилизованного мира. Если к этому придет, нам всем придется полностью изменить свой взгляд на то, кто такой человек.

Я не сторонник гибридных форм жизни или других способов «улучшения» человека. Но я также не являюсь их противником. Я придерживаюсь такой позиции потому, что не считаю современного человека ни совершенным, ни даже достаточно хорошим. Я не верю, что человек создан по образу и подобию божьему, что он – вершина развития или обладает каким-то природным достоинством только по факту принадлежности к виду *Homo sapiens*. Человек – это животное, которое, по сравнению с остальным животным миром, обладает высшими интеллектуальными способно-

² Юдин Б.Г. Улучшение человека как проблема науки и философии, Концепции постчеловека в философии и технонауке: материалы V Международ. науч. шк. для молодежи. Белгород, 2016. С. 9.

стями, являющимися продуктом эволюции. Наши интеллектуальные способности привели наш вид к созданию орудий массового убийства и сделали нас способными, как ни один другой вид, нанести непоправимый вред нашей планете. Существует большая опасность, что в случае с *human enhancement* все будет точно так же. Сможем ли мы действительно «улучшиться»? Нам есть куда стремиться, но сумеем ли мы подняться на уровень выше также в моральном плане?

Это произойдет только в том случае, если мы определим отношение к нам самим и постараемся найти ответ на то, кто мы такие и в чем заключается суть «человеческого», сможем определиться с нашим отношением к новым формам жизни, которые, как я полагаю, рано или поздно неизбежно появятся рядом с нами.

ВВЕДЕНИЕ. ГИБРИДЫ И ХИМЕРЫ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО: ОТ МИФОЛОГИИ К БИОТЕХНОЛОГИИ

Терминология

Слова «химера» и «гибрид» большинство из нас ассоциирует с греческой мифологией и считает невозможным их появление в реальном мире. Тем временем они уже существуют в научных лабораториях и даже вне их стен. Латинское слово *hibrida* означает «помесь», а *chimaera* – это имя монстра из греческой мифологии с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона (или змея). Эти названия проникли в язык биотехнологий.

Под «гибридами» понимается результат скрещивания двух организмов таким образом, что в каждой клетке нового организма находится полный состав генов родителей (исходных организмов). В современных исследованиях гибриды создаются посредством скрещивания яйцеклетки животного, лишенной ядра, с клеточным ядром человека или скрещивания (человек-животное) яйцеклетки со сперматозоидом³. С 2007 г. подобные эксперименты, имеющие целью создание стволовых клеток, были законодательно разрешены в Великобритании; единственным ограничением стал срок существования эмбрионов-гибридов: не более 14 дней. В этих случаях гибридами становятся эмбрионы, созданные путем совмещения яйцеклетки коровы (или кролика) и генетического материала человека. История науки знает и другие эксперименты по созданию гибридов человека и животного, как, например, опыты советского

³ Beck M. Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten. Paderborn, 2009. S. 11, 87; Wilmut I., Campbell K., Tudge C. Ponowny akt stworzenia. Dolly i era panowania nad biologią. Poznań, 2002. S. 158.

ученого Ильи Иванова, а также прогнозирует дополнение человеческого генома генами животных в не таком далеком будущем. Обо всем этом пойдет речь в этой книге.

Что касается химер, то в науке это понятие означает организмы, которые имеют клетки или органы других организмов, относящихся к тому же или другому биологическому виду. В случае трансфера генов или хромосом такие организмы называются трансгенными, хотя в широком смысле они тоже являются химерами. Химеру иначе называют «мозаикой»⁴. Термин «химера» по отношению к генетически неоднородным организмам впервые использовал польский профессор Анджей Кшиштоф Тарковский, работы которого легли в основу многих генных технологий⁵. В **значении организмов, включающих в себя как человеческий, так и животный материал**, химерами будут пациенты ксенотрансплантации, а также животные, которым имплантируются человеческие гены, как, например, трансгенные овцы Полли (с человеческим геном, кодирующим белок фактора IX) и Трейси (с человеческим геном, кодирующим энзим ААТ), созданные теми же учеными, которые клонировали Долли, онко-мышь (способная заболеть человеческими видами рака), обезьяны (с человеческими мозговыми клетками), а также бактерии (с человеческим геном, кодирующим инсулин).

Невозможно точное применение научных терминов «гибрид» и «химера» по отношению к «человекозверям» как явлениям культуры, поэтому в отношении фантастических и мифологических представлений данные термины могут употребляться как равнозначные⁶.

⁴ Beck M. Op. cit. S. 91–94.

⁵ Лаборатория инновационных биомедицинских технологий. URL: <http://www.limbt.com/page/112/> (дата обращения: 20.07.2016).

⁶ Примером неправильного использования биологических определений понятий «химера» и «гибрид» служит российский перевод названия фильма «Химера» (англ. “Splice”), реж. В. Натали, 2009 г. В фильме речь идет об эксперименте по скрещиванию человеческой ДНК с ДНК животного, проведенном двумя молодыми учеными и приведшем к ужасным последствиям. Представленное в фильме существо – это гибрид, что противоречит русскому названию фильма. Во многих комментариях к фильму также прослеживается попеременное использование обоих терминов, что свидетельствует об их непонимании.

Методы исследования

Широкая постановка темы – гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии – позволяет мне рассмотреть сразу несколько проблем, возникающих в результате создания «человекозверей», и осветить их с различных ракурсов. Речь пойдет о культурных представлениях и их воздействии на ученых, об автономности «продуктов» новых биотехнологий, о спорной «природе человека» и статусе животных, которые являются важными участниками новых биотехнологических процессов.

Создание гибридов и химер человека и животного – уже не в форме мысленных экспериментов и фантастических существ в литературе, фильмах и искусстве, а реальных, живых организмов – это совершенно новые возможности науки и техники. Именно новизна служит стимулом к их всестороннему изучению и трансдисциплинарности, которая определяет широкие рамки моего исследования.

Многие ученые отождествляют трансдисциплинарность с более привычной междисциплинарностью. Однако, как пишет Л.П. Киященко, «хотя междисциплинарность преодолевает дисциплинарные границы, но цели ее остаются по-прежнему внутридисциплинарными. Наоборот, трансдисциплинарность, согласно смыслу префикса “trans”, касается того, что может лежать между дисциплинами, “поперек” дисциплинарных делений или за границами каждой отдельной дисциплины»⁷. И добавляет, что трансдисциплинарность «предполагает нарушение жесткости дисциплинарных делений научного знания, они становятся “проходимыми”, что способствует появлению разного рода систем “поверх” дисциплинарного деления, “меж”-системных образований, “экстра”-систем и т. д.»⁸. Трансдисциплинарность – это такой гибрид из научных подходов, не совокупность разных дисциплин, а их проникание и сплетение – как сплетение генов в геноме биологического гибрида. Поэтому, несмотря на биоэтический характер исследования, в одном исследовательском поле использовалась смесь культурологического, лингвистического, философского, ан-

⁷ Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М., 2009. С. 23.

⁸ Там же.

тропологического и исторического подхода, а этические проблемы были рассмотрены как по отношению к индивидам, так и к разным обществам, и человечеству в целом.

Как замечает Б.Г. Юдин, «осмысление и ассимиляция культурой современных достижений наук о человеке представляет отнюдь не один лишь академический интерес – человеку необходимо вырабатывать ориентиры, без которых будет попросту невозможно жить в этом мире новых, едва ли не сказочных возможностей»⁹. Достижения биотехнологий и быстрый прогресс в биомедицинских науках заставляют задуматься о том, что такое человек, какова его природа, а в контексте возможности создания гибридов человека и животного – также о том, что отличает человека от животных. Дебаты вокруг современных медицинских экспериментов, использующих генетический материал человека и животного, отражают отсутствие единого мнения о том, что представляет собой человек.

Вне сомнения, достижения биологических наук в ближайшем будущем сильно повлияют на образ человека как в биологическом, так в психическом и социальном плане. Как утверждает В.В. Чеклецов, «в обществе зреет небезосновательное ожидание парадигмального, онтологического и антропологического сдвига»¹⁰. Необходимо изучить, кем современный человек является по отношению к гибридам и химерам человека и животного, созданным в научной лаборатории, или, иначе говоря, как понимать природу человека в контексте развития биотехнологий. Парадигмальный сдвиг, о приближении которого писал Чеклецов, – это, по моему убеждению, постгуманизм в науке и мировоззрении, который смещает человека из центра внимания и перестает рассматривать его в качестве «меры всех вещей». Поскольку гибриды и химеры являются новой формой жизни, отличающейся от современного человека, такое смещение акцентов кажется мне вполне подходящим для их исследования.

Биоэтика (в понимании П.Д. Тищенко – «республика, в которой на равных соучаствуют эксперты и “профаны” (“люди с улицы”))»¹¹) вполне серьезно относится к ценностям и установкам

⁹ Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопр. философии. 2004. № 2. С. 16–28.

¹⁰ Чеклецов В.В. Проблема изменения природы человека в контексте становления нанотехнологий: Автореф. дис... кандидата филос. наук. М., 2012. С. 5.

¹¹ Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С. 14.

обычных людей и прислушивается к их голосу. В силу этого она выступает как «дисциплина, которая не является лишь отделением “академии”, но неким фрагментом общественной жизни, которая растягивается между академическим миром, в его узком понимании, и пространством общественных дебатов, проходящих с помощью СМИ», как пишет Я. Хартман¹². Благодаря такому толкованию я имею право включить в свой анализ, наряду с научной и философской литературой, все виды высказываний «профанов» – не специалистов в области биоэтики, но являющихся при этом «философами повседневности». Это будут всевозможные тексты культуры, через которые высказываются «профаны»: артефакты, мифы, произведения литературы, кино, интернет-форумы, и др. Я охотно пользовалась также журналистскими и репортерскими статьями, опубликованными для широкого круга читателей. Я считаю, что ни в коем случае нельзя пренебрегать такими источниками, поскольку они являются важнейшей частью биоэтического диалога. «Биоэтика, которая возникает в связи с развитием современных биотехнологий, нуждается в СМИ, которые по существу являются естественной средой ее обитания и без которых само ее существование было бы попросту невозможно. Иными словами, биоэтика только и могла возникнуть в мире, в котором столь весомую роль играют СМИ»¹³.

В области биоэтики возможны многообразные подходы, применение которых ограничивается лишь соображениями их эффективности в изучении данной проблемы. На такую «эклектичность» указывает Тищенко, который в своём исследовании обращается, например, к «медицинскому фольклору»: «Специфика рациональности биоэтики заключается в своеобразном “эклектическом” сочетании различных философских подходов, в “теоретизовании без теории”, где вопросы об истине и благе рассматриваются одновременно и теоретически, и с позиции прагматической эффективности того или иного подхода (метода, языка) в анализе и разрешении встающих в биомедицине реальных человеческих ситуаций»¹⁴.

¹² *Hartman J.* Czym jest dzisiaj bioetyka? // Instytut Filozofii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002. URL: http://www.iphils.uj.edu.pl/~j.hartman/pu.php?c=bioetyka&p=czym_jest_dzisiaj_bioetyka (дата обращения: 20.07.2016).

¹³ *Тищенко П.Д., Юдин Б.Г.* Биоэтика и журналистика. М., 2011. С. 9.

¹⁴ *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. С. 14–15.

Тищенко, рассматривая соотношение профан–эксперт в области биоэтических дискуссий, указывает на прагматичность профана и замечает, что «профан, слушая и оценивая, не в силах проверить основания, из которых исходит эксперт, но он вполне может вообразить варианты сюжета развития жизненных ситуаций в случае признания или непризнания свидетельства эксперта. Эти сюжеты всегда можно обсудить с другими, проиграть в воображении новые варианты, основанные на свидетельствах других экспертов»¹⁵. Похожую ситуацию мы наблюдаем в произведениях литературы и кино, в которых творцы культуры «погружают» научные эксперименты и открытия во всевозможные жизненные сценарии, указывая на те аспекты, которые проходят мимо внимания ученых.

В своем исследовании я использую также труды биологов и медиков, представляющие как историю и актуальное состояние экспериментов с гибридами, так и их возможные последствия для человека в будущем. К этой категории принадлежит труд М. Бека¹⁶, немецкого теолога и профессора медицины. Его книга, посвященная, в основном, этической и философской стороне экспериментов с созданием химер и гибридов человека, является на настоящий момент одним из самых глубоких исследований в данной области. Интересными для меня являются также работы ученых-биологов, которые представляют развитие и достижения биотехнологии широкому кругу читателей (часто при этом осмысливая личный опыт проведения экспериментов, как, например, ученых, которые клонировали овцу Долли: И. Уилмут, К. Кэмпбелл, К. Тадж¹⁷). Надо также отметить труд Л. Сильвера¹⁸, представляющего перспективы развития биологических наук и сценарии будущего человека. В данную часть анализа я включила также специализированные медицинские интернет-источники, которые самым быстрым образом реагируют на новейшие результаты биотехнологических разработок.

Следующим этапом исследования стал анализ философской и этической литературы, посвященной, с одной стороны, проблематике человеческих гибридов и химер, а с другой – осмыслению

¹⁵ Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. С. 172.

¹⁶ Beck M. Op. cit.

¹⁷ Wilmut I., Campbell K., Tudge C. Op. cit.

¹⁸ Silver L. Raj poprawiony. Nowy wspaniały świat? Warszawa, 2002.

границ вмешательства в геном и природу человека. Для этого использовались труды известных мыслителей, как российских (Б.Г. Юдин, П.Д. Тищенко, И.Т. Фролов, Е.И. Кириленко, Л.П. Киященко, К.О. Россиянов и др.¹⁹), так и зарубежных (Ю. Хабермас, П. Сингер, Я. Хартман, М. Клиновски, Е. Ветулани, Ф. Фукуяма, Д. Агамбен и др.²⁰). Идеям многих из них посвящены отдельные разделы этой книги.

Особенное место в моем исследовании занимает философия прав животных и этика животных. Здесь надо вспомнить концепции утилитарной этики П. Сингера²¹, в частности, его трактовку понятия личности и постулат повышения статуса животных, а также работы К.О. Россиянова, посвященные в т. ч. этике экспериментов на животных²². **О правах животных в свете новых биотех-**

¹⁹ Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем; Юдин Б.Г. Сотворение трансчеловека // Вестн. Рос. Акад. наук. 2007. Т. 77. № 6; Юдин Б.Г. Природа человека: конструктивизм против натурализма // Высш. образование в России. 2005. № 5; Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий; Тищенко П.Д. О множественности моральных позиций в биоэтике // Человек. 2008. № 1; Кириленко Е.И. Медицина как феномен культуры: опыт гуманитарного исследования: Дис... д-ра филос. наук. Томск, 2009.

²⁰ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: На пути к либеральной евгенике? М., 2002; Hartman J. Czym jest dzisiaj bioetyka? // Instytut Filozofii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002. URL: http://www.iphils.uj.edu.pl/~j.hartman/pu.php?c=bioetyka&p=czym_jest_dzisiaj_bioetyka (дата обращения: 20.11.2016); Klinowski M. O niemoralności aborcji. Koherencja przekonañ, biologiczne człowieczeństwo i słuszne interesy // Diametros. 2008. № 16; Klinowski M. Współczesne spojrzenie na naturę ludzką // Dyskrecjonalność w prawie / Red. W. Stańkiewicz, T. Stawecki. Warszawa, 2010. S. 475–480; Klinowski M. Zarodki, komórki macierzyste i natura ludzka // Diametros. 2009. № 19; Vetulani J. Medyczne usprawnianie człowieka // Wszechświat. 2007. Т. 108. № 1–3; Ślipko T. Spacerem po etyce. Kraków, 2010.

²¹ Singer P. All Animals Are Equal // Animal Ethics. Past and Present Perspectives. Berlin, 2012; Singer P. Etyka praktyczna. Warszawa, 2007; Сингер П. Освобождение животных / Пер. на рус. яз. Центра защиты прав животных «Вита», 2009. URL: http://www.vita.org.ru/library/philosophy/singer_animal_liberation.htm (дата обращения: 10.12.2016).

²² Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопр. истории естествознания и техники. 2006. № 1. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/vv/papers/ecce/ivapitek.htm> (дата обращения: 17.11.2016); Россиянов К.О. Животные – тоже люди? // Вокруг света. 19.06.2006. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/29/> (дата обращения: 16.12.2016).

нологий пишут Т. Петжиковский и А. Эльжановский²³, а вопросы нашего отношения к животным в науке и искусстве поднимают, например, Д. Харавэй²⁴, М. Бакке²⁵, Г. Гаевская²⁶ и др.

В данной работе широко используется и культурологическая литература, в частности, высказываемые в ней представления о современном человеке, о страхах и надеждах, порождаемых наукой и технологиями, и о будущем *Homo sapiens* как вида. Содержательный анализ тематики гибридов человека в культурологической перспективе дан в работе М. Радковской-Валькович²⁷, посвященной отношению людей к киборгам (гибридам человека и машины) и другим «искусственным людям». Другой автор, который прослеживает границы человеческого – это А. Вечоркевич, изучающая монстров и чудовищ среди нашего вида и отношение к ним в исторической перспективе²⁸.

В своем исследовании я использовала исторический метод для представления развития экспериментов по созданию химер и гибридов человека и животного (проводившихся еще задолго до открытия структуры ДНК), а также для обзора развития мотива «человекозверья» в культуре. Я умышленно занималась как фактическими научными разработками в области создания гибридных организмов, так и мифическими и культурными изображениями «человекозверей», поскольку как в первых, так и во вторых находят свое выражение различные аспекты осмысления человеком вопроса о создании человекоподобных существ.

²³ Pietrzykowski T. Kant, Korsgaard i podmiotowość moralna zwierząt. URL: https://www.academia.edu/10158639/Kant_Korsgaard_i_podmiotowość_moralna_zwierząt; Elżanowski A., Pietrzykowski T. Zwierzęta jako nieosobowe podmioty prawa, Forum Prawnicze nr1, 2013 (дата обращения: 20.07.2016).

²⁴ Haraway D. When Species Meet. Minneapolis; L., 2008; Haraway D. Modest_Witness@Second_Millennium.Female_Man©_Meets_Oncomouse™: Feminism and Technoscience. N. Y.; L., 1997.

²⁵ Bakke M. Między nami zwierzętami. O emocjonalnych związkach między ludźmi i innymi zwierzętami; Bakke M. Studia nad zwierzętami: od aktywizmu do akademii i z powrotem. URL: https://www.academia.edu/2158352/Studia_nad_zwierzętami_od_aktywizmu_do_akademii_i_z_powrotem (03.01.2017); Bakke M. Bio art – sztuka in vivo i in vitro. URL: <http://archiwum-obieg.u-jazdowski.pl/teksty/4408> (20.07.2016).

²⁶ Gajewska G. Przyroda(i)kultura w epoce antropocenu // Przestrzenie Teorii. Poznań, 2012. S. 105–114.

²⁷ Radkowska-Walkowicz M. Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze. Warszawa, 2008.

²⁸ Wiczorkiewicz A. Monstrarium. Gdańsk, 2010.

Этот анализ дополняется выявлением и изучением культурно-антропологических корней рассматриваемого направления биотехнологий. Во многом, именно путем обращения к этим корням выстраивается этическая оценка экспериментов по созданию новых гибридных существ, учитывая, что «любые достижения научно-технического гения человечества могут войти в жизнь людей только в той мере, в какой они являются приемлемыми с точки зрения распространенных в обществе культурных представлений и норм»²⁹.

Постгуманизм – новая парадигма в науке

Еще недавно оппозиция «культура-природа» являлась одной из основных бинарных оппозиций, которая не только служила познавательной структурой, но и характеризовала человеческий способ «бытия в мире». Все чаще, однако, ученые и философы подвергают сомнению ее реальность. При этом указывается на то, что человек существует в широкой сети взаимоотношений, а культура (техника) и природа в наше время неразлучно сплетены. Д. Харавэй показывает на фермерское поле и спрашивает – является ли оно частью природы или культуры? М. Домбровска рассматривает разнообразие пород собак и задается тем же вопросом – имеем ли мы дело с природой или культурой (искусством)? Можно привести еще больше примеров, суть останется та же: вмешательство человека в природу настолько глубокое, что практически невозможно говорить уже о какой-то «модельной», «чистой» природе, стоящей в оппозиции к культуре. Оба эти понятия смешались, и разделить их уже не в наших силах. Методологические инструменты должны учитывать это обстоятельство, которое постепенно влияет на мировоззрение и исходящую из него практику – научную и будничную.

Важнейшей частью новой парадигмы, которая получила название «постгуманизм», является постантропоцентризм, т. е. некий сдвиг в сфере мышления через призму человека и его интересов.

²⁹ Юдин Б.Г. Биологическое существование человека: культурные аспекты (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskoe-suschestvovanie-cheloveka-kulturnye-aspekty-okonchanie> (дата обращения: 20.12.2016).

Как убеждает М. Бакке, «антропоцентризм во многих кругах уже считается не просто неоправданным, но даже высокомерным и анахроничным. Тем не менее мы находимся только в самом начале пути, ведущего нас в мир неизвестного, не-человеческого другого»³⁰.

В наших отношениях с животными можно указать на два главных подхода: с одной стороны, это подход, сосредоточенный на категории фундаментальных прав животных (предпосылки для установления которых могут базироваться на разных философских направлениях), с другой стороны – на категории неравенства и трудовых отношений (здесь огромную роль сыграли феминизм³¹ и неомарксизм, чья проблематика охватывает животных на службе человека), где животных рассматривают не как объекты, а как участников разных процессов. Несмотря на ряд различий, оба подхода имеют общую черту – они критикуют антропоцентризм.

Изучение человеческого (и не только) генома показало, насколько ничтожной является разница между ДНК разных видов. Наше родство и сходство с остальными живыми существами стало более наглядным. Это относительно новое знание дало нам возможность создавать гибридные организмы – новые формы жизни. Очень вероятно, что дальнейшее развитие биотехнологий и генетики – углубление знания о том, что общего есть у живых организмов и постепенное стирание границ между видами – будет способствовать расширению влияния постгуманизма, которое мы уже более 30 лет наблюдаем в западной науке. Хотя труды западных коллег становятся известными в России с достаточно сильным опозданием, этот тренд медленно, но верно проникает и в российскую науку. Примером здесь могут быть исследования К.О. Россиянова (2006 г.), который представил опыты И.И. Иванова по скрещиванию человекообразных обезьян с человеком в совершенно новом для этой темы свете, принимая точку зрения других видов и отстаивая их интересы.

³⁰ Bakke M. Między nami zwierzętami. O emocjonalnych związkach między ludźmi i innymi zwierzętami. S. 232.

³¹ Нет ничего парадоксального в феминистической заботе о правах животных, если принять, что истоки дискриминации женщин и животных (а также других категорий существ) имеют общее корни. Речь идет об особенных жизненных опытах, которые женщины делят с животными (принужденное деторождение, принужденный отказ от материнства, отбор новорожденных детей и невозможность самостоятельно определять свою судьбу и др.).

Для чего нам нужны гибриды и химеры?

Единого ответа не существует, об этом я хочу предупредить сразу. Можно, однако, предположить, что существует несколько мотивов, которые движут учеными-биотехнологами, а также творцами культуры при создании химер и гибридов.

Конечно, наиболее практичные ответы совпадают с заявлениями ученых: благодаря гибридам и химерам можно успешнее тестировать лекарства, ставить эксперименты в области новых терапий, проводить терапевтические процедуры (например, пересадку органов, тканей или генов) или действовать в сфере «улучшения» некоторых физических характеристик. Зачем же тогда люди создавали «человекозверей» в своих фантазиях на протяжении многих тысячелетий?

Можно предположить, что химер и гибридов человека и животного – существ, которые долго жили лишь в нашем воображении, а сегодня возникли в лабораторных условиях – можно рассматривать как способ человека приблизиться к миру природы, как попытку представить себе, что мы и животные намного ближе друг к другу, что мы можем говорить на одном языке. (Мечта говорить с животными на одном языке проявляется как в детских книжках, например, в серии Х. Лофтинга о докторе Дулиттле или в сказке К. Чуковского «Доктор Айболит», так и в научных проектах, в которых ученые стараются обучить языку обезьян, дельфинов или других животных³².) В контексте гибридов чувство видового одиночества удаляется. Мы создаем разумных Других, которые «почти-как-мы».

«Человекозвери» могут быть также попыткой возврата ко времени до возникновения культуры, до «райского» единства с миром природы. Может быть, путь к «божественности» ведет именно через природу, а не через культуру (в раю человек не знал культуры с ее заботой о теле; культура возникла в результате греха). Это также слияние культуры и природы (если принять, что их репрезентант-ами будут, соответственно, человек с одной стороны, и другие животные, с другой) в новую систему и в новом качестве.

³² Например: Между человеком и волком, интервью с Я. Бадридзе // Русский Репортер. 2010. № 15 (143). С. 50–59, а также *Торгашев А.* Общий язык // Русский Репортер. 2010. № 3 (131). URL: http://rusrep.ru/2010/03/obuchenie_delfinov/ (дата обращения: 10.11.2016).

Возможен и противоположный вариант: познание человека через обозначение его границ. В таком случае создание гибридов и химер было бы экспериментированием на границах «человеческого». Здесь научные разработки по их созданию корреспондировали бы с разработками в сфере создания роботов, киборгов и искусственного интеллекта, которых многие ученые рассматривают как существ, «говорящих» правду о нас самих. Такова позиция М. Радковской-Валькович, которая проанализировала образ «искусственного человека» в культуре. Отталкиваясь от вопроса, чем объясняется распространенность фигуры «искусственного человека» в новоевропейской культуре, автор пришла к выводу, что «благодаря роботам, андроидам и киборгам мы не только можем лучше познакомиться с механизмами, которые управляют нашим поведением и фантазией, но также по-другому рассказать историю дискуссии о сути человечности. Искусственный человек помогает нам понять самих себя, является точкой отсчета создания идентичности. Определяя, кем является андроид, мы часто говорим, кем не являемся мы»³³, и добавляет, что современный человек редко ищет ответы на свои экзистенциальные вопросы у философов. Намного чаще он обращается к творцам поп-культуры. Именно поп-культура дает определенное представление о современном состоянии человечества.

В то же время химеры и гибриды человека и животного вызывают страх и чувство опасности. Их часто интерпретируют как «монстров», существ, унижающих человека, которые ведут к регрессу человечества. Одновременно гибриды человека и машины (киборги) часто воспринимаются как показатели прогресса человечества и ассоциируются с будущим. Это может свидетельствовать не только о том, что киборги создают менее пугающий образ будущего, чем гибриды человека и животного, но также о том, что гибрид человека и животного – это «более животное», в то время как гибрид человека и машины – это «более человек». Гибрид человека и животного, это, в обыденном мнении, «усовершенствованное» животное, а киборг – это «усовершенствованный» человек, а, значит, его возникновение является движением вперед. На самом деле, гибриды и химеры человека и животного могут иметь

³³ *Radkowska-Walkowicz M. Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze. S. 23.*

разные проявления – как человека с добавлением тканей или генов животного, так и животного с добавлением тканей или генов человека. Такого рода «усовершенствованные» животные уже существуют в научных лабораториях и не вызывают никаких серьезных волнений в обществе. Поскольку они являются лишь «средством» к достижению (терапевтической, научно-медицинской) цели, эксперименты на них не становятся предметом общественных дебатов, они не вызывают никаких страхов. Похоже, что, как в случае с опытами И.И. Иванова, общество не опасается «загрязнения» генома животных генами человека, а лишь «загрязнения» генома человека генами животных.

В русле *human enhancement* («улучшения» человека) рассматриваются также варианты расширения или изменения физических способностей людей с помощью добавления генов животных – способность видеть в темноте, увеличение выносливости или силы мышц, иммунитета против некоторых заболеваний и даже замедление старения (здесь огромную роль играют эксперименты с голым землекопом) – все это идеи изменения человеческого вида в сторону лучшей адаптации к вызовам экологии и меняющемуся образу жизни. Эти научные идеи вызывают, однако, многочисленные вопросы, среди которых угроза потери «человеческой природы» выходит на первый план.

С уверенностью можно сказать лишь одно: гибриды и химеры человека и животного – это творения амбивалентные, порождающие как большие надежды, так и большие страхи. Многое зависит от того, в каком контексте мы говорим об их создании и существовании.

ГЛАВА 1. «ЧЕЛОВЕКОЗВЕРИ» В КУЛЬТУРЕ

Как нетрудно заметить, в новейших достижениях и замыслах биотехнологий, связанных с созданием гибридов и химер человека и животного, есть что-то родственное тем мифам и архетипам «человекозверя», которые сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Во всех культурных кругах и во всех эпохах обнаруживаются представления о химерах и гибридах человека и животного. Поэтому современные научные эксперименты в данной области можно воспринимать как своего рода продолжение, как практическую реализацию вековых мысленных экспериментов и фантазий о «человекозверях». Этот заложенный культурой фундамент выступает в качестве одного из факторов, влияющих на замыслы, содержание и осмысление современных биотехнологических исканий. Наряду с этим он во многом определяет восприятие биотехнологических достижений обществом, которому они представляются через призму мифов, произведений литературы и кино, т. е. таких конкретных образов, как Минотавр, оборотни, Ихтиандр и другие миксморфные персонажи. В текстах культуры выражены идеалы, ценностные установки, ожидания и опасения, которые играют немаловажную роль в оценке обществом перспектив развития науки и растущих возможностей человеческого вмешательства в божественный или естественный порядок.

Несомненно, культурные гибриды и химеры всегда являются творением своей эпохи, и даже если человеческая фантазия помещает их в прошлое или будущее, то внедренные в них смыслы яв-

ляются смыслами современности. Учитывая этот факт, я условно поделила фантастических «человекозверей» на три группы, в которых отражается степень понимания человеком процессов, происходящих вокруг него: (1) древние гибриды были независимыми существами, возникшими в результате действий высших сил – божественных или дьявольских – или существовали с давних пор, параллельно с людьми или даже дольше, чем люди; (2) **со временем**, когда человек в большей степени почувствовал себя создателем или хотя бы инициатором, «человекозвери» утратили свою «вечность» и у них появилось начало: действия человека; (3) **новые и новейшие культурные гибриды человека и животного** – это результат работы ученых или их ошибок. Это гибриды, созданные уже не богом или природой, а человеком – исследователем.

Совершенно недавно я обнаружила, что похожие мысли на тему взаимосвязи мифических химер и современной науки были высказаны несколько лет до меня зоологом О.М. Ивановой-Казас в книге «Мифологическая зоология»: «Но сближение таких далеких на первый взгляд наук, как мифология и зоология, не так уж абсурдно. В сущности, почти все современные науки уходят своими корнями в мифологию. Хотя мифозои созданы человеческой фантазией, но сама фантазия есть продукт переработки информации, полученной из окружающего мира, и не создает ничего принципиально нового. В сущности, мифология и зоология – родные сестры, они соответствуют двум стадиям познания окружающего мира человеком. Поэтому сопоставление образов и событий мифологии и реальной жизни не только занимательно, но представляет и исторический интерес»³⁴.

Биология воспринималась раньше как история, в которой были перемешаны реальные и фантастические создания, о чем напоминает еще один биолог, Х.П. Тирас: «биология называлась «естественной историей», и поколения биологов, от Аристотеля до Кювье, создавали многотомные описания живой (и неживой) природы. Заметим для начала, что живая природа предстает перед читателем именно как история – описание живых (а часто и мифических) животных и растений»³⁵.

³⁴ *Иванова-Казас О.М.* Мифологическая зоология. СПб., 2004. С. 3.

³⁵ *Тирас Х.П.* Этика и практика биологического исследования: 200 лет эволюции // Философия науки. Т. 20. М., 2015. С. 144.

Представление всего спектра проявлений «человекозверей» (или, иначе, «мифозоев», как назвала все мифические химеры Иванова-Казас) выходит далеко за рамки данного исследования. Сама Иванова-Казас признает, что в созданной ей базе «мифозоев» числится более 200 названий: «При ее составлении было принято во внимание, что среди упомянутых мной фантастических животных следует различать истинных мифозоев (мифозоев *sensu stricto*), стихийно возникших, в существование которых люди искренне верили и которые участвовали в разных мифологемах и в фольклоре, и искусственно созданных монстров, придуманных разными мистиками и философами, которые имели в основном символическое значение и которых никто никогда не считал живыми существами. К этой же категории относятся геральдические звери и химеры, придуманные фантастами и шутниками уже в наше время. Однако граница между этими категориями выражена не очень резко. Промежуточное место между ними занимают средневековые чудовища, в которых, по всей вероятности, все-таки кто-то верил, а также фантастические животные, описанные путешественниками; эти мифические и полумифические существа причислены к первой категории»³⁶.

Я ограничиваю свой обзор «человекозверей», этого особенно-го типа химер и гибридов, прежде всего европейским культурным кругом, упоминая миксморфные существа других культур лишь в качестве подтверждения распространенности этого фантастического класса объектов.

Греко-римская мифология

В нашем культурном круге к самым распространённым гибридам человека и животного принадлежат фантастические персонажи из греческой мифологии – Пан, кентавры, сатиры, Минотавр, сирены (русалки) – девы с телом птицы или рыбьим хвостом, Медуза со змеями вместо волос, Ехидна – змея с человеческой головой, и многие другие.

Одним из самих известных «человекозверей» среди олимпийских богов был Пан (Фавн). Это получеловек, полукозел: козлоногий, мохнатый, с козлиной бородой и рогами. Он – покровитель

³⁶ Иванова-Казас О.М. Указ. соч. С. 27.

лесов и полей, диких животных и стад, охотников и пастухов. Жил в лесах и был хтоническим богом, т. е. связанным с землей и подземным миром. Известный своей сексуальной активностью, он также был богом плодородия. Существует множество версий его происхождения, но интереснее всего те, которые подтверждают древность Пана – он сын Зевса, главного греческого бога.

Другими фантастическими «человекозверьями» греческой мифологии были сатиры и кентавры. Первые составляли свиту Диониса, и, подобно богу Пану, были полулюдьми, полукозлами. Они также были чрезвычайно активны в сексуальном плане, хотя, как догадывается автор «Мифологической зоологии», были бесплодными. К людям относились враждебно. Кентавры, полулюди-полулошади, были дикими и нецивилизованными, напивались, ели сырое мясо и также враждебно относились к людям. Они символизируют дикую страсть, животную похоть, brutальную силу, жестокость и варварство, а также животное в человеке, противоречия человеческой души, конфликт между инстинктом и разумом, низкие инстинкты, которые не могут быть приручены³⁷. Исключением среди них был лишь Хирон – умный, гостеприимный, дружелюбный. Случайно раненный стрелой Геракла, страдая от боли, он выбрал смерть, хотя изначально был бессмертен. История их происхождения такова: «Первый кентавр был сыном царя лапифов Иксиона, который стал домогаться любви Геры. Но Зевс подсунил ему богиню облаков Нефелу, придав ей внешний вид Геры. По-видимому, вторая шутка Зевса состояла в том, что от союза этих двух вполне антропоморфных существ родилась химера – кентавр. Спариваясь с кобылами, кентавр породил целое племя кентавров. Но некоторые из них имели иное происхождение»³⁸, рассказывает Иванова-Казас. Она с юмором отмечает, что нигде нет упоминаний кентавров женского рода, и в результате создается «беспрецедентная с биологической точки зрения ситуация – вид кентавров представлен только самцами и его воспроизведение осуществляется с помощью самок другого вида»³⁹.

Кентавры – это продукт не только древнегреческого воображения. Как пишет Иванова-Казас, «якуты полагали, что сначала бог создал коня, от которого произошел полуконь-получеловек (т. е.

³⁷ *Kopaliński W.* Słownik Symboli. Warszawa, 1990. S. 40.

³⁸ *Иванова-Казас О.М.* Указ. соч. С. 110.

³⁹ Там же. С. 111.

кентавр), а уже от последнего произошли люди»⁴⁰. Мифологии коренных народов Сибири полны оборотней, тотемических животных – предков человека и других миксморфных персонажей.

Большой интерес вызывает Минотавр. Он родился в человеческом обществе, его жизнь маркировали границы рождения и смерти, и сам он жил не в далеком мире богов, а в человеческом *universum'e*, хотя и будучи изолированным от него. Все это делает фигуру Минотавра чрезвычайно интересной. Версий его происхождения много, некоторые из них утверждают, что он произошел от богов. Для меня, однако, гораздо более важной представляется «человеческая» генеалогия Минотавра – как химеры, иллюстрирующей новый подход к «человекозверям» в культуре. По одной из версий⁴¹, он был сыном короля Крита Миноса и королевы Пасифаи, послан им богами как наказание за гордость и неуважение к ним. Минотавр был монстром с мужским телом и головой быка. Однако внешний вид – это не самое ужасное, чем прославился Минотавр: он питался человеческим мясом. Иванова-Казас снова шутит на эту тему: «с зоологической точки зрения трудно понять, как Минотавр пожирал людей, имея голову травоядного животного»⁴². Ежегодно из Афин на Крит отправляли корабль с жертвами – семь девушек и семь юношей из благородных семей – как пищу для кровожадного монстра. Необходимо особенно подчеркнуть этот момент, потому что человеческое мясо означает здесь намного больше, чем только опасность для людей, посланных на заклание. Это нарушение табу, коим является каннибализм. Ведь Минотавр принадлежит человеческому сообществу: однако он «свой» и «чужой» одновременно. Эта черта характеризует все гибриды и химеры человека и животного. Они будут существовать на границе миров, как люди – не люди, как те, которые одновременно находятся «внутри» и «вне», принадлежат одновременно *orbis interior* и *orbis exterior*. Об этом свидетельствует факт, что Минотавр жил на Крите, среди людей, был включен в их общество в качестве королевского сына и одновременно изолирован от этого социума, закрыт в построенном Дедалом Лабиринте, из которого невозможно было выйти. Как

⁴⁰ Иванова-Казас О.М. Указ. соч. С. 13.

⁴¹ Markowska W. Mity Greków i Rzymian. Warszawa, 1983.

⁴² Иванова-Казас О.М. Указ. соч. С. 129.

мы знаем, выход из Лабиринта нашел Тесей с помощью нити, которую подарила ему Ариадна. Тесей покорил Минотавра: он убил опасное чудовище, что также свидетельствует о том, что «человекозвери» вошли в орбиту действий человека. Минотавр принадлежит ко второй из условно обозначенных мной категорий «человекозверей»: он все еще обладает сверхъестественной природой, но уже подчиняется правилам человеческого мира.

Как пишет Иванова-Казас, «переход – от “Физиолога”⁴³ и бестиариев⁴⁴ к научной зоологии начался с 5-томной “Истории животных” швейцарского натуралиста Конрада Геснера (1516–1565), в которой еще много материалов, почерпнутых из фольклора, а также фантастических животных, описанных путешественниками (это была эпоха великих географических открытий), но уже без христианской символики. А когда зоология начала оформляться как настоящая наука, снова вспомнили мифологию и при описании новых видов и групп животных стали широко использовать названия, заимствованные из мифологии (например, гидра, медуза, циклоп, тритон, *Niprosampus*)»⁴⁵. Влияние греко-римской мифологии проявляется и сегодня в биотехнологиях, не только в используемых ею терминах, но, прежде всего, в самой идее смешивания (химеризации) генов, клеток, органов.

Коротко о некоторых «человекозверях» из других культурных кругов

Гибриды и химеры человека и животного присутствуют не только в чрезвычайно богатой в этом плане греко-римской мифологии, но также и в других культурных кругах. Например, в египетской мифологии, в которой множество богов является полуплюдьми, полуживотными. Большинство из них прошло путь от зооморфных к миксморфным представлениям.

⁴³ Книга неизвестного автора написана на греческом языке между II и IV в. н.э., в которой представлены описания животных с точки зрения их христианской символики.

⁴⁴ Иллюстрированные средневековые сборники зоологических статей, в которых описывались различные животные, в том числе мифологические.

⁴⁵ *Иванова-Казас О.М.* Указ. соч. С. 25.

«Во времена пятой династии (2510–2460 гг. до н. э.) рождается легенда об Осирисе. Затем рядом с Осирисом появляется богиня Исида – его сестра и жена с сыном Гором, рожденным от Осириса. Легенда о том, как бывший египетский царь выдающихся способностей Осирис был коварно убит братом Сетом, расчленен им на части, которые были разбросаны по всему Египту, и о том, как эти части собирала Исида, широко известна...»⁴⁶. Осириса представляли как мужчину с царскими регалиями, однако окружающие его боги представлены в виде «человекозверей»: Исиду представляли с головой коровы (иногда только с рогами), Гора – с головой сокола, Сета – с головой неопределенного по сегодняшней день животного, похожего на осла, шакала и антилопу.

Кроме этой божественной семьи, в египетской мифологии есть множество других богов, обладающих физическими, внешними чертами животных. «Египетское царство было традиционно разделено на 42 нома (провинции или княжества), которые формировались по принципу племенных территорий и именовались по символу главного божества этого племени, которое изображалось с головой слона, зайца, волка, антилопы и т. д. Отсюда заячий, волчий, антилопий и другие номы»⁴⁷. К самым известным богам относятся: Амон (голова барана), Ра (голова сокола), Хапи (голова павиана), Дуамутеф (голова шакала), Сехмет (голова львицы) и Анубис (голова шакала).

Иванова-Казас объясняет, что «наличие голов разных животных у египетских богов и вообще почитание животных в Древнем Египте жрецы объясняли тем, что во время борьбы с великанами богам пришлось временно надеть маски животных»⁴⁸ и добавляет, что современная наука выводит эту традицию скорее из культа тотемических животных.

Помимо многочисленных богов, имеющих человеческое тело и голову животного (или представленных в виде животного), широко известно получило мифическое создание с телом льва и головой человека – Сфинкс. Голова сфинкса часто копировалась с

⁴⁶ Швечиков А.Н. Философско-религиозный смысл социальных институтов древнего Египта // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 115. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-religioznyy-smysl-sotsialnyh-institutov-drevnego-egipta> (дата обращения: 20.12.2016).

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Иванова-Казас О.М. Указ. соч. С. 100.

фараонов, которые являлись богами на Земле. Сфинксы были сторожами, которые стояли на страже между земным и загробным миром, а также охраняли святые места. Самый известный Сфинкс – это Большой Сфинкс в Гизе, стоящий около пирамид. (Стоит отметить, что в греческой мифологии существовала Сфинга – аналогичное божество с головой женщины, лапами и телом льва, крыльями орла и хвостом быка.) То, что Сфинксы являлись сторожами, подчеркивает их – химер и гибридов вообще – статус «посредников», существ, которые принадлежат одновременно ко многим мирам.

Еще одной религией, богатой на божественные представления о «человекозверях», является индуизм. Нарасимха, аватар Вишну, имеет тело человека и голову льва, Ганеша, бог мудрости – это человек с головой слона, Гаруда, ездовая птица (вахана) бога Вишну, имеет человеческие и орлиные черты, а Хануман – это обезьяноподобный бог. (Фигура Ханумана перекочевала в Китай, где в XVI в. был издан анонимный роман «Путешествие на Запад», рассказывающий о Сунь Укун, Царе Обезьян.) Свидетельством того, что данные мифологические гибриды пользуются популярностью в современной индийской культуре, может быть мультфильм 2007 г. «Возвращение Ханумана» (*“Return of Hanuman”*), в котором обезьяноподобный бог спускается на Землю, чтобы помочь людям и спасти планету. Что еще более интересно, мальчик Аршид Али Хан, который родился в Индии с расщеплением позвоночника и в результате имеет на спине «хвост» длиной в 18 см, почитается многими как очередное воплощение бога Ханумана⁴⁹. Таких случаев «божественных инкарнаций» в Индии больше и касаются они разных патологий и соответственно – разных богов⁵⁰.

Практически все мифические или литературные химеры человека и животного, независимо от культурного круга, в котором они выступают (а выступают они, более или менее ярко выражено,

⁴⁹ URL: <http://www.dailymail.co.uk/video/health/video-1100366/Meet-Arshid-Ali-Khan-teenager-worshipped-tail.html> (дата обращения: 20.12.2016); URL: <https://lenta.ru/news/2014/06/19/tail/> (дата обращения: 20.12.2016).

⁵⁰ Например: URL: <https://lenta.ru/news/2014/04/16/hvost/> (дата обращения: 20.12.2016); URL: <http://www.fakt.pl/wydarzenia/swiat/dziecko-urodzilo-sie-z-6-nogami-mowia-ze-jest-bogiem-foto/0m5q47w> (дата обращения: 20.12.2016); URL: <http://wiadomosci.onet.pl/ciekawostki/indie-urodzil-sie-z-czterema-rekami-i-czterema-nogami-mowia-o-nim-boskie-dziecko/fm81q> (дата обращения: 20.12.2016).

практически везде), можно подчинить представленной в начале этой главы схеме, отражающей развитие мотива «человекозверей» как развития человеческих знаний и взаимодействия человека с окружающим его миром. Более глубокое изучение мифологических «человекозверей» выходит за рамки данной работы, моей целью было лишь указать на существующее многообразие представлений химер в разных культурах мира и подчеркнуть универсальность этого феномена.

Тотемизм

Слово «тотемизм» родом из языка индейского народа оджибве. Это явление распространено, главным образом, в традиционных культурах Северной Америки и Австралии, хотя также встречается у монгольских, сибирских народов (онгоны) и в разных частях Африки, и образует особую связь между человеком (как группой, так и индивидом) и животным (иногда также растением или неодушевленным природным объектом). Этот феномен по сегодняшний день не является в полной мере изученным, хотя им занимались выдающиеся ученые: этнографы, культурные антропологи, философы, психологи и др.

Первым тотемизм описал Дж. Ф. Мак-Леннан, шотландский антрополог-эволюционист. Далее свои теории и определения этого феномена представляли, например, У.Т.Р. Риверс (тотем состоит из трех элементов: социального, психологического и ритуального), А.П. Элькин (три критерия тотемизма: форма распределения тотема между индивидом и группой, значение роли тотема для индивида и функция тотемизма в отношении группы), А. Радклифф-Браун, Ф. Боас и Э. Тайлор (разнообразие тотемизма исключает его как единую систему). К. Леви-Стросс, который собрал огромное количество материалов и более ранних теорий в своей работе «Тотемизм сегодня», также считает, что тотемизм не является системой, и даже, что «иллюзорно как раз понятие тотемизма, а не только его единство»⁵¹.

Я рассматриваю тотемизм в контексте взаимосвязей между человеком и животным – как очередное проявление идеи «человекозверей», – без углубления в теоретические споры, касающиеся

⁵¹ *Леви-Стросс К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М., 2008. С. 71.

этого феномена. Бесспорно то, что тотемизм подразумевает некую общность человека с миром природы, что проявляется в культе тотема как, чаще всего, животного предка. В общей классификации существует несколько видов тотемизма, в зависимости от того, к кому они относятся, как происходит их выбор и каким образом они регулируют жизнь общества: 1) индивидуальный, 2) социальный (половой, фратриальный, секции, подсекции, клановый, патриили матрилинейный), 3) культовый (религиозный – патрилинейный или тотемизм зачатия), 4) тотемизм сновидения (социальный или индивидуальный).

Интересным является пример индивидуального тотемизма как особенной связи колдуна с определенным животным, которое выступает «с одной стороны в качестве благодетельного или враждебного фактора, а с другой – как вестник или шпион. <...> Тожество, постулируемое между тотемом и человеком, влечет за собой пищевой запрет, поскольку употребление в пищу животного было бы равнозначно автоканибализму»⁵². Что касается социального тотемизма, то тотем может быть связан с кланом в качестве общего предка (генеалогический тотем), или мифического владельца места, в котором живет клан (локальный тотем). В случае тотемизма зачатия, тотем ребенка определяется тотемом места, в котором мать почувствовала себя беременной.

Разнообразие тотемизма действительно огромно, однако во всех его проявлениях прослеживается общая черта: прочная взаимосвязь человека и природы. В тотемизме отображается чувство, которого нам не хватает сегодня – общности человеческого и животного мира.

Лейтмотивы вампиров и оборотней

Особенно плодотворными в культурном плане и по сегодняшний день остаются лейтмотивы вампиров и оборотней. На протяжении веков они возбуждают человеческую фантазию, в культуре Нового времени входят в канон искусства и литературы, чтобы в XX в. завоевать кино и все направления поп-культуры: комиксы, компьютерные игры, молодежные субкультуры и многие другие.

⁵² *Левин-Строс К.* Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. С. 62.

Вампиры – это мифологические, фольклорные персонажи, возникшие первоначально в Восточной Европе в славянской, румынской и цыганской культурах, откуда они распространились на германскую, англо-саксонскую и другие. В различных культурах, а сейчас также и под влиянием фантазии отдельных авторов, вампиры приобрели очень разные черты. Тем не менее в общем этот термин обозначает мертвецов, которые питаются человеческой кровью. Здесь возможны все вариации, хорошо использованные и развитые в мировой литературе и кино: обычно вампирами были мужчины, хотя встречались и вампиры-женщины, они могли родиться вампирами (родившись в особенных условиях: например, если беременную женщину сглазила ведьма, или если новорожденный оказался седьмым ребенком одного пола в семье, либо родившись с особенными чертами, например, со сформированными зубами или с хвостом). Вампирами могли также стать люди в результате внезапной смерти (остановленные в маргинальной фазе *rite de passage*), а также «заражения» вампиризмом через укус вампира. Также был возможен половой контакт с вампирами, а дети, рожденные в результате него, становились вампирами после смерти.

Вампиры несут в себе особенную символику: «Вампиры пугают, ведь они пахнут трупом, они несут в себе чуждость и страх смерти, но в то же время они очаровывают, т. к. обещают запрещенные эротические наслаждения, насыщение подавленной “непристойной” похоти»⁵³. Эти значения – страх по отношению к своей сексуальности и смертности – были залогом «успеха» вампиров в эпохе романтизма в XIX в., а также в наше время, когда мы наблюдаем возрождение этой темы, прежде всего, в поп-культуре.

Для данного исследования интерес представляет один из аспектов вампиризма: возможность обретения облика животного. В подавляющем большинстве случаев это касалось летучих мышей – ночных животных, вызывающих отрицательные ассоциации. Опять же интересно, что вампиры находились одновременно и внутри, и вне человеческого сообщества, живя в нем и выступая против него. В схожей ситуации находятся и оборотни.

⁵³ Janion M. Niesamowita słowiańszczyzna. Kraków, 2006. S. 66.

Термин оборотень «подразумевает мифологическое существо, способное превращаться из человека в животное и наоборот», объясняет фольклорист О.Б. Христофорова⁵⁴. «Оборотничеством (в широком значении этого русского термина) называются разные виды магического изменения внешнего вида, способностями к чему обладают многие персонажи “низшей” мифологии», – пишет С.Ю. Неклюдов⁵⁵ и приводит примеры: леший, домовый, черт. Для меня, однако, особенно интересны те оборотни, которые попеременно чередуют облик человека и животного.

Идея превращения человека в животного (и наоборот) существует в разных культурах. На это указывает также Е.Е. Левкиевская, когда пишет, что «способность демонических существ менять свой облик, появляться перед человеком в разных личинах, оказываться то видимыми ему, то исчезать из его поля зрения – одно из базовых свойств, заложенных едва ли не в любой системе мифологических представлений»⁵⁶. Например, в Японии широко распространенный оборотень – это Кицунэ, лисица, которая может принимать облик человека, у кельтов – это Шелки, женщины-тюлени, которые могут превращаться в настоящих женщин. В нашем европейском круге распространена фигура вервольфа, т. е. человека, который, по своей воле или нет, временно превращается в волка. Волк в качестве одного из самых опасных (в не таком далеком прошлом) врагов человека – особенно важное животное в культуре Европы. Нападения волков на тех, кто путешествовал после наступления ночи, нападения на стада и на человеческие поселения, постоянная близость этого хищника к людям вызывала большой интерес к этим животным. Неудивительно, что вервольф завоевал европейскую культуру. «Современные мифологические представления, связанные с оборотнями и вампирами, восходят к моделям описания этих персонажей, которые сформировались в

⁵⁴ Христофорова О.Б. Опознать беса: экзорцизм как визуализация демонического // Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы международ. конф. М., 2015. С. 91.

⁵⁵ Неклюдов С.Ю. Откуда берутся оборотни // Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы международ. конф. М., 2015. С. 7.

⁵⁶ Левкиевская Е.Е. Оборотничество: границы понятия и язык его описания // Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы международ. конф. М., 2015. С. 28.

Новое время», – замечает М.И. Байдуж⁵⁷. Д.К. Чулак дополняет эти слова объяснением, что «начиная с немого фильма «Оборотень» (*The Werewolf*, 1913) западная киноиндустрия на протяжении всего XX в. воспроизводит образ человека-волка. Вервольф не является единственной тематизацией оборотничества в кинематографе, но именно он стал синонимом оборотня в массовом сознании и занял почетное место в пантеоне классических киномонстров»⁵⁸.

Человек может стать вервольфом различными способами, аналогично с описанным выше способом распространения вампиризма: как по своей воле, так и насильственно, например, посредством заключения пакта с дьяволом, при помощи магии, а также через сглаз или укус вервольфа. «Превратившись в волка (иногда – неволью), оборотень может отражаться в воде в виде человека, отбрасывать человеческую тень, сохранять элементы человеческой природы (задние ноги коленями вперед, как у человека; человечесьи зубы, человеческая плоть, даже четки, кольца, остатки истлевшей одежды под шкурой; чувства, мысли и память человека)», – описывает Неклюдов⁵⁹ тот вид оборотней, у которых первоначальная форма – человеческая, а не звериная.

Можно провести множество аналогий между оборотнями и вампирами, теми, кто одновременно являлся жертвой и хищником, охотившимся на людей. Люди (прежде всего, их кровь) были источником жизненных сил вампиров и оборотней. Оборотни, как и вампиры, одновременно принадлежат и не принадлежат к человеческим сообществам. Единственная существенная разница заключается в том, что вервольфы – это живые люди, а вампиры – мертвецы. Хотя надо подчеркнуть, что попкультурные интерпретации уничтожили и эту разницу, например, в истории о воскресшей Женщине-кошке из серии, посвященной Бэтмену или в фантастических книгах С.В. Лукьяненко из цикла «Дозоры» и снятых по ним фильмах «Ночной Дозор» и «Дневной Дозор».

⁵⁷ Байдуж М.И. Оборотни и оборотничество в демонологических представлениях современного города // Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы междунар. конф. М., 2015. С. 136.

⁵⁸ Чулак Д.К. Репрезентация оборотничества в жанровом кинематографе: от проклятия к дару // Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы междунар. конф. М., 2015. С. 129.

⁵⁹ Неклюдов С.Ю. Указ. соч. С. 10.

Вампиры и оборотни в современных текстах культуры часто выступают вместе, как враги в борьбе за владение миром (и человеческими ресурсами) или как союзники, поскольку имеют общие цели и потребности. Фигуры вампира и оборотня представляют для меня большой интерес, поскольку являются гибридами, включенными в человеческий *universum* и действующими в нем. Кроме этого, это живучие мифологические представления, первоначально несущие в себе явно отрицательные коннотации, а сегодня трансформировавшиеся в нередко положительных героев. В лишенном колдовства XX в., в эпоху науки и рационализма, а также в век доминирования человека над (до недавнего времени опасной) природой, вампиры и вервольфы приобрели, наряду с прежней отрицательной, другую характеристику – существ добрых или даже забавных, очень похожих на людей, а часто даже символизирующих определенный человеческий социальный порядок, как, например, в американском фильме «Другой мир» или российском «Ночном дозоре» и его последующих частях.

К образу животных стремятся также члены некоторых современных субкультур, как, например, «фурри» (от англ. *furry*). Они пытаются преобразить свою внешность (начиная плюшевыми костюмами и заканчивая пластическими операциями), а также и некоторые психологические черты. Они, как и получившие широкое распространение в последнее время (на волне успехов многочисленных книг и фильмов, посвященных вампирам) «сообщества вампиров», попадают во вторую категорию представленной в начале раздела схемы развития мотива «человекозверей». Эти магические и ритуальные действия человека (имеются в виду также современные ритуалы субкультур) интегрируют химер в рамках человеческого общества.

Феномен детей-маугли

Человечество на протяжении многих веков сталкивалось с оборотнями и «человекозверьями» не только в мифах, но и в реальности. Вопрос о границах человеческой природы и том, что делает из нас людей, очень четко демонстрируют истории о маугли, человеческих детях, усыновленных животными, т. е. о людях,

воспитанных вне человеческого социума и вне культуры. Их феномен известен уже тысячелетия, сообщения о них появляются, например, в греческой и римской мифологии – это бог Зевс, которого выкормила коза Амалфея, а также Ромул и Рем, основатели Рима, выкормленные волчицей. Их связь с мифическими «человекозверьями» иллюстрирует случай найденного несколько лет назад недалеко от Калуги мальчика, воспитанного волками, которого в СМИ назвали «оборотнем». Человеческие дети-маугли – это типичный случай одновременно «своих» и «чужих». Самый известный «дикий ребенок», именем которого названы все дети, воспитанные животными – это Маугли, персонаж из «Книги джунглей» Редьярда Киплинга, живший в стае волков. Другой знаменитый воспитанник животных – это Тарзан, персонаж из серии книг Эдгара Р. Берроуза, воспитанник обезьян. Что примечательно, оба литературных героя довольно легко перемещаются из мира животных в мир людей и наоборот. Они умеют говорить, ходить прямо, одеваться и чувствуют себя как люди. Такое не случается с реальными маугли.

«Примеры современных Маугли символичны именно тем, что оторгнутый от языковой среды человеческий детеныш уже никогда не сможет войти в контакт с человеческой средой и культурным пространством», – пишет В.А. Болдычева⁶⁰. Дети, которые еще не успели освоить человеческую речь и только начали процесс социализации, в момент прерывания связей с человеческим сообществом теряют свой шанс на развитие «в человека». Пропадает возможность научиться говорить. Практически все найденные дети-маугли – немые, только некоторые из них смогли научиться простой коммуникации (в зависимости от своего возраста и от того, умели ли они говорить до того, как попали в мир животных). Большинство из них, даже в случае освоения речи, остаются умственно отсталыми.

В истории человечества детей-маугли было настолько много, что этот феномен в XVIII в. даже получил научную классификацию: Карл Линней в свою *Systema Naturae* (Систему природы) добавил группу “*Homo ferus*” (дикий человек), в которую вклю-

⁶⁰ Болдычева В.А. Традиция и язык как способы трансляции культуры // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 90. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/traditsiya-i-yazyk-kak-sposoby-translyatsii-kultury> (дата обращения: 12.12.2016).

чил известные ему случаи диких детей, воспитанных животными. Надо подчеркнуть, что дети-маугли – это не истории из прошлого, полуполюгендарные рассказы, поскольку таких детей находили в XX в., и находят даже сейчас⁶¹.

Главным является то, что такие дети не ассоциируют себя с людьми, они чувствуют принадлежность к миру животных. Мнения по поводу принадлежности маугли к «настоящим» людям среди тех, с кем я беседовала на эту тему, были разделены, и часто даже не определены. Прежде всего, указывалось на развитие вне общества, как на фактор, снижающий шансы на развитие в «полноценного, настоящего» человека. Даже те, для кого маугли остаются людьми, подчеркивали их «ущербность» по сравнению с обычными людьми. Мнения против признания маугли людьми опирались на то, что у них не сформировано мышление, речь, отсутствуют навыки общественной жизни, и даже на то, что они слишком «животные» в своём поведении.

Несмотря на проблемы с однозначной классификацией маугли, большинство людей чувствует что-то вроде солидарности или общности с таким существом, и пытается его «спасти»: вырвать его из природы и вернуть в человеческое общество, т. е. на коллективном уровне маугли классифицируются как человеческие существа. Более того, общество делает из них индивидуальных личностей (например, через наделение именем, поисками генеалогии, и т. д.). Во всех случаях находок маугли принимается ценностный принцип превосходства человеческого мира над миром природы и «неадекватности» пребывания людей в этом мире. В большинстве известных случаев после того, как о таких детях становится известно, местное общество начинает поиски ребенка до тех пор, пока не вернет маугли в мир людей (обычно силой и убивая при этом животных, защищающих «своего» члена стаи). Об убеждении в превосходстве людей, даже маугли, над животными свидетель-

⁶¹ Например: Оксана Малая из Украины, живущая среди собак, 1991 г., Камала и Амала, сестры из Индии, воспитанные волками, 1920 г., Мадина из России, жила с собаками, 2009 г., Джон Ссебунья из Уганды, воспитан зелеными мартышками, 1991 г., Шамдео из Индии, жил среди волков, 1972 г. Марина Чапман из Колумбии, воспитанная обезьянками-капуцинами, 1959 г., Иван Мишуков из России, жил среди собак, 1998 г., девочка из Индии, жила со стаей обезьян, 2017 г. и многие другие.

ствуют, например, тезисы немецкой радиопередачи “*Wolfskinder – Spekulationen über Wesen zwischen Mensch und Wolf*”⁶², посвященной феномену детей-маугли. В передаче высказывались эксперты: детский психолог Ф. Бекер-Штолль, а также П. Блументаль, автор книги “*Kaspar Hausers Geschwister – auf der Suche nach dem wilden Menschen*” о найденных «диких детях». Оба утверждают, что крайне маловероятно, чтобы брошенные человеческие дети смогли выжить среди диких (кровожадных) животных, которые, скорее, будут воспринимать их как пищу. Если же такое случится, то и речи быть не может о том, что подчеркивают все дети-маугли, с которыми удалось хоть немного «поговорить» – что они чувствовали себя среди животных как в семье, что собачья, волчья или другая «мама» дарила им свою заботу и нередко любовь. П. Блументаль подчеркивает в передаче, что исключительно «человеческое *ratio*» помогло детям выжить в мире животных, что звучит немного абсурдно, учитывая, что многие животные равны в своем психоэмоциональном и интеллектуальном развитии 2-х или 3-летнему ребенку, и, несмотря на это, ни о каком *ratio* по отношению к ним нет и речи. Наоборот, кажется, что именно инстинкты и эмоции помогают потерянными детям выжить вне человеческого мира. Сложно также найти «человеческое *ratio*» среди тех детей, кого насильно вернули из мира животных в мир людей.

Вернувшись в человеческое общество, дети-маугли, как правило, долго не живут, а большинство из них доживает свои дни в изоляции и под контролем, как психически больные. Общество не принимает их, а размещает на своем краю вместе с теми другими, кому нет места в социуме. Такие «дикие люди» являются чем-то средним между человеком и животным. С точки зрения генетики – это люди, с точки зрения их социализации – это животные. Пример детей-маугли показывает, что генетический критерий, хотя, безусловно, и играет некую роль, не может претендовать на роль решающего в вопросе о природе человека. Тем самым становится понятным, что биотехнологические изменения в геноме не могут определять потерю «человеческой природы» (вопреки мнениям тех, кого можно назвать «генетическими консерваторами»).

⁶² Ruchlak N. *Wolfskinder – Spekulationen über Wesen zwischen Mensch und Wolf* // radioWissen. “Bayern 2”, [звукозапись] 13.01.2009.

Образ науки в культуре на примере идеи «человекозверей»

Следующий вид культурных гибридов и химер человека и животного отражает растущие технические и научные возможности целевого создания человеком таких существ. Эти представления (третья категория в приведенной мной схеме в начале раздела), несмотря на то, что они возникли уже в XIX столетии, можно причислить к представлениям, связанным с прогрессом, будущим и развитием науки.

Стремительное развитие науки, которое в XIX в. не только вызвало изменения в повседневной жизни, но также привело к переоценке духовных и моральных норм и поменяло понимание природы и места человека в мире живого, повлияло также на существующий в обществе образ науки. Джон Тарни, американский философ науки, утверждает, что Мэри Шелли в своем рассказе о Франкенштейне уже двести лет назад выразила страх перед нарушением интегральности тела, которое сегодня, в эпоху биотехнологий, является самой актуальной темой. Поскольку рассказ о Франкенштейне – это не только отличный литературный образ, но, прежде всего, первый научный миф, необходимо более подробно рассмотреть фигуру монстра Франкенштейна.

Это созданное ученым существо не является «человекозверем», однако и сегодня будоражит человеческую фантазию и широко используется в общественных дискуссиях о развитии биомедицинских наук. «В технологиях, базирующихся на биологии, скрывается неопределенная угроза нарушения давно установленных границ и отмены категорий, до сих пор воспринимаемых как естественные. В этом есть что-то, глубоко нарушающее порядок, что-то желаемое, но одновременно вызывающее страх», – пишет Тарни⁶³. Как замечает автор, никакая другая наука не воздействует так сильно на представления людей, как генетика: физика создает угрозу глобальной катастрофы, однако к картине конца цивилизации, и даже конца жизни на планете люди уже привыкли. Эта тема нашла отражение во многих текстах культуры. Однако, по мнению Тарни, генетика, которая может изменить не только мир вокруг, но и нас самих, вызывает все больше и больше интереса⁶⁴.

⁶³ *Turney J. Ślady Frankensteinia.* Warszawa, 2001. S. 8–9.

⁶⁴ *Ibid.* S. 202 и дальше.

Доктор Франкенштейн создал монстра, используя для этого исключительно человеческий материал. Он собирал части трупов людей и, совместив их в одно тело, с помощью электричества оживил свое творение. Однако безымянного монстра, который позже получил имя своего творца, никто не называет человеком! А ведь он создан исключительно из человеческих частей: рук, ног, туловища, сердца и даже мозга. Может быть, на это повлиял тот факт, что существо создавалось без участия женщины. Оно рождается только от отца-ученого, созревая в лабораторной посуде как в женской матке. Оно появилось на свет нечеловеческим способом, доктор Франкенштейн повторил при этом божественное действие. Несмотря на это, новое существо осталось монстром. Хотя оно имеет сознание, человеческий мозг и человеческие чувства, оно любит и ненавидит, учится и помнит. Тарни замечает, что в научной мифе о Франкенштейне Мэри Шелли «закодировала <...> смешанные чувства, которые вызывала в ней наука и знание, а также мужская доминация»⁶⁵. Наука является в этом контексте женщиной, изнасилованной мужчинами-учеными. Мужская зависть к женской способности рожать детей мотивирует ученых-мужчин создавать своих «детей» в лаборатории⁶⁶. Монстр, созданный Франкенштейном, называет его «отцом»; «папаша» – так обращается к профессору Преображенскому собака-человек Шариков в рассказе «Собачье сердце» Булгакова. Также Ихтиандр, человек-амфибия из романа Беляева – это индейский ребенок (в экранизации – сын ученого), чью жизнь спасает пересадка жабр акулы вместо больных легких. В этом литературном образе научных экспериментов по «обогащению» человека посредством добавления способностей животных нет женщины, это опять мужчина-ученый, который создает новое живое существо (спасение жизни Ихтиандра с помощью медицинского эксперимента можно рассматривать как его второе рождение).

Михаил Булгаков не оставляет места для колебаний: вывод из истории с ученым, который в результате научного эксперимента по пересадке гипофиза человека в мозг собаки создает в своей лабо-

⁶⁵ Turney J. *Ślady Frankensteina*. S. 93.

⁶⁶ Аргументом в пользу этого может послужить также тот факт, что для искусственного оплодотворения врачи изначально (до возникновения банков спермы) часто использовали свое собственное семя. Такое случается и сегодня: URL: <http://www.bioedge.org/bioethics/indiana-fertility-doctor-accused-of-using-own-sperm/12013> (дата обращения: 04.12.2016).

ратории «новое человеческое существо», однозначный. «Можно привить гипофиз Спинозы или еще какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высоко стоящего. Но на какого дьявола, спрашивается. <...> зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого»⁶⁷. Повесть «Собачье сердце», прежде всего, касается социальной сферы и обнажает ряд аспектов человеческой природы. Примитивизм Полиграфа Полиграфовича Шарикова, сотворенного из собаки по кличке «Шарик», не объясняется собачьим происхождением, а наоборот: «милейшего пса превратить в такую мразь», вздыхает профессор Преображенский. Это «человеческая» надстройка становится причиной всего плохого в поведении Шарикова.

Природа в Москве 1920-х гг., описанной Булгаковым, почти не присутствует: ее представляют лишь бездомные животные, питающиеся на помойках. Люди пытаются жить «по-новому», но правила, введенные революцией, обращают «культуру» в хаос. Профессор Преображенский – это одновременно представитель «старого» и «нового»: консерватор, не согласный с социальными изменениями, который, однако, одновременно стремится к научному прогрессу. Как и в случае доктора Франкенштейна – «современного Прометейя», им движут преимущественно благородные мотивы, которые, тем не менее, приводят к ужасным последствиям: «Я заботился совсем о другом, об евгенике, об улучшении человеческой породы. И вот на омоложении нарвался! Неужели вы думаете, что из-за денег произвожу их? Ведь я же все-таки ученый...» объясняется профессор и признает: «Вот <...> что получается, когда исследователь вместо того, чтобы идти параллельно и ощупью с природой, форсирует вопрос и приподнимает завесу». Высший статус природы безусловен. В конечном счете, это природа, или некий высший порядок, является основанием для определения того, что является правильным, а что – нет.

Возможно ли сказать такое по отношению к науке сегодня? С одной стороны, научный прогресс – это не движение внутри рамок, созданных природой, а пересечение этих рамок. Природа

⁶⁷ Этот и другие фрагменты взяты из: *Булгаков М.А. Из лучших произведений. Грядущие перспективы. Собачье сердце. Белая гвардия. Бег. Великий канцлер / Подгот. текста, предисл., коммент. В.И. Лосева. М., 1993. С. 133.*

больше не является исключительно примером для подражания для науки и техники, а служит исходной точкой. Нарушение прав природы, передвижение границ, поиски того, как далеко мы можем их передвинуть – все это является смыслом современных исследований (направленных на изменение генома, выведение новых биологических видов, продление жизни вплоть до бессмертия, «улучшение» нашего вида, в конце концов). С другой стороны, возможно еще одно толкование взаимосвязи науки и природы: наука в рамках механизмов и правил, существующих в природе, выбирает просто иной путь, чем тот, по которому развивались многие живые организмы до сих пор, т. е., выражаясь метафорически, наука при помощи ключа, который взяла из природы, пытается открыть совершенно новую дверь.

При этом нельзя забывать, что сегодня, как отмечают, например, Д. Харавэй и Г. Гаевска, наука и техника переплетены с природой настолько тесно, что разделить их становится практически невозможно. Биотехнологии, синтетическая жизнь, киборгизация – все это делает привычное разделение природы и культуры (т. е. и науки, и техники) – анахроническим.

Повесть Булгакова затрагивает ряд этических вопросов, сохраняющих свою актуальность и сегодня, когда генная инженерия предоставила все возможности для создания реальных гибридов человека и животного. Кем является «новое» существо? С какого момента мы начинаем иметь дело с человеком, с личностью? Кому принадлежит созданное в лаборатории существо – ученому, обществу, а может быть, оно – автономное? Все эти вопросы находят отражение в повести. Преображение собаки в человека проходит постепенно, и сложно зафиксировать момент, в который она становится человеком. Может быть, такой момент вообще не наступает, ведь Полиграф Полиграфович Шариков продолжает инстинктивно гоняться за котами и вычесывать блох. На десятый день после операции доктор Борменталь делает заметку в своем дневнике: «В моем и Зины присутствии пес (если псом, конечно, можно назвать) обругал профессора Преображенского по матери». Можно подразумевать, что причиной этого сомнения доктора Борменталья служат всего два фактора: Шарик начал говорить, а также приобретать более человеческий облик: «Он стойко держится на задних (зачеркнуто)... ногах и производит впечатление маленького

и плохо сложенного мужчины». Следующим шагом ученых будет купить Шарику одежду, что является символической границей между животным и человеком, между природой и культурой. Далее, Шарика вводят в общество: ему делают документы и он выбирает себе имя. Разговор, который по этому поводу ведут профессор Преображенский, председатель домкома Швондер и Шариков, вскрывает философскую и моральную проблему принадлежности и автономии человека-собаки (и всех других лабораторных «новых форм жизни»). Для профессора Шариков – это «неожиданно появившееся существо, лабораторное», он, как сказал Швондер, «создал гражданина Шарикова». Доктор Борменталь использовал другие слова, но смысл остается тот же: «безо всякой реторты Фауста создан гомункул! Скальпель хирурга вызвал к жизни новую человеческую единицу. Профессор Преображенский, вы – творец!!!». Шариков, который чувствует себя ограниченным в правах, видит это по-другому: «Разве я просил мне операцию делать? <...> Ухватили животную, исполосовали ножиком голову, а теперь гнушаются. Я, может, своего разрешения на операцию не давал». Ответ профессора выражает убеждение в превосходстве человека и в высшей ценности человеческой жизни по сравнению с жизнями животных: «Вы изволите быть недовольным, что вас превратили в человека? <...> Вы, может быть, предпочитаете снова бегать по помойкам? Мерзнуть в подворотнях?». Однако всякая жизнь имеет свою ценность, несмотря на то, как ее оценивают посторонние. Шариков спрашивает: «А если бы я у вас помер под ножом?». Булгаков помиловал профессора, не заставляя его отвечать, и перевел разговор на другую тему. Можно самостоятельно додумать этот разговор и предположить, что профессор все-таки ценит жизнь как таковую, потому что решает не убивать «собственное экспериментальное существо», а преобразует его опять в «милейшего пса». Все возвращается на свои места.

Мотивы создания «человекозверей»

В развитии темы «человекозверя» в культуре можно увидеть трансформацию и развитие образа науки, если понимать науку как познавательную деятельность. Идея «человекозверя» – это один из

способов определить природу человека и его место в мире. Древние представления о гибридах человека и животного, как, например, некоторые божества из греко-римской, египетской или индийской мифологии, отражают, прежде всего, ограниченное влияние человека на свое окружение и веру в божественный порядок. Позднее гибриды (например, Минотавр, оборотни) попадают уже в сферу человеческих действий, но управляет ими магия, высшая сила или случай. На уровне образа науки – это Фауст, создающий гомункула с помощью Мефистофеля. Вместе с прогрессом в науке меняется также образ гибридов, которые становятся продуктом человека-ученого (как Ихтиандр или Шариков) и иллюстрируют как восхищение, так и страх перед развитием науки и вторжением в божественные действия. Через образ «человекозверя» наука вызывает, как и сами гибриды, амбивалентные чувства.

Как мне представляется, человеком, создающим химеры и гибриды своего вида, управляют два мотива: познавательный и социальный.

Первый из них связан как с философией и антропологией, так и с биологией. Фрэнсис Фукуяма полагает, что «XX в. оказался столетием физики, продуктами которой стали атомная бомба и транзистор, и все показывает, что век XXI будет столетием биологии»⁶⁸. Биологии, которая с момента открытия структуры ДНК Уотсоном и Криком в 1952 г., начала развиваться с неожиданной скоростью. Здесь стоит вспомнить, что биолог Х.П. Тирас называет биологию «опасной наукой»⁶⁹. И хотя он имеет в виду ее опасность для самого биолога (как экспериментатора с живыми организмами, подвергнутого не столько физическим, сколько психологическим последствиям своих опытов), рассматривая образ ученых-биологов, надо помнить и об этом обстоятельстве.

Современные биологические технологии позволяют (или позволят в ближайшей перспективе) управлять процессами размножения, менять генетический состав растений, животных и человека, клонировать и выращивать органы вне организмов и так далее. При этом этическая проблема заключается в невозможности провести четкую границу между тем, что большинство людей прини-

⁶⁸ *Fukuyama F.* Ostatni człowiek z fiołki – po namyśle. URL: <http://www.tezeusz.pl/cms/tz/index.php?id=1250> (дата обращения: 20.07.2016).

⁶⁹ *Тирас Х.П.* Этика и практика биологического исследования: 200 лет эволюции.

мает как благо, т. е. терапевтическим действием, и тем, что скрывает опасность злоупотребления, т. е. «улучшением». Иллюстрацией здесь может служить пример генетически модифицированных продуктов, а в дальнейшей перспективе – возможность добавления генов животных в генотип человека. Эта проблема также волнует Ф. Фукуяму: «Самый радикальный вывод из биотехнологических исследований – это потенциальная возможность изменения человеческой природы. Если мы определим эту природу, как статистическую дистрибуцию контролируемых генетических черт популяции, тогда генетические манипуляции в будущем будут отличаться от ранее использовавшихся медицинских технологий из-за имеющегося в них потенциала изменения человеческой природы. Это будет возможно не только посредством воздействия на индивида, но также и на всех будущих потомков данного индивида. В конце концов биотехнология достигнет того, чего не достигали радикальные идеологии прошлого с помощью самых жестоких методов: она создаст новый тип человека»⁷⁰. Схожим образом рассуждает Л. Сильвер⁷¹. Однако, по его мнению, процессом «улучшения» человеческого генома, который будет происходить на уровне индивидов (и их будущих потомков) управлять будет не государство, а экономический статус, поскольку генетическое обогащение будет доступно лишь для богатых людей. Сильвер прогнозирует разделение *Homo sapiens* на два вида – генетически обогащенных и «натуралов», чьи геномы не будут подвергнуты изменению. Не надо объяснять, что, по мнению обоих авторов, это неизбежно приведет к резким изменениям в социальной структуре, (которые преимущественно оцениваются как нежелательные).

Социальный мотив создания «человекозверя» возникает из факта современного одиночества человека как вида. Он связан с меняющимся расстоянием между человеком и природой. Изначально чувствующий себя неотъемлемой частью природы, человек с легкостью создавал образы «человекозверей». Отнесения к животным предкам (тотемизм) или вера в возможность стать на время животным (оборотни, шаманские обряды) показывают, что границы между человеком и животным не явились окончательными, а лишь условными и временными. Вместе с развитием цивили-

⁷⁰ Fukuyama F. Op. cit.

⁷¹ Silver L. Raj poprawiony. Nowy wspomniały świat?

лизации, с техническим прогрессом, граница усиливалась, а человек отдалялся от мира природы. В итоге он стал одиноким. Вся история культуры фиксирует поиски себе подобных: человечество ищет их среди богов, животных и инопланетян.

Важнейшими факторами для определения «своего» среди Других являются: речь, сознание, абстрактное мышление, эмоции, социальные связи и, прежде всего, антропоморфизм. Мы в состоянии признать существо человеком, в первую очередь, потому что оно внешне похоже на нас, имеет лицо, по которому мы можем читать его эмоции и можем его идентифицировать. Это показывает пример созданного учеными из Массачусетского технологического института робота-ребенка⁷². Маленькая Кисмет (такое имя получил робот) вступает во взаимодействие с людьми, на ее искусственном лице отражаются вполне знакомые нам мимические реакции, она запрограммирована учиться как человеческий ребенок, а её создатели при общении с ней ведут себя как опекуны. Антропоморфизация робота приводит к «очеловечению» отношения к нему, а отсюда уже недалеко до возможности наделения роботов моральным статусом.

М. Клиновски, польский биоэтик, рассматривает критерии присвоения морального статуса «личности» и два подхода к этой проблеме, существующие в философии с точки зрения биологической видовой принадлежности: 1) особые моральные обязательства мы имеем по отношению к представителям только своего биологического вида *Homo sapiens*; 2) принадлежность к виду *Homo sapiens* позволяет считать, что индивид имеет определенный моральный статус. Первый подход такие философы, как П. Сингер, называют «видовым шовинизмом». Клиновски подвергает сомнению оба подхода и указывает на то, что, кроме человеческой идентичности и уникальности генетического кода, должны рассматриваться и другие критерии присвоения морального статуса «личности», связанные с фактом владения функциональными способностями. «Бытие человека и бытие “личности” независимы друг от друга»⁷³. Из этого вытекает, что моральный статус «личности» не обязательно имеет прямое отношение к сфере человеческой биологии. Развивая эту мысль, Клиновски

⁷² Об этом в: *Radkowska-Walkowicz M.* Op. cit. S. 25, 98–99.

⁷³ *Klinowski M.* O niemoralności aborcji... S. 24.

доказывает, что киборгов и андроидов можно также рассматривать в качестве «личностей». «Хотя андроиды сделаны из искусственных, небιологических материалов, а процессы, проходящие в них, не имеют ничего общего (может быть, за исключением логической структуры) с человеческой физиологией, мы, без всякого сомнения, не стали бы причислять их всего лишь к более сложной бытовой технике. Наоборот, с большей вероятностью мы присвоили бы им моральный статус, идентичный моральному статусу взрослого человека»⁷⁴. Клиновски считает, что при присвоении морального статуса большую роль играют антропоцентризм и антропоморфизм.

Возможно, поэтому так медленно утверждаются права животных, несмотря на уже доказанные факты того, что, по крайней мере, некоторые из них обладают интеллектом, социальными связями, абстрактным мышлением и языком⁷⁵. Однако достоинство, т. е. моральный статус, забронирован исключительно для людей. Здесь необходимо обратиться к П. Сингеру⁷⁶, который указывает на неправильность суждений, признающих моральный статус психически больных или эмбрионов, и в то же время отказывающих в нем чувствующим животным, наделенным интеллектом. В подобном духе высказываются также сторонники этики, ориентированной на окружающую среду, которые отрицают генетический критерий, приписывающий статус личности исключительно представителям одного биологического вида, поскольку «(данный критерий) в контексте природного богатства и значения густой сети сложных взаимосвязей между организмами для существования экосистемы Земли кажется просто несовпадающим»⁷⁷. В контексте развития биотехнологии и возникновения возможности создания гибридов человека и животного неизбежным кажется расширение этики на

⁷⁴ *Klinowski M.* O niemoralności aboreji... S. 25.

⁷⁵ Как сообщает немецкая «Süddeutsche Zeitung» (23.02.2010), ученые, занимающиеся изучением дельфинов, выступают за принятие этики для этих животных, поскольку считают их «аналогом человека в море»: URL: <http://www.sueddeutsche.de/wissen/842/504059/text/5/> (дата обращения: 04.12.2016).; см. также Проект «Большие обезьяны»: <http://www.greatapeproject.org/> и Nonhuman Rights Project. URL: <http://www.nonhumanrightsproject.org/> (дата обращения: 04.12.2016).

⁷⁶ Например: *Singer P.* Etyka praktyczna.

⁷⁷ *Klinowski M.* Zarodki, komórki macierzyste... S. 59.

другие виды существ (что постулируют в разной степени многие ученые, например, П. Сингер, Р. Докинз, Дж. Гудолл, К. Валошик, а в России – К.О. Россиянов).

Важно уместить развитие биотехнологии в русле эволюции человеческого вида. Возможности, которые открывает перед человечеством генная инженерия – это следующий этап на пути преобразования нашей биологии, а поскольку приобретенные посредством генной манипуляции черты будут передаваться по наследству, мы имеем дело с эволюционными механизмами изменения нашей формы жизни в длительной перспективе. Именно этот факт больше всего беспокоит противников биотехнологий.

ГЛАВА 2. ГИБРИДЫ И ХИМЕРЫ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНОГО В НАУКЕ

Приведенные в предыдущей главе примеры существующих в культуре гибридов и химер человека и животного показывают, что сама идея «человекозверя» не нова. Современная наука делает возможной реализацию образа, который сопровождает человека уже тысячи лет. Ниже я представлю историю экспериментов в области химеризации и гибридизации человека, актуальное состояние исследований, а также главные этические вопросы, которые они порождают.

История экспериментов с гибридами и химерами

Может показаться, что в науке эксперименты по созданию гибридов и химер начались лишь с развитием генетики. Однако Жан Ростан, французский биолог и этик, приводит в качестве примера того, что он называет «творческой биологией», эксперименты Авраама Трамбле, швейцарского зоолога, датированные 1743 г., в которых последний проводит операции с пресноводными полипами и соединяет разные их части, создавая новые организмы. Правда, от этих опытов еще далеко до создания «человекозверей», однако идея данных экспериментов им близка. По крайней мере, в интерпретации Ростана, который пишет: «Проводя эти известные опыты, Трамбле не только открывал чудеса природы, но и демонстрировал, что можно активно вмешиваться в жизнь, он играл роль

волшебника, уподобляющегося «творцу явлений»⁷⁸. Ростан с энтузиазмом пишет о подобных экспериментах, называя ученых того времени «Пикассо лабораторий». Помимо Трамбле, многие другие ученые в ту эпоху пытались создавать химеры животных разных видов, пересаживать внутренние органы и гениталии от одного вида и пола к другому или старались повлиять на облик и размножение животных другими способами.

Ростан подчеркивает, что тогда нужна была особенная смелость и свобода в обращении с природой. Действительно, к природе и сам Ростан относится без особенного уважения, подчеркивая, что природа только производит, а человек – творит. Упомянутые выше эксперименты он объясняет «глубокой склонностью человека – здесь, вероятно, играет роль фактор эстетической природы. Творческий опыт есть своего рода произведение искусства, поскольку позволяет исследователю воплотить в жизнь фантазию, дав возможность взаимодействия его изобретательного ума с силами природы»⁷⁹. Этот контекст экспериментов Трамбле легко ассоциируется с современными объектами био-арта, т. е. деятельности на рубеже искусства и биотехнологий. Творческий опыт, о котором писал Ростан, а также потребность эстетизации и наделения смыслом того, что развивается за пределами человеческих категорий, проявляется как в искусстве (например, Михала Бжезинского или Эдуардо Каца), так и в некоторых сферах человеческой деятельности (селекция и разведение животных, например породистых собак).

Единственное, чего опасался Ростан в 60-х гг. прошлого века – не приведут ли такие эксперименты к тому, что человек начнет «жонглировать собственной природой»⁸⁰. Он не исключает нужды проведения таких научных действий с терапевтической целью, однако подчеркивает, что «необходимо запретить создание чудовищ среди существ нашего вида»⁸¹. Чудовища означают здесь, скорее всего, то же самое, что для коллекционеров курьезностей эпохи Возрождения, о которых пишет А. Вечоркевич: «чудовище рождается из соединения видов»⁸². То, что получилось в результате пе-

⁷⁸ *Rostand J. Biologia twórcza. Warszawa, 1964. S. 23.*

⁷⁹ *Ibid. S. 26.*

⁸⁰ *Ibid. S. 27.*

⁸¹ *Ibid.*

⁸² *Wieczorkiewicz A. Op. cit. S. 82.*

ресечения границ, будет чудовищным. И как, в понимании Ростана (вслед за собирателями курьезностей новых времен), гибриды и химеры разных видов животных – это интеллектуальное развлечение, своего рода загадка для исследователя, так и человеческая химера будет однозначно нарушением порядка и извращением человеческого рода.

Ростан, ученый и мыслитель середины прошлого столетия, рассматривает человека как существо достаточно изолированное от остальных видов, требующее отдельного подхода и глубокого уважения. Человек, по его мнению, имеет полное право на вольное использование природы, на свободу в реализации всех своих фантазий до тех пор, пока они не касаются самого человека. При этом у Ростана отсутствует понимание глубокой связи человека с окружающей средой и того, что изменение природы животных может повлечь за собой изменение человеческой природы. Во всех этических вопросах, которые поднимает Ростан, в центре стоит человек и его самореализация.

Не побоялся создания «чудовищ среди существ нашего вида» российский ученый Илья Иванович Иванов. В 20-х гг. XX столетия он проводил эксперименты по скрещиванию человекообразных обезьян и человека. В 1926 г. Иванов поехал в командировку в Африку, которую санкционировали и профинансировали советское правительство и Академия наук СССР (а частично также Институт Пастера в Париже) с целью искусственного оплодотворения самок шимпанзе семенем человека. Иванов был не первым ученым, которому пришла в голову подобная идея. Среди его западных коллег-единомышленников были: Г.М.Б. Мунс, Э. Геккель, Г. Фриденталь и др.⁸³ Однако никто из них не вышел за рамки теоретических рассуждений, прежде всего, в силу этических ограничений.

Что удивительно, в 1920-е гг. в Советском Союзе идеи Иванова не воспринимались как нечто неэтичное. Вопросы этичности таких экспериментов не возникали или были далеко на заднем плане, теряя свой вес в сравнении с предполагаемой пользой от исследований Иванова. К.О. Россиянов пишет об этом: «По-видимому, моральные доводы против опытов Иванова связывались в сознании большинства ученых либо с религиозной картиной мира,

⁸³ См.: Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами.

противопоставлявшей человека животному (что было, с их точки зрения, неверным), либо же с прямой эксплуатацией невежества и предрассудков толпы, – все с теми же “чудом, тайной и авторитетом”. Об этом еще до революции ясно сказал В.М. Шимкевич: ‘Во всяком случае, мы не вправе останавливаться перед этим экспериментом (искусственного оплодотворения антропоидных обезьян семенем человека. – *К.Р.*) в силу соображений того же порядка, которые в средние века приводили на костер женщин, заподозренных в сношении с животными и рождении противоестественных ублютков’⁸⁴. Барьер между человеком и животными в советские времена считался пережитком прошлого, результатом влияния религии и предрассудков. В «новые» времена им не было места, и этот идеологический принцип уже сам по себе превращался в аргумент в пользу опытов Иванова. Однако Россиянов ищет глубже и приходит к удивительному выводу: «поддержка ими (большевиками. – *М.К.*) Иванова имела, возможно, не так уж много общего с идеологией, а также с “новой”, “революционной” моралью. Ведь благожелательно отнеслись к этим опытам также и весьма далекие от какой бы то ни было идеологии ученые, с проблемами антропогенеза профессионально не связанные и потому никак в опытах Иванова не “заинтересованные”. Среди них – Э. Ру, А. Кальметт, В.М. Шимкевич, Г.А. Кожевников, а также В.И. Вернадский и Н.И. Вавилов, каждый из которых мог бы служить своего рода эталоном честности и порядочности. И это на самом деле говорит о том, что выдвинуть убедительные этические доводы против опытов скрещивания очень непросто, как бы ни хотелось нам поверить в обратное. Возможно, сформулировать их и нельзя вообще, если следовать “современной”, а не “средневековой” морали. Морали, которая на первый план выдвигает личность, безнравственным же признает то, что приносит вред конкретным людям, но никак ни “оскорбление” или “порушение” возвышающихся над личностью “сущностей” (будь этой “сущностью” даже сам человеческий род)»⁸⁵. Этот фрагмент заставляет нас задуматься, в чем, на самом деле, заключается неэтичность – с нашей, современной точки зрения – экспериментов Иванова. Неужели прав Россиянов, когда пи-

⁸⁴ Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами.

⁸⁵ Там же.

шет, что «интуитивное убеждение в аморальности скрещиваний не подкрепляется ясными этическими доводами»? Это подтверждали бы слова немецкого ученого М. Бека: «Нелегко ответить на вопрос, почему нельзя создавать таких существ. Интуиция, которая подсказывает нам, что нельзя этого делать, является подсказкой, однако не достаточным поводом. Обоснование связано, наверно, с тем, что человек обладает другим статусом, чем животное, и не хочет, чтобы человеческие половые клетки (сперматозоиды или яйцеклетки) были использованы для создания новой формы жизни»⁸⁶.

Бек строит свою аргументацию на религиозных предпосылках, однако, если отбросить религиозное мировоззрение, то «другой статус» человека защитить будет невозможно. Развитие генетики, нейронаук и биотехнологий последовательно нивелирует утверждения о границе, отделяющей людей от остальных живых существ. Как пишет известный приматолог Ф. де Вааль, «если объективно, не увлекаясь техническими достижениями нескольких последних тысячелетий, взглянуть на собственный биологический вид, то мы увидим существо из плоти и крови с мозгом, который, хотя и превосходит мозг шимпанзе втрое, не содержит никаких новых частей. Даже размер хваленой префронтальной коры головного мозга оказывается достаточно типичным для приматов. Никто не сомневается в превосходстве человеческого интеллекта, но у нас нет никаких основополагающих желаний или потребностей, которых не нашлось бы у наших ближайших родичей. Обезьяны, в точности как люди, стремятся к власти, наслаждаются сексом, жаждут безопасности и симпатии, убивают за землю, ценят доверие и сотрудничество. Да, у нас есть компьютеры и самолеты, но психологически мы по-прежнему устроены так же, как общественные приматы»⁸⁷.

Россиянов указывает на то, что мысль о слиянии человека и животного будит в нас негативные эмоции и впечатление нарушения границ. «Природа – одна, а границей, которую можно без колебаний принять, кажется только та, которая разделяет человека и животных»⁸⁸, – пишет Вечоркевич, как будто выражая многовековое убеждение людей о своем качественном отличии от остальных

⁸⁶ Beck M. Op. cit. S. 280.

⁸⁷ Вааль, де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М., 2014. С. 49–50.

⁸⁸ Wiczorkiewicz A. Op. cit. S. 76.

живых существ. Однако если бы эксперимент оказался успешным, то эти границы оказались бы ложными, неестественными, а тем самым наши этические сомнения – неаргументированными. Опыты Иванова вписываются в имеющую длительную историю размышлений о том, что такое вид: «Существуют ли виды на самом деле или они – понятия, созданные исключительно человеческим разумом? Два этих решения на протяжении столетий указывали на разные пути, по которым происходило получение и организация знаний об окружающем мире. Первое из них преследует цель поместить животных и растения в рамках категории, отвечающей существующим в реальности различиям; в этом случае говорится, что виды – естественны. Второй подход склоняется к тому, чтобы трансформировать понятие вида в набор навязанных делений»⁸⁹.

Эксперимент Иванова мог доказать, что граница между людьми и остальными животными является не естественной, а искусственной – конструктом, который, отгораживая нас от остальных животных, позволяет без каких-либо ограничений брать из их мира все, что нам нужно. В таком случае пришлось бы заново переосмыслить эту границу в пользу животных. Сегодняшние биотехнологические достижения в сфере гибридизации и химеризации человека поставили под сомнение ее существование. Они дали аргументы тем, кто сопротивляется видовому шовинизму и стремится наделить животных статусом *nonhuman persons* (нечеловеческих личностей). Эти научные достижения и открытия могут также способствовать уходу от антропоцентристских взглядов в науке в сторону постгуманизма, главная идея которого заключается в том, что человек не является изолированным и качественно отдельным от остального мира. Как пишет Д. Харавэй, «все мы находимся в центре запутанной паутины множества существ, которые, будучи существами разных видов, состоят во взаимных отношениях: будь то те же животные, больной ребенок, деревня, свиньи, лаборатории, пригороды, производства и экономики, экологии, создающие бесконечные отношения между природами и культурами»⁹⁰.

В эксперименте Иванова, кроме обезьяны и человека, возможно возникновение еще одного актера – гибрида. О его предполагаемой роли известно мало, однако его появление было бы несо-

⁸⁹ *Wieczorkiewicz A.* Op. cit. S. 152.

⁹⁰ *Haraway D.* When Species Meet. P. 72.

мненным успехом советской науки, и, как таковое, не скрывалось бы – это вытекает из переписки Иванова и других архивных документов. Россиянов подчеркивает, что статус одного из родителей – обезьяны – не должен был меняться. То есть ни Иванов, ни другие советские ученые не считали нужным снести этическую границу после уничтожения биологической границы между видами.

Академия наук СССР перестала поддерживать Иванова, когда оказалось, что в его планах было также осеменение спермой обезьян африканских женщин без согласия последних. Для аналогичных экспериментов в Сухуми, которые Иванов намерен был провести после своего возвращения из Африки, нашлись женщины-добровольцы. Причинами, по которым Иванов решил проводить опыты на женщинах, были трудности в содержании обезьян, которые в неволе быстро умирали от болезней и неправильной диеты. Для осеменения женщин потребовалось намного меньше обезьян – лишь один-два самца. Россиянов и здесь нашел парадокс в восприятии опытов Иванова его современниками: «С одной стороны, планы проведения опытов в Сухуми находились в общем русле политики эмансипации женщин <...>. С другой стороны, опыты, в которых матерью гибрида является женщина, вызывают у нас, похоже, намного большее возмущение, чем такие же опыты, где в качестве матери выступает самка шимпанзе. Но, собственно говоря, почему? Вопрос этот неизбежно возникает, коль скоро мы действительно считаем, что мужчина и женщина несут равную ответственность перед своим потомством. Почему человеческое – пусть даже наполовину – существо, рожденное обезьяной и несущее человеческие гены, переданные отцом-мужчиной, возмущает наши “естественные” чувства меньше, чем гибридное существо, рожденное женщиной? Наверно, потому, что в первом случае все происходит не на глазах у отца, который может просто “забыть” о своем потомстве еще до появления его на свет...»⁹¹. Участие женщины в процессе появления на свет гибрида – явное и непосредственное, в то время как участие мужчины в нем лишь опосредованное и не требует его присутствия. И хотя их вклад в генетический состав гибрида одинаков, от женщины требуется намного больше сил и вовлеченности в этот процесс. Среди прочего, этот факт влияет на связь между матерью и ребенком, которая может образоваться также после рождения гибридного ребенка.

⁹¹ Россиянов К.О. Опасные связи...

Что означало бы появление на свет гибрида человека и обезьяны? Для Иванова и его современников – это триумф науки, вернее, очищенной от предрассудков, советской науки. И очень возможно, что ничего больше, поскольку, как утверждает Россиянов, нигде в архивах нет намека на возможные дальнейшие исследования гибрида. Его получение являлось, как кажется, не средством к чему-нибудь, а целью самой в себе. Как это похоже на «Пикассо лабораторий», которыми восхищался Ростан. Нарушать границы, установленные природой, создавать неведомые до сих пор существа, творить. То, что природа сама не создала таких существ, не означает, что границы между видами существуют на самом деле. Россиянов видит в них культурный конструкт, искусственную иерархию, похожую на иерархию, построенную в пределах человечества. Тем самым опыт Иванова разрушает эту ложную постройку и обнажает нашу близость с миром животных.

Наше отвращение к экспериментам Иванова может быть связано не с самим ходом эксперимента, а с его целью – гибридом. Люди инстинктивно сочувствуют получеловеческому ребенку, который обречен на судьбу лабораторного животного. В гибриде мы узнаем жертву. Большинство из нас не волнует судьба новорожденных лабораторных обезьян, но появление в лаборатории получеловека смущает. Ведь это не его место. Опять, как и с детьми-маугли, присутствие человеческого среди животных вызывает у нас озабоченность. «(Сочувствие к гибриду. – М.К.) мы испытываем потому, что в нем заключена часть “нас” – наши человеческие гены, обреченные на соседство с обезьяньими. <...> Однако парадокс ситуации заключается в том, что “человеческое” здесь не какая-то “часть” возникающего гибридного организма, которую можно легко отделить от привнесенного обезьяной, – а значит, наше сочувствие будет неизбежно обращено к гибриду как к “целому”»⁹². Отсюда (а также на основе культурных представлений, например романа Веркора «Люди или животные?», описывающего похожую ситуацию) можно вывести две позиции по отношению к гибриду: 1) полное отторжение гибрида как монстра, существа, которое не имеет права быть присоединенным к обществу людей и 2) сочувствие ему как ущербному человеческому существу, похожее на отношение к детям-маугли или психически больным. Многое будет

⁹² Россиянов К.О. Опасные связи...

зависеть от внешности гибрида – чем более он будет похож на человека, тем больше будет вероятность признания в нем человека, а не животного (это определяющая роль антропоморфизма, которую подчеркивает Клиновски). В случае, если его внешность будет похожа на внешность обезьян, его шансы на «бытие человеком» снижаются. В таком случае поменять классификацию могло бы лишь присутствие высокого интеллекта, а еще лучше – также речи.

Анализ этического восприятия экспериментов Иванова, сделанный Россияновым, доказывает, что на самом деле очень сложно найти однозначные этические аргументы против этих экспериментов и что наша оценка является в высшей степени интуитивной. Однако что же мы хотим защитить (даже на подсознательном уровне), не допуская похожих экспериментов? Ответ простой – нашу человеческую «природу». Для людей все то, что касается размножения «нестественным» образом – очень деликатная проблема. Это показывают не только рассуждения о межвидовом размножении, но даже темы искусственного осеменения, ЭКО, аборт, суррогатного материнства, зародышевых стволовых клеток, криоконсервации эмбрионов и др. Речь идет не только об эмбрионе и ребенке, многих людей волнует даже судьба отдельных яйцеклеток и сперматозоидов – как носителей «человеческого элемента». Может показаться, что люди, убеждены в своем превосходстве над всей остальной природой, не желают тратить или делить с другими существами то, что несет в себе одновременно «суть человечества» и способность к репродукции. Другие части нашего тела, по-видимому, несут в себе меньшую угрозу, поскольку ученые трансплантируют в тела животных и в растения наши гены и клетки, и это не вызывает такого сильного сопротивления со стороны общественного мнения. Даже мозговые клетки, имплантированные в мозги обезьян, не вызывают такого возмущения, как попытки манипуляций с половыми клетками – а ведь мозг мы считаем одним из элементов того набора составляющих, которые делают из нас именно людей.

Россиянов рассматривает поставленную проблему защиты человека от скрещивания с обезьяной в совершенно другом ракурсе и задается вопросом: не нужна ли защита именно обезьянам (или другим видам животных) от посягательств человека? «Запрет на создание гибридов человека и человекообразных обезьян может

быть продиктован не только ужасом перед “низшими” существами и не только нашими собственными, “шкурными” интересами, но и определяться с позиций уважения к другим видам. <...> Скрещивание с человеком может выглядеть также как недопустимое злоупотребление доверием: обезьяны эти достаточно развиты интеллектуально, но все же, как дети, не могут сами принимать ответственных решений. И, по-видимому, уважение и солидарность с другим видом как раз и требует здесь отказа от навязывания наших генов, от недопустимой “экспансии”, захвата территорий, человеку не принадлежащих. Запрет будет этически обоснованным, поскольку здесь имеется в виду не наш эгоистический интерес, а соблюдение “чужого” блага»⁹³. В основе такого вывода лежит новое понимание прав животных: «В отличие от антививисекционистов первой половины XX в., выступавших за “гуманное” обращение с животными, современные их защитники все больше склоняются к концепции присущих другим видам элементарных прав. А значит, и аргументы о биологической близости человекообразных обезьян к человеку приобретают в этом контексте особое нравственное значение. Тем более, что за последние десятилетия накопилось много новых данных о подобной близости, в частности об интеллектуальных способностях человекообразных обезьян. Так, в экспериментах по обучению горилл и шимпанзе азбуке глухонемых (говорить они не могут из-за особого устройства гортани) доказано, что эти “животные” в состоянии освоить несколько сотен, а возможно, и более тысячи слов. При этом употребляют они их осмысленно и даже изобретают новые (“глазошляпа” – для обозначения маски, “браслет на пальце” – для впервые увиденного колечка). И хотя умственный возраст высших обезьян соответствует, согласно результатам тестирования, возрасту трех- или даже двухлетнего ребенка, они, как опять-таки подчеркивают психологи, в состоянии сознавать себя как личности, – в отличие от всех других видов, за исключением, быть может, дельфинов. <...> обезьяны не в состоянии отстаивать свои права в человеческом обществе, однако им должна быть гарантирована такая же защита, как, например, детям...»⁹⁴. Поскольку, по мнению Россиянова, человеческая культура основывается на постепенном расширении круга «тех, на кого распространяются наше

⁹³ Россиянов К.О. Опасные связи...

⁹⁴ Там же.

сочувствие и этическая защита», иными словами, на постоянном расширении термина «человек» (включение в него, например, женщин, рабов, чернокожих и т. д.), **на очереди теперь стоят человекообразные обезьяны и другие высшие животные.**

На самом деле создание гибрида путем, который выбрал Иванов, невозможно в связи с различиями на уровне хромосом между людьми и человекообразными обезьянами. Существует, однако, вероятность создания такого гибрида с помощью генной инженерии. Поэтому вопрос этичности экспериментов Иванова и вопрос статуса гибрида, который он предполагал получить в их результате – это очень актуальная проблема для науки XXI века.

Целью экспериментов Иванова было уничтожение (искусственной) биологической границы между человеком и животными. Советский человек определял себя заново, человечество в новой эпохе своего развития искало новое подтверждение себя – прежде всего, основываясь на идеологии материализма и отбрасывая нематериальные и ненаучные категории. **В XXI в. человек, владеющий биотехнологиями (позволяющими «творить» и, пока только теоретически, менять наш вид до неузнаваемости), опять стоит перед проблемой идентификации.** Как утверждает Россиянов, для определения наших границ нам необходимо научиться понимать и уважать границы Других.

Иванов не смог провести свои опыты до конца и не добился никаких результатов: в 1930 г. он был арестован, а в 1932 г. умер от кровоизлияния в мозг. Его попытки создания гибридов человека и обезьяны перешли в историю как пример неэтичного и опасного ведения науки.

Современное состояние исследований в области биотехнологий

То, чего не смог осуществить в 20-е гг. прошлого века Иванов, сегодня возможно благодаря достижениям биотехнологии. Химеры и гибриды человека и животного создаются разными способами, которые включают в себя широкий спектр биотехнологических манипуляций, как с половыми клетками и ранними эмбрионами, так и со сформированными организмами (пренатально и пост-

натально). В первом случае речь идет о внедрении человеческих стволовых клеток в эмбрионы животных, а также о внедрении человеческого генетического материала в яйцеклетки или эмбрионы животных. Постнатальные эксперименты заключаются в пересаживании клеток, тканей или целых органов между организмами. Самый яркий пример – это ксенотрансплантация.

Датский совет по этике (*The Danish Council of Ethics*) опубликовал в 2010 г. доклад об этических аспектах научных исследований в сфере создания химер и гибридов человека и животного. В нем выделено три области экспериментов, которые уже активно проводятся в мире. Это, во-первых, пересадка человеческих эмбриональных стволовых или нервных клеток в мозги приматов (как эмбрионов, так и взрослых особей), а также пересадка фрагментов мозга. Во-вторых, это пересаживание тканей или эмбриональных стволовых клеток зародышевой линии в ранние эмбрионы, что может привести к продуцированию человеческих эмбрионов в животных и эмбрионов животных в человеке. В-третьих, это эксперименты, в которых гибриды создаются путем оплодотворения половых клеток человека и животного, а также путем слияния бластоцистов (ранняя, предимплантационная стадия развития зародыша) человека и животного⁹⁵.

М. Бек описывает создание гибридов человека и животного как соединение лишённой ядра яйцеклетки животного с ядром любой человеческой клетки, что означает использование клонирования методом «овцы Долли». Возможно также соединение сперматозоида и яйцеклетки от человека и животного. При помощи данного метода проведен, например, эксперимент с участием человеческого и коровьего или кроличьего биологического материала. В случае трансфера ядер генетический материал животного (митохондриальный) и человека (ядровой) складывается в пропорции 0,1 % к 99,9 %. Фенотип гибрида (совокупность внешних и внутренних признаков организма) в данном случае определяется человеческим геномом. Бек предупреждает, что яйцеклетки животных имеют низкую способность репрограммирования, что во многих случаях ведет к умиранию созданного гибридного эмбриона или к неправильной активизации генов⁹⁶.

⁹⁵ Man Or Mouse? Ethical Aspects of Chimera Research. Report. The Danish Council of Ethics. 2010. P. 97.

⁹⁶ Beck M. Op. cit. S. 87.

Разногласия в законодательствах разных стран ведут к миграции ученых в страны с более либеральным законодательством с целью проведения спорных экспериментов. Китайский ученый Ин Чэнь (*Ying Chen*) довел свой эксперимент по скрещиванию человеческого клеточного ядра с яйцеклеткой кролика до стадии бластоцисты, что, по мнению Бека, заставляет человечество серьезно отнестись к возможности создания жизнеспособного гибрида и всех вытекающих из этого факта последствий.

Однако заявленная учеными цель экспериментов по созданию гибридных эмбрионов человека и животного с использованием метода клонирования «овцы Долли» состоит не в создании нового организма, а в получении возможностей проведения индивидуально нацеленных терапий таких заболеваний, как, например, болезнь Паркинсона. Поврежденные нервные клетки пациента можно заместить здоровыми клетками, однако это может привести к отторжению чужих клеток иммунной системой пациента. Поэтому надо, чтобы эти клетки происходили от самого пациента, из его генетического материала. Клеточное ядро из любой здоровой клетки организма больного имплантируется в яйцеклетку и после процесса репрограммирования в созданном эмбрионе можно получить стволовые клетки, идеально подходящие для данного пациента (при этом эмбрион подлежит уничтожению). Однако такая терапия порождает ряд этических и законодательных проблем: от вопроса финансовых преимуществ и возможных опасностей по отношению к женщине-донору яйцеклетки до вопроса создания человеческого эмбриона лишь для терапевтических целей. Отсюда возникает идея создания не-человеческого эмбриона, из которого возможно получить человеческие стволовые клетки. Этичность такого подхода также нуждается в рассмотрении. При этом данная терапия может оказаться неподходящей. Кроме того, в связи с успехами в области модификации соматических клеток, индуцирующих их превращение в стволовые клетки, необходимость в создании гибридных эмбрионов с целью получения стволовых клеток, возможно, отпадет.

Бек подчеркивает, что полученные из гибридных эмбрионов человеческие стволовые клетки потенциально могут содержать митохондриальный генетический материал животного, а также, что любые клоны – «больные», а гибридные клоны, происходя-

щие из яйцеклетки животных тем более, поскольку яйцеклетки животных имеют низкую способность к репрограммированию. Кроме того, существует опасность трансплантации в организм человека возбудителей болезней, типичных для животных. Все это, согласно Беку, ведет к тому, что термин «терапевтическое клонирование» не может использоваться в отношении метода создания гибридов человека и животного посредством соединения лишенной ядра яйцеклетки животного с ядром любой человеческой клетки, и что данные эксперименты принадлежат к области фундаментальной, а не прикладной науки. Отсюда и критика Бека в адрес экс-премьера Великобритании Гордона Брауна, который в своем письме в Еврокомиссию аргументировал законодательное разрешение таких исследований в своей стране возможностью спасения жизни тысяч людей⁹⁷.

Что касается получения гибридов путем соединения семени и яйцеклетки человека и животного, то такие эксперименты пока не проводятся, или, по крайней мере, их результаты не публикуются. Бек призывает к рассмотрению этических и правовых стандартов и к ответу, можно ли, с точки зрения этих стандартов, вообще разрешить такие эксперименты, даже если они не продолжатся дальше фазы бластоцисты.

Серьезные дебаты вызывает относительно новая технология редактирования генома *CRISP-Cas* (*Clustered Regularly Interspaced Short Palindromic Repeats*, т. е. короткие палиндромные повторы, регулярно расположенные группами), позволяющая при помощи белка *Cas9* «резать» ДНК в нужном месте и повторно его «склеивать». Новый метод редактирования генома намного удобнее прежних: он быстрее, требует меньшего количества операций и несет уменьшенный риск ошибок редактирования по сравнению с прежними методами. Применений для *CRISP-Cas* множество: от сельского хозяйства до медицины. Самыми значительными кажутся открывающиеся возможности в сфере борьбы с ретровирусами (в т. ч. ВИЧ), раком и многими генетическими заболеваниями. Однако, как замечает С.Ю. Шевченко, «этот молекулярно-биологический инструмент стал поводом к наиболее острым и детальным дискуссиям по поводу применения техно-

⁹⁷ Beck M. Op. cit. S. 89–90.

логий «улучшения» человека»⁹⁸. Технология, которая позволяет менять участки генома – вырезать ненужные и вводить желаемые гены – потенциально может быть использована в репродуктивной медицине для получения т. н. *design baby* – «ребенка на заказ», созданного с учетом пожеланий родителей. Она также может служить цели создания людей с заранее определенными характеристиками в более широком контексте *human enhancement*, т. е. «улучшения» человека как вида.

С редактированием человеческих (нежизнеспособных) эмбрионов методом *CRISP-Cas* связаны опыты китайских ученых 2015 г. Годом позже в Великобритании были разрешены опыты на человеческих эмбрионах при условии, что они будут уничтожаться до 14 дня развития. Эти опыты имели терапевтическую цель, хотя, безусловно, они могут представлять большую ценность для изучения нетерапевтического применения метода *CRISP-Cas*. На фоне бурных дебатов о допустимости применения данного метода на людях научный журналист А. Еникеев успокаивает: «Если технология редактирования генома и избавит человечество от наследственных заболеваний, рака, вирусов, то это дело будущего, которое, возможно, гораздо дальше, чем думают оптимисты. Что же касается создания улучшенных людей и связанных с этим этических проблем, то это вообще за пределами того, на что способна система CRISPR»⁹⁹.

Человеко-животные химеры – это люди с клетками или органами животных и животные с клетками или органами людей. Ситуация здесь намного проще по сравнению с гибридами – легче провести границу между тем, что является человеческим, а что – животным. В исследованиях химер проводятся эксперименты и с самой значительной частью человеческого организма, вместилищем мысли, воспоминаний, и даже идентичности – с человеческим мозгом. Бек приводит пример трансплантации человеческих стволовых клеток в мозги обезьян. Заявленной целью данного эксперимента было исследование терапий болезни

⁹⁸ Шевченко С.Ю. Субъект «улучшения» в геномике: к новым измерениям социотехнических мнимостей // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 23: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / Отв. ред. П.Д. Тищенко. М., 2015. С. 98.

⁹⁹ URL: <https://lenta.ru/articles/2016/06/10/crispr/> (дата обращения: 09.12.2016).

Паркинсона и Альцгеймера. Однако можно себе представить, что учеными двигал также другой интерес – как такого рода пересадка фрагментов мозга повлияет на интеллект (близких нам) животных. Тем более, на это косвенно указывает и сам Бек, напоминая об экспериментах по трансплантации мозговых клеток перепела в развивающиеся мозговые структуры курицы. Курицы после вылупления из яиц демонстрировали поведение, типичное для перепелов. По мнению Бека, обезьяны, которым в эмбриональной стадии имплантируются мозговые клетки человека, могли бы стать умнее. Упомянутые выше взрослые обезьяны не стали более интеллигентными, они умерли от опухолей, которые образовались в результате трансплантации.

Другой пример создания химер человека и животного, который приводит немецкий ученый – это внедрение человеческих стволовых клеток в зародыши овцы *in utero*. Эти зародыши развивались нормально и до 15 % их клеток превращались в человеческие клетки. В данном случае возникает вопрос, могут ли эти клетки преобразоваться в человеческие половые клетки – яйцеклетки и сперматозоиды. Если так, то потенциально их можно было бы также использовать для получения человеческих стволовых клеток.

Бек касается также теоретически возможной, хотя пока не проведенной, имплантации в человеческий эмбрион генов и клеток животных с целью получения человеком их способностей. Именно эта техника может привести к успеху, поскольку у эмбрионов нет иммунной системы, способной отторгнуть имплант. Пример Бека – это сила мышц гепарда. Но также на эту возможность указывает Л. Сильвер: «Если какой-нибудь вид создал определенную черту или чувство, мы можем узнать генетическую основу этой черты и, следовательно, перенести соответствующую информацию на человеческий эмбрион. Таким образом, у человека, который вырастет из эмбриона, создается новая, генетически детерминированная черта. Сравнительно легкое улучшение органов чувств – это, например, расширение диапазона видимого света до ультрафиолета и инфракрасного, что позволит нам лучше видеть в темноте, а также обогатит наш мир цветов. Другие возможности – это развитие органов света (заимствование от светлячков или некоторых рыб), производство электроэнергии (от электрического угря) и способность обнаруживать магнитное поле (от птиц).

Другими особенностями этого рода являются выявление и определение множества различных молекул в воздухе при чрезвычайно низких концентрациях (обоняние у собак и других млекопитающих) и имеющаяся у летучих мышей способность излучать звуки высокой частоты, получать те, которые отражаются от различных объектов, формируя “изображения” этих объектов в полной темноте»¹⁰⁰. Сильвер уверен, что «путем объединения методов клонирования с генной инженерией человеческий вид получит возможность управлять собственной судьбой»¹⁰¹.

К химерам человека и животного можно причислить также трансгенных животных, т. е. животных, часть генов которых является в данном случае человеческими генами. Такие организмы используются, например, для исследований болезней и действия медикаментов. Упомянутым ранее примером такого трансгенного животного (химеры) является онкомышь (гарвардская мышь, OncoMouse™) – мышь с человеческим геном рака, созданная Филиппом Ледером и Тимоти А. Стюартом в 1984 г. путем внедрения человеческого гена рака молочной железы в эмбрионы мышей¹⁰². Похожих химерических животных существует много, среди них есть коровы, козы и овцы, которые производят человеческие ферменты вместе с молоком, и даже бактерии, производящие, например, инсулин. Однако именно на мышах проводится большинство генетических исследований. Это одно из самых выгодных лабораторных животных: мыши легко и быстро размножаются, что позволяет наблюдать изменения в разных поколениях. 95 % генов человека и мышей – это общие гены. Ведущая лаборатория, занимающаяся генетикой на мышах – это *The Jackson Laboratory (JAX)*, независимый американский научный центр, исследующий различные человеческие заболевания и возможности их лечения.

¹⁰⁰ Silver L. Raj poprawiony. Nowy wspaniały świat? S. 233–234.

¹⁰¹ Ibid. S. 135.

¹⁰² Об онкомыши писала Д. Харавэй: “Modest Witness@Second Millennium. FemaleMan©_Meets_OncoMouse™. Feminism and Technoscience”. N. Y.; L., 1996. В нем она представила онкомышь как биологический артефакт на границе миров (человек–животное, наука–технология, естественное–искусственное). Большой отчет о неоправданных надеждах по отношению к значению онкомыши в медицине и о ее большом коммерческом значении выпустила Greenpeace: «OncoMouse™. Eine Recherche zur medizinischen und kommerziellen Bedeutung der Harvard-Krebsmäuse» (дата обращения: 20.12.2016).

Существует много споров вокруг создания трансгенных животных, и не только обладающих человеческими генами. Подчеркивается, что разведение трансгенных животных – это дорогая и малоэффективная стратегия, поскольку из тысячи зародышей удастся вырастить лишь незначительный процент. При этом такие животные часто болеют, некоторые из них неспособны размножаться, а бывает так же, как в случае свиньи с человеческим гормоном роста, что вместо желаемого результата у животного обнаруживаются совершенно другие, часто мешающие нормальному развитию, черты. Кроме этического вопроса – оправдывает ли неочевидный результат экспериментов такое страдание животных, возникает и ряд других сомнений. Трансгенные животные, несущие в себе ген определенной болезни, в случае проникновения в естественную среду могут начать размножаться, что потенциально может привести к мутации или распространению новых болезней в непредсказуемом масштабе. Американский независимый Совет по ответственной генетике (*Council for Responsible Genetics*), издающий журнал «*Genewatch*», проводящий мониторинг социальных, этических и экологических последствий биотехнологий, признал генетическую фармацевтику «еще одним шагом к восприятию животных в качестве объектов, лишенных ценности, принадлежащей всем живым существам»¹⁰³.

Ксенотрансплантация: краткий исторический обзор

Смысл ксенотрансплантации заключается в утверждении сходства между человеком и другими животными. Ксенотрансплантация преодолевает барьер между человеком и животным, по крайней мере, в измерении тела и материи. Через пересадку органов животных человеку мы признаем, что все, что нас отличает – это лишь надстройка над общим физическим и физиологическим базисом. Звучит банально, но ведь и дарвиновская теория эволюции видов была опубликована только в 1859 г., а и по сегодняшний день общее происхождение людей и животных признано далеко не

¹⁰³ Цит. по: URL: <http://www.przeglاد-tygodnik.pl/index.php?site=artykul&id=11675> (дата обращения: 12.12.2017).

всеми. Я напоминаю об этом, чтобы подчеркнуть, что удаленные во времени эксперименты в области ксенотрансплантации требовали чрезвычайной смелости и готовности противостоять общественному мнению.

Ксенотрансплантация означает пересадку органов, клеток или тканей между организмами разных биологических видов (в противоположность аллотрансплантации, т. е. трансплантации между разными организмами одного биологического вида). В случае человека это любая процедура, которая включает в себя трансплантацию, имплантацию, или инфузию человеку живых клеток, тканей или органов от животных, а также человеческих биологических жидкостей, клеток, тканей или органов, которые вступили в контакт *ex vivo* с клетками, тканями или органами животных. Ксенотрансплантация является попыткой решить проблему острого дефицита органов для трансплантации. Конечно, это спорная технология, не только с медицинской, но и с этической точки зрения. Частично уходя от проблем органов на оси донор-реципиент, которые присутствуют в области аллотрансплантации, мы сталкиваемся с совершенно новыми проблемными сферами.

Первый документированный случай ксенотрансплантации был зафиксирован в России в 1682 г., когда хирург восстановил поврежденный череп дворянина с помощью фрагмента черепа собаки. Операция удалась, однако Православная церковь пригрозила мужчине отлучением, если он не избавится от имплантата¹⁰⁴. Следующий пример ксенотрансплантации – это применение кожи лягушек для лечения ожогов в конце XIX в.¹⁰⁵. Очередные ксенотрансплантологические эксперименты связаны с открытиями медиков: Шарля Эдуара Броун-Секара, который проводил опыты по подкожным впрыскиваниям человеку водного настоя свежих яичек морских свинок и собак, и Сергея Воронова, который продолжил эти опыты, используя также яички и железы других животных. Данные эксперименты, которые оба медика проводили также на себе, были призваны омолодить организм. Броун-Секар в конце XIX в. положил начало, а Сергей Воронов развил эти исследования

¹⁰⁴ *Kuźmicz J.Z.* Ogólne aspekty ksenotransplantacji: URL: <http://www.biotechnolog.pl/artykul-225.htm> (дата обращения: 02.09.2016); *Encyklopedia Bioetyki / red. Muszala A.* Radom: Polskie Wydawnictwo Encyklopedyczne. 2007. S. 312.

¹⁰⁵ *Ibid.*

в 1920-х гг. Его исследования пользовались огромной популярностью, Воронов заработал состояние, пересаживая обезьяны железы своим богатым клиентам. Его метод стал модной темой для обсуждения не только в кулуарах медицинских конгрессов. Это не удивительно, поскольку «метод Воронова» обещал, среди прочего, улучшение памяти, выносливости, повышение сексуальной активности и продление жизни, а значит, реализовывал вечную мечту человечества об эликсире молодости. Сам Воронов стал прототипом профессора Преображенского в повести Михаила Булгакова. Когда выяснилось, что операции не приносят желаемых результатов, мир отвернулся от ученого. Сегодня его работы частично реабилитированы и считается, что он внес вклад в исследования гормонов. Надо подчеркнуть, что, хотя эксперименты Броун-Секара и Воронова не приносили ожидаемой пользы, они также не вредили здоровью и жизни пациентов.

Иначе было в случае врача калифорнийской тюрьмы Сан-Квентин Л.Л. Стэнли, который в 1920-х гг. провел ряд опытов по восстановлению «жизненных сил» пожилых заключенных путем пересадки им половых желез скота и казненных преступников¹⁰⁶. Действия этого ученого можно квалифицировать как нечто среднее между деятельностью профессора Преображенского из рассказа М. Булгакова и экспериментами доктора Моро из романа Г. Уэллса, пример которого показывает, что сила изображения творцов культуры, хотя и обгоняет реальность, не слишком от нее отделяется. Все, что мыслимо, рано или поздно может обратиться в реальность – независимо от этических и моральных правил.

В 1960-х гг. для межвидовой трансплантации начинают использовать самых близких человеку животных – приматов. Именно филогенетическая близость является основным аргументом для этих пересадок. Почки, сердца и печени от павианов и шимпанзе пересаживали взрослым и детям – только один пациент прожил девять месяцев, все остальные умирали в течение недель, дней, а иногда даже часов. Такие эксперименты можно оправдать в ситуации, когда для пациента не существует другого шанса, а его состояние не позволяет долго ждать. Однако получивший известность во всем мире случай «Бэби Фей» многими считается примером неэтичного

¹⁰⁶ *Лицук О.* Рентабельная бесчеловечность. URL: <http://medportal.ru/mednovosti/main/2011/02/28/experiments/> (дата обращения: 05.10.2016).

поведения и просто неоправданного эксперимента на человеке: в 1984 г. Леонард Л. Бейли сделал пересадку сердца бабуина новорожденной девочке, родившейся с синдромом гипоплазии левых отделов сердца. Хотя этот синдром в то время считался смертельным, был доступен орган от человеческого донора – сердце другого новорожденного ребенка, которое могло бы спасти жизнь «Бэби Фей» с большей вероятностью, чем ксенотрансплантация, предложенная врачом. Хотя сама операция прошла успешно, девочка умерла 21 день спустя, дополнив грустную статистику пациентов ксенотрансплантации¹⁰⁷.

В 1995 г. врач Сюзанна Ильстад пересадила клетки костного мозга бабуина пациенту со СПИДом Джефу Джеттаю, надеясь на то, что стойкие к СПИДу стволовые клетки бабуина помогут костному мозгу пациента производить клетки, борющиеся со СПИДом. Несмотря на то, что формально операция завершилась успешно, клетки бабуина вскоре исчезли из организма пациента. Однако состояние пациента не только не ухудшилось, но даже улучшилось, а в его организме не обнаружили наличия никаких вирусов, переданных от бабуина, чего опасалось научное сообщество. Ксенотрансплантация не помогла Джефу Джеттаю вылечиться от СПИДа. Он умер в 2006 г. от сердечной недостаточности, что явилось следствием болезни¹⁰⁸.

Можно привести еще громадное количество примеров ксенотрансплантации. Стоит отдельно подчеркнуть пересадки человеческих мозговых клеток приматам и грызунам, которые имеют целью помочь пациентам с болезнями Паркинсона, Альцгеймера и нейрофизическими проблемами. В рамках эксперимента Медицинского центра Рочестерского университета (США) в мозг мышат были пересажены глиальные клетки человека. Глиальные клетки окружают нервные клетки, создают для них среду и играют вспомогательную роль. Исследование преследовало две цели: фундаментальную и прикладную. Помимо развития новых методов терапии при неврологических заболеваниях, связанных с дегене-

¹⁰⁷ URL: <http://www.incet.uj.edu.pl/dzialy.php?l=pl&p=31&i=3&m=26&n=2&z=0&kk=76&k=63> (дата обращения: 28.01.2016).

¹⁰⁸ *Tree J. Jeff Getty, 49, AIDS Activist Who Received Baboon Cells, Is Dead // The New York Times.* 16.10.2006. URL: http://www.nytimes.com/2006/10/16/health/16getty.html?_r=2 (дата обращения: 28.01.2016).

рацией глиальных клеток, речь шла также об определении роли глиальных клеток, которых в мозге человека больше, чем у других животных, а также эволюции человеческого мозга и особенных интеллектуальных возможностей человека¹⁰⁹. Стоит отметить, что этот эксперимент, в результате которого у мышей развивался мозг, память и способности к обучению, создает опасность реального «учеловечения» этих грызунов.

Начиная с 1990-х гг., происходит уход от филогенетически близких человеку приматов в пользу более отдаленных от человека свиней в качестве доноров. Одним из немедицинских факторов, которые способствовали этому, стали протесты защитников прав животных против убийства приматов. Многих людей беспокоило убийство в научных и медицинских целях самых близких родственников человека. Например, философы и ученые из созданной в 1994 г. международной организации Great Ape Project считают, что человекоподобные обезьяны удовлетворяют ряду критериев, которые позволяют признать их личностями: они обладают сознанием, моралью, языком, способны к рефлексии и сложным социальным отношениям. Поэтому, по их мнению, разница между приматами и людьми является лишь разницей степени, а не качества. Исходя из этого, активисты Great Ape Project требуют закрепить за приматами право на жизнь, свободу и свободу от пыток¹¹⁰. Соучредителями организации являются философы П. Сингер и П. Кавальери, а к известным активистам принадлежат эволюционист Ричард Докинз и приматолог Джейн Гудолл. Свиньи, в силу того, что их разводят для массового употребления в пищу, не вызывают таких острых протестных реакций (в этом месте стоит подчеркнуть, что свиньи – одни из самых интеллигентных домашних животных, по уровню интеллекта они как минимум равны собакам¹¹¹).

¹⁰⁹ URL: <http://www.kp.ru/daily/26317/3196674/> (дата обращения: 16.11.2016); URL: <http://www.newsweek.pl/nauka/wiadomosci-naukowe/mysia-chimera-gryzonz-ludzimi-komorkami-w-mozgu,102260,1,1.html> (дата обращения: 16.11.2016).

¹¹⁰ URL: <http://www.greatapeproject.org/en-US/oprojetogap/Declaracao/declaracaomundial-dos-grandes-primatas> (дата обращения: 28.01.2016).

¹¹¹ Marino L., Colvin Ch.M. Thinking Pigs: A Comparative Review of Cognition, Emotion, and Personality in *Sus domesticus* // International Journal of Comparative Psychology. 2015–28. URL: <https://escholarship.org/uc/item/8sx4s79c#page-1> (дата обращения: 27.10.2016); В высоком интеллекте свиней легко убедиться... с помощью зеркала, утверждают американские ученые: URL: <http://>

Неопределенны позиции мировых религий по отношению к ксенотрансплантации. За исключением буддизма и индуизма, в которых существует совсем другой подход к понятию межвидовых границ по сравнению с иудео-христианским миром и которые это решение оставляют на совести верующих, крупнейшие мировые религии не сопротивляются межвидовым трансплантациям, считая, что человек имеет право выращивать трансгенных животных и использовать природу на благо человечества. Проблематичен в этом контексте, однако, запрет употребления свинины в иудаизме и исламе. Сколько-нибудь четких правил в этом отношении не существует. По мнению некоторых религиозных лидеров, запрет не распространяется на более широкое применение органов и тканей этих животных для спасения жизни человека. Такая позиция не является, однако, общей. Четко выраженный запрет, а вернее ограничение, исходит от Католической церкви и касается вопроса идентичности человека-реципиента органов животных. Папская академия наук в документе «Pro Vita» от 2001 г. определила, что в человеке есть два вида органов: функциональные и имеющие влияние на идентичность. К последним относятся мозг и половые органы. Следовательно, чтобы избежать угрозы пересечения границы между человеком и животным и потери или нарушения человеческой идентичности, ксенотрансплантации можно подвергать лишь функциональные органы¹¹².

Ксенотрансплантация: этические и технические аспекты

Несмотря на кажущееся очевидным преимущество в том, что касается доступности органов для пересадки (что также не бесспорно), ксенотрансплантация влечет за собой много опасностей как для отдельного пациента, так и для человечества в целом (имеется в виду, например, возможность перенесения болезней от животных к человеку, а также проблема с идентичностью, которая может возникнуть у человека с органами животных).

ethology.ru/news/?id=693 (дата обращения: 26.10.2016); *Wright A.* Pigheaded: How Smart are Swine? // *Modern Farmer*. 10.03.2014. URL: <http://modernfarmer.com/2014/03/pigheaded-smart-swine/> (дата обращения: 27.10.2016).

¹¹² Encyklopedia Bioetyki. S. 315.

В случае пересадки органов от человека к человеку устанавливается особая связь между донором и реципиентом. Орган – это своего рода «подарок жизни». Люди, которым пересадили орган от человека-донора, говорят о своем признании, благодарности, о том, что каждый день вспоминают того, кто подарил им новую жизнь. На сайтах, посвященных трансплантации, в воспоминаниях пациентов часто повторяются такие слова: «И эта мысль постоянная: когда будет донор, когда этот обещанный подарок. И одновременно знаешь, ты сознаешь, что кто-то должен умереть, чтобы ты мог жить...»¹¹³. Эти люди нередко также чувствуют ответственность перед умершим донором, они ощущают необходимость прожить «подаренную» жизнь как можно лучше, чтобы не потратить зря этого подарка, чтобы жить дальше и за себя, и за донора. Вот несколько примеров: «Наше название (организации, объединяющих людей после пересадки. – *М.К.*) – это в честь доноров. Это они постоянно живут в реципиентах, они – Бессмертные», – подчеркивает Р. Модзелевски, координатор портала Nieśmiertelni (Бессмертные)¹¹⁴. «Прежде всего, я испытываю чувство долга по отношению к донору. Кто-то подарил мне эту печень и мне надо о ней заботиться. Я согласился на эту новую жизнь. С новой печенью. Она женская, моложе меня. Так что отчасти я – женщина... Я, правда, не верю в память органов, но... Ничего больше не знаю, ни о доноре, ни о ее родственниках. Мне остается только молиться за них и за донора. До конца моих дней. За их доброту и милость»¹¹⁵. «Никогда не преследовали меня мысли, что я ношу в груди чужое сердце. Я знаю, что это был молодой мужчина. У меня мужское, мужественное сердце. Трагично, что он умер, чтобы я могла жить. Ничего больше о нем не знаю. Я очень благодарна его родственникам, которые согласились на изъятие органа. Благодаря этому я живу. Я поминаю про донора в своей молитве и каждый год заказываю по нему службу. Хочу хотя бы таким образом выразить свою благодарность»¹¹⁶. Можно сомневаться, что такие прекрасные чувства и поступки будут вызывать животные-доноры.

¹¹³ URL: <http://www.przszczep.pl/?a=tekst&id=29> (дата обращения: 04.05.2016).

¹¹⁴ URL: http://niesmiertelni.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=68&Itemid=5 (дата обращения: 04.05.2016).

¹¹⁵ URL: <http://poradnikdomowy.pl/poradnikdomowy/1,116278,3196664.html> (дата обращения: 04.05.2016).

¹¹⁶ URL: <http://poradnikdomowy.pl/poradnikdomowy/1,116278,3196664.html> (дата обращения: 04.05.2016).

Пересаженный орган – это часть другого человека. Хотя донор обычно остается анонимным, реципиент органа получает о нем какой-то минимум информации: пол, возраст. На этих данных нередко строится целая история, а реципиент, бывает, ищет в себе признаки идентичности или характера человека, от которого получил орган. Здесь работает магический принцип воздействия через соприкосновение, т. е. контагиозная (в классификации Дж. Дж. Фрейзера) магия: «вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта»¹¹⁷. Бывает, что когда человек получает сердце, печень или почки от другого человека, то думает, что вместе с органом получает что-то еще. Привычки, симпатии, боязни, предпочтения донора, т. е. что-то из его поведения и характера.

Вместе с пересадкой органа «пересаживаются» также социальные структуры родственных связей. Орган, как часть донора, становится его воплощением и переносит на получателя определенную сетку социальных связей, а вместе с ними также ожиданий и обязанности. Родственники донора нередко продолжают чувствовать в пересаженном органе того человека, которого они потеряли, а свои чувства переносят на получателя органа. Появляется вопрос «права на связь с органом». Интересно, что как пациенты, так и их родственники нередко используют в дальнейшем общении между собой терминологию родственных связей, вытекающую из факта трансплантации. Лесли А. Шарп называет это «фиктивным родством», с чем не соглашается Ю. Жабовска, которая пишет: «Если это родство – фикция, то что же такое т. н. настоящие родственные связи? Не получается ли так, что каждое родство до определенной степени фиктивно, т. к. оно – социальный конструкт, культурная интерпретация биологии? А если так, то определение “фиктивного родства” в данном случае сложно сохранить. Тем более, что в этой конкретной версии родства выполнено ключевое условие западной концепции родственных связей, т. е. телесная связь (посредством упомянутого органа). Здесь, однако, социальные отношения опосредуются не только через фрагменты тканей, но также, и прежде всего, через технологию, которая делает возможным такого рода обмен»¹¹⁸. Воз-

¹¹⁷ *Frazer J.G. Złota gałąź. Warszawa, 1965. S. 37.*

¹¹⁸ *Żabowska J. Przeszczepy, śmierć mózgowia i pokrewieństwo, 18 marca 2010 // Opcit. 2010. No. 41: URL: <http://www.opcit.pl/teksty/przeszczepy-smierc-mozgowia-i-pokrewienstwo/> (дата обращения: 08.10.2016).*

никает вопрос, какими могут быть ощущения человека, который получил орган от животного, не будет ли он ощущать проблем с идентичностью или чувствовать себя каким-то образом ущемленным по отношению к «сто процентным» людям? Однако превалирует мнение, что перед лицом выбора: орган от животного или смерть, выбор в пользу жизни является естественным и очевидным.

Папа Римский Иоанн Павел II, который одобрил трансплантации, сказал следующее про их этический аспект: «Любая пересадка органа имеет свой источник в решении с великим этическим значением, а именно в решении отдать бескорыстно части своего тела другому человеку для его здоровья и хорошего самочувствия. Благородство такого жеста состоит в том, что является он настоящим актом любви. Это не вопрос отдать что-то, что принадлежит нам, а отдать что-то из себя»¹¹⁹. В случае донора-животного нет речи о таком «подарке», о заряде жертвенности и щедрости, зато мы сталкиваемся с убийством здорового, сильного животного с целью спасения больного человека. Как я уже упоминала раньше, это вызывает протесты многих защитников прав животных, несмотря на то, что данная цель кажется более возвышенной по сравнению с убийством для утоления аппетита. Что касается реципиента органа от животного, то его ощущения, без сомнения, будут отличаться от ощущений реципиентов человеческих органов: могут возникнуть проблемы с идентичностью, чувство ущемности, но, прежде всего, сознание того, что орган получили в результате активного, а не пассивного участия человека, поскольку врачи не достают орган из мертвого тела человека, а забирают его от животного, которое вырастили и убили именно для этого. Животное служит здесь живым складом органов – запасных частей. А значит, ксенотрансплантация, при всей своей привлекательности как способа решения дефицита органов для пересадки, не является «чистой» технологией, лишенной этических проблем. Уходя от одних проблем, мы сталкиваемся с новыми проблемными сферами.

Перейдем к техническому аспекту ксенотрансплантации. Самыми подходящими животными для пересадки органов человеку считаются свиньи. Первоначально ученые пытались использовать

¹¹⁹ Цитата из Послания папы Иоанна Павла II к участникам Международного конгресса по трансплантологии. URL: http://www.zoz.chelмно.pl/zoz/index.php?option=com_content&task=blogsection&id=32&Itemid=88 (дата обращения: 26.11.2016).

ткани и органы приматов, как эволюционно самых близких человеку, однако столкнулись с несколькими трудностями. Во-первых, органы приматов обычно отличаются от человеческих размером, что сужает возможности пересадки. Во-вторых, приматы страдают от вирусов и болезней, которые могут легко передаваться человеческому реципиенту. В-третьих, так же, как и люди, приматы размножаются медленно: их беременность длится долго и обычно рождается лишь один детеныш, что усложняет получение необходимого количества органов для пересадки.

Свиньи оказались в этом плане намного выгоднее, поскольку некоторые их органы анатомически и физиологически очень похожи на органы человека, их разведение обходится дешевле и проще по сравнению с приматами, а размножаются они значительно быстрее. Что касается филогенетической дистанции, перенос заболеваний от свиньи к человеку менее вероятен, хотя тоже не исключен. Однако и в случае свиней существует серьезный иммунологический барьер, который может повлечь за собой возможное отторжение пересаженных органов. Иммунологический барьер усложнил успешное применение ксенотрансплантации в массовом порядке, и на данный момент (за небольшими исключениями) она практически не проводится. Тем не менее перед лицом огромного дефицита органов ученые не забросили идею о таком легкодоступном резервуаре органов, коим является животноводство, и продолжили исследования в области устранения иммунологического барьера с одновременным снижением риска переноса вирусов и заболеваний. Для преодоления этой проблемы исследователи со всего мира (среди них и создатели овцы Долли) пытаются вырастить трансгенных свиней, у которых присутствовали бы гены, ликвидирующие этот барьер. (Один из способов преодоления или снижения иммунологического барьера – это включение генов человека в состав генов свиньи-донора. Получается, что создается трансгенное животное – химера животного и человека с целью создания еще одной химеры – человека с органом животного.) Среди многих успешных результатов таких исследований – хряк TG-1154 польских ученых из Кракова, родившийся в 2003 г. Из 1870 модифицированных зигот было получено 117 поросят, и только один из них был трансгенным. Позднее спермой трансгенного хряка было инсеминировано 30 специально отобранных самок. Из по-

лученных 200 поросят 87 имели человеческий ген¹²⁰. Этот пример показывает масштаб трудностей, связанных с процессом выведения трансгенных свиней, однако, как утверждают создатели хряка TG-1154, возможности, которые открываются в результате, намного превышают издержки¹²¹. Кроме того, различные трансгенные свиньи успешно выводятся во многих лабораториях мира, что дает повод верить, что иммунологический барьер будет преодолен.

Даже если трансгенные свиньи с медицинской точки зрения оправдают себя в качестве доноров органов, все еще остается множество этических проблем, стоящих на пути к реализации вечной мечты человечества: мечты об обновляемости человеческого тела, о запчастях для жизненно необходимых органов, и в итоге – о продлении жизни.

«Перевернутая ксенотрансплантация» – органы человека в животных

В последнее годы проводятся исследования в еще одном направлении трансплантологии – речь идет о выращивании человеческих органов в животных. Идея простая и совмещает в себе элементы как алло-, так и ксенотрансплантации: запрограммированные человеческие стволовые клетки имплантируются в зародыши животных (овец и свиней) для того, чтобы внутри организма животного выросли человеческие органы. Таким образом, химера человека и животного не является результатом пересадки, а этапом на пути к пересадке органа человеку.

Исследования в этой области ведутся в США, а с 2016 г. разрешены (с некоторыми ограничениями) также в Великобритании. Однако пока ученым не удалось добиться рождения химеры.

Цель создания таких химер – получение человеческих органов для трансплантации. Тем не менее неожиданной проблемой для ученых в США стало прекращение с сентября 2015 г. финансирования исследований и экспериментов в области гибридов и химер человека и животного из федерального бюджета, вызванного, сре-

¹²⁰ *Kuźmicz J.Z.* Op. cit.

¹²¹ *Smorąg Z., Słomski R.* Ksenotransplantacja- możliwości i ograniczenia // *Nauka.* 2005. No. 4. S. 144.

ди прочего, опасениями неконтролируемого развития в животных человеческих клеток, что могло бы нарушить межвидовые границы. Однако пока исследования продолжаются, и никто не намерен останавливаться¹²². В январе 2017 г. мир узнал об успешном эксперименте ученых из американского Salk Institute for Biological Studies в этой области: в эмбрион свиньи были внедрены человеческие стволовые клетки, которые успешно развивались в органы¹²³.

В январе 2016 г. правительство Великобритании выпустило руководство¹²⁴ по подготовке и проведению экспериментов с животными, содержащими человеческий биологический материал. Руководство опирается на общественные обсуждения и отчет Академии Медицинских Наук Великобритании от 2011 г. Ранее подобные эксперименты регулировались такими документами, как *The Animals (Scientific Procedures) Act* от 1986 г., *The Human Fertilisation and Embryology Act* от 1990 г. и *The Human Tissues Act* от 2004 года. Цель настоящего руководства, подготовка которого была инициирована правительством, – позиционирование Великобритании как одного из лидеров научных исследований в этой сфере. Защитники прав животных увидели в этом руководстве согласие на проведение экспериментов, которые потенциально жестоки и опасны для животных.

Отчет Академии Медицинских Наук Великобритании от 2011 г. делит эксперименты на животных с человеческим биологическим материалом на три категории. К **первой принадлежит** большинство опытов в этой области, к которым, по мнению авторов доклада, не стоит предъявлять требований, отличных от тех, которые ставятся по отношению к любым другим исследованиям на животных, попадающих под действие акта *The Animals (Scientific Procedures) Act (ASPA)* от 1986 г. Это, например, создание лабораторных

¹²² URL: <http://www.technologyreview.com/news/545106/human-animal-chimeras-are-gestating-on-us-research-farms> (дата обращения: 20.01.2016).

¹²³ New York Times. URL: https://www.nytimes.com/2017/01/26/science/chimera-stemcells-organs.html?_r=0 (дата обращения: 14.04.2017); The Telegraph. URL: <http://www.telegraph.co.uk/science/2017/01/26/human-pig-hybrids-created-scientists-breakthrough-organ-transplants/> (дата обращения: 14.04.2017); BBC News. URL: <http://www.bbc.com/news/health-38717930> (дата обращения: 14.04.2017) и др.

¹²⁴ URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/491496/Animals_Containing_Human_Material_Final_Guidance.pdf (дата обращения: 16.02.2016).

животных с частями человеческого ДНК для разработки модели заболевания или проведения доклинических тестов, внедрение человеческих раковых клеток мышам для изучения хода болезни и тестирования лекарств, выращивание мышей с измененной ДНК для получения в большом количестве антител, имеющих свойства человеческих, и которые можно использовать для терапии, выращивание в мышцах основных частей кроветворной системы человека для выработки человеческих кровяных клеток с целью изучения механизмов и специфики заболеваний крови, а также добавление мышам человеческих клеток, восприимчивых к ВИЧ и малярии (мышинные клетки к ним невосприимчивы) для исследования патогенеза и вакцинации. Все эти исследования уже давно проводятся на основе полученных лицензий, подчеркивают создатели отчета.

Ко второй категории экспериментов относятся опыты, связанные с модификацией мозга животного, которые могут сделать работу мозга потенциально более «человеческой», и такие, которые могут привести к возникновению или распространению человеческих половых клеток в животных. Подобные эксперименты могут значительно изменить внешний вид или поведение животных и повлиять на характеристики, определяющие главные различия между нами и нашими близкими эволюционными родственниками. Сюда же относятся эксперименты, связанные с добавлением человеческих генов или клеток приматам. При этом Академия Медицинских Наук Великобритании рекомендует разрешить все эти виды исследований при условии, что они получают положительную оценку после анализа соотношения вреда и пользы от эксперимента и что будут проведены дополнительные проверки национальными экспертными органами.

В третью категорию экспериментов на животных с человеческим биологическим материалом вошли исследования, которые Академия Медицинских Наук Великобритании не рекомендует разрешать, поскольку они вызывают серьезные этические вопросы, либо их научное обоснование неубедительное. К ним причислены опыты в области развития гибридных эмбрионов, чей возраст превышает 14 дней, трансплантации нервных клеток человека приматам, поскольку это может привести к изменению их поведения по подобию человека, а также разведение животных, в которых могли бы развиваться половые клетки человека, что может привести к про-

изводству человеческих эмбрионов или гибрида. Для этой группы Академия Медицинских Наук Великобритании рекомендует постоянный мониторинг экспериментов и дополнение этого списка.

Руководство, опубликованное правительством Великобритании, содержит следующие постулаты: эксперименты, относящиеся к первой категории, должны проводиться в соответствии с прежними законодательными актами, прежде всего *The Animals (Scientific Procedures) Act (ASPA)* от 1986 г. Эксперименты, принадлежащие ко второй категории, будут регулироваться *ASPA* в том случае, если они не связаны с человеческими эмбрионами или человеческими гаметатами. Опыты с человеческими эмбрионами, человеческими гаметатами, использованными для создания эмбриона, или с гибридными эмбрионами со значительной долей человеческого материала будут требовать получения разрешения от *Human Fertilisation and Embryology Authority (HFEA)*. В сложных случаях разрешение должно исходить от обоих институтов: *HFEA* и правительства, которые будут сотрудничать в этой сфере. Во всех случаях нужно будет также консультироваться с Комитетом по делам животных в науке (*Animals in Science Committee*). По экспериментам, относящимся к третьей категории, всегда будут требоваться консультации со стороны правительства и *HFEA*, а также со стороны Комитета по делам животных в науке. Ученым будет необходимо подавать заявки на получение лицензии для тех опытов, в результате которых могут быть созданы человеческие или гибридные эмбрионы.

Не удивляет факт, что в Европе на развитие экспериментов над животными с человеческим биологическим материалом решилась именно Великобритания, поскольку она является самой либеральной среди европейских стран в отношении развития новых биотехнологий. Это также выглядит интересным на фоне того, что Великобритания известна своим гуманным подходом в обращении с животными, в чем большая заслуга одного из первых философов – защитников прав животных, утилитариста Джереми Бентама. Именно в Великобритании создан был первый в мире законодательный акт, защищающий домашний скот «*An Act to prevent the cruel and improper Treatment of Cattle*» (1822), который потом был распространен на все виды животных «*Cruelty to Animals Act*» (1835). Поэтому нельзя проигнорировать вопрос о роли животных в производстве человеческих органов с точки зрения этики животных.

Решение правительства Великобритании разрешить выращивание человеческих органов в телах свиней и овец означает очередной сдвиг на пути к внедрению ксенотрансплантации в обычную медицинскую практику. Иммунологический барьер может быть устранен благодаря применению стволовых клеток пациента для выращивания органа, а доступность органов может увеличиться за счет достаточно несложного производства животных – складов человеческих органов. И даже если с технической и медицинской точки зрения этот шаг окажется успешным, остаются другие проблемные сферы, которые необходимо рассмотреть.

Об одной из них я уже упомянула, это вопрос этического обращения с животными и качества жизни животных, в теле которых «растут» человеческие органы. Можно полагать, что овцы и свиньи, как животные, производимые для пищи и кожи, не будут отвергаться обществом в качестве резервуара органов для пересадки. Отношение к ним будет регулироваться законами, касающимися экспериментальных животных. Возможно, даже самый убежденный веган решится на убийство животного ради спасения своей жизни. Решится ли на это верующий еврей или мусульманин, задумываясь о перспективе вечной жизни, это уже другое дело, решение будет определяться его совестью и, скорее всего, не будет влиять на общее правовое регулирование в сфере трансплантации.

Второй проблемной сферой является то, как существование человеческих органов в теле животных может повлиять на наше определение человека и человеческого (в отношении которого не существует достаточной ясности). Будем ли мы считать свинью или овцу с человеческим сердцем чем-то более чем животным, и будем ли мы считать пересаженное человеческое сердце, которое «выросло» в теле свиньи или овцы, «настоящим» человеческим сердцем? Более того, многие ученые опасаются, что из человеческих стволовых клеток может вырасти не печень, а человеческий мозг. **И в итоге мы получим свинью или овцу, обладающую человеческим интеллектом.**

Третья проблема применения выращенных в животных человеческих органов для пересадки заключается в отношении реципиента к животному-донору. Этот этический вопрос касается также привычной ксенотрансплантации.

Четвертая сфера проблем относится к табу, коим является размножение и половые органы и клетки человека. Постепенно мировое общество привыкает к новым и спорным биотехнологиям. И хотя эксперименты на эмбрионах и возможность изменения генетического состава эмбриона все еще вызывают беспокойство как среди общества, так и среди самих ученых, все чаще информация о новых разработках проходит без широкого общественного резонанса. Действительно, размножение считается одной из самых деликатных сфер человеческого существования и одной из последних сфер, которую общество неохотно отдает в руки ученых. Таким образом, половые органы становятся для экспериментов своего рода табу.

В США приостановлено федеральное финансирование исследований по созданию химер человека и животного, помимо прочего, из-за невозможности точного предвидения, в какие клетки и органы могут развиваться человеческие стволовые клетки в организме животного¹²⁵. Теоретически возможно выращивание в теле животного половых органов человека и создание человеческих половых клеток, а также вынашивание человеческих эмбрионов в теле животных. Более того, в результате эксперимента в мозгу животного могут развиваться человеческие нейроны, в итоге у этих животных могут появиться человеческие интеллектуальные способности. Как предусмотрено новым руководством правительства Великобритании, на подобные эксперименты (относящиеся ко 2-й категории) необходимо обращать особенное внимание и каждый раз требуется получать официальное разрешение на их проведение. Одновременно правительство и Академия Медицинских Наук Великобритании видят смысл в развитии этих областей исследований.

Получается, что мы имеем дело с некоторого рода «перевернутой» ксенотрансплантацией: раньше ее результатом был человек с органами животного, сейчас условием трансплантации будет создание животного с органами человека. То есть создается животное-химера, человеческие органы которого потом имплантируются человеку. Согласно определению, это тоже ксенотрансплантация, поскольку данные человеческие органы развивались в животном и непосредственно вступали в контакт с его клетками, тканями или органами. Здесь животное является средством к до-

¹²⁵ URL: <http://gizmodo.com/us-scientists-demand-removal-of-restrictions-on-animal-1740805270> (дата обращения: 27.01.2016).

стижению цели, коим есть счастье (здоровье) человека. Однако, как заметил П.Д. Тищенко, «использование биотехнологий для достижения счастья – еще недостаточное обоснование их допустимости»¹²⁶. И хотя российский философ в данном случае имел в виду последствия применения таких технологий для человека и всего человеческого вида, я хочу подчеркнуть проблему экологического характера, которая заключается в нарушении целостности биологических видов. С этой точки зрения лучшим выходом было бы развивать технологии выращивания синтетических органов, печать органов на био-принтерах – это может оказаться более перспективной технологией по сравнению с выращиванием человеческих органов в живых организмах, которые могут оказаться не менее больными, дефектными и уязвимыми по сравнению с организмом, ждущим трансплантации. В этом отношении в обществе наблюдается убеждение в некой «чистоте», стерильности и аккуратности автоматов и технологий. Кроме этого, именно развитие синтетических органов для трансплантации «сэкономило» бы сотни тысячи жизней братьев наших меньших.

Однако повторю вопрос о том, каким будет наше отношение к животным после того, как в их телах начнут расти и работать человеческие сердца, почки, печени? Исходя из опыта концлагерей, можно утверждать, что мы «отчеловечиваем» тех, кого собираемся убить¹²⁷, а исходя из опыта нашей повседневности, мы даже «отживотниваем» тех, кого собираемся съесть (едим ведь не свиней, а свинину, не коров, а говядину, и т. д.), поэтому вряд ли произойдет повышение статуса животных с человеческими органами, хотя, без сомнения, этот вопрос будет обсуждаться. Для развития человечества в сторону новых гибридных форм этот шаг является, однако, достаточно решительным, т. к., несмотря на существование химер среди животных и растений, а также существование трансгенных животных с человеческими генами, в первый раз происходит такой масштабный сдвиг в области межвидовых барьеров с участи-

¹²⁶ *Тищенко П.Д.* Биотехнологии инхенсента: на пути к третьей утопии? // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / Отв. ред. П.Д. Тищенко. М., 2015. С. 22.

¹²⁷ Не только нацисты прибегали к таким психотехникам. Б.Г. Юдин обратил внимание на японский «Отряд 731» (*Юдин Б.Г.* Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 35–49).

ем человеческого биологического материала. Человек, имеющий склонность отделять себя от остальных животных, вместе с «перевернутой ксенострансплантацией» получит очередной (и очень убедительный!) довод о своей схожести с ними, и одновременно в очередной раз воспользуется животными как инструментом для достижения своих целей.

Решение правительства Великобритании хорошо вписывается в длинную историю мысленных и реальных экспериментов по созданию химер и гибридов человека и животного, и, вне сомнений, может послужить толчком для дальнейшего слияния видов и создания новых, «усовершенствованных» гибридных форм человека в будущем, где человек сможет обогатить свое тело и его физические возможности посредством тех или иных возможностей животных.

Био-арт: между искусством и наукой

Био-арт – это творческий ответ на новые возможности биотехнологии, создающей формы жизни, не существовавшие ранее в природе. Биотехнологи указывают при этом на практическую значимость своих научных разработок, в первую очередь, для решения проблем в области терапии и фармакологии.

Био-арт делает то же самое (создает новые формы жизни), однако демонстративно отрешивается от практической пользы своих творений. Они не имеют терапевтической значимости, не помогают в изучении новых лекарств или форм лечения. Зато они заставляют нас задуматься над связями человека с окружающим живым миром. «Биотехнологии меняют нашу жизнь, пробуждая такие формы и способы жизни, которые не существуют вне сферы вмешательства человека. Таким образом, существует необходимость пересмотреть отношения человека с “нечеловеческими” формами жизни, в частности, с животными, а также потребность в более широкой перспективе отношений: природа-культура, живая материя – неживая материя, а также в новых стратегиях в рамках биовласти и биополитики»¹²⁸, – пишет М. Бакке. **Эта новая реальность**, с которой столкнулось человечество, находит свое переосмысление в виде новой формы искусства.

¹²⁸ Bakke M. Bio art – sztuka in vivo i in vitro.

Философ Вольфганг Вельш (*Wolfgang Welsch*) замечает при этом, что, несмотря на сомнения многих специалистов (а также не специалистов), био-арт, бесспорно, является искусством. Каждое новое направление вынуждено бороться за это определение, и био-арт не является исключением. Ранее свою принадлежность к искусству также доказывали кубизм, абстракционизм и другие направления¹²⁹.

Это совершенно новое направление искусства возникло около 2000 г. и связано, главным образом, с именем Эдуардо Каца (*Eduardo Kac*) – флагмана био-арта. Био-арт – очень неоднородное явление, которое объединяет увлечение биологией и феноменом жизни, а также биотехнологиями, которые позволяют вмешиваться в эту жизнь и менять ее.

Художник био-арта – это не типичный человек искусства, а, скорее, творческий ученый. Его инструменты – это инструменты лаборанта и биоинженера. От других ученых он отличается ангажированностью, идеологизированностью и эмоциональностью, которые вносит в свой проект. То, что объединяет био-арт с наукой, это некий парадокс взаимосвязи научной достоверности и веры: не все, чему нас учат в школах, и о чем нам говорят ученые, мы можем проверить на собственном опыте. Наше убеждение базируется на доверии к сообществу ученых как к самоконтролирующемуся институту. Таким образом, мы можем сказать, что «верим в науку» (ее достижения и открытия), поскольку доверяем ученым (т. е. механизмам контроля внутри научного сообщества), несмотря на то, что мы не в состоянии самостоятельно убедиться в правдивости научных суждений. То же самое применимо и к био-арту: действительно ли кролик «*GFP Bunny*» светится в темноте и правда ли, что в «Эдунии» находятся гены художника – мы этого не знаем и не можем проверить. Так же, как и в науке, все проверяемо с помощью научных методов, однако мы, зрители и профаны науки, вынуждены поверить на слово художнику. Это происходит потому, что инструменты и методы его действия, хотя и имеют другие, отличные от научной деятельности цели, идентичны научным: «Мастерская художника становится лабораторией, а сам процесс творения часто проходит в тесном сотрудничестве с биологами, биотехнологами и врачами, а это значит, что реализация био-арт-проектов носит междисциплинарный характер», – пишет М. Бакке¹³⁰.

¹²⁹ *Bakke M.* Bio art – sztuka in vivo i in vitro.

¹³⁰ *Ibid.*

Био-арт, также как наука, часто балансирует на границе того, что является этически допустимым. Занимаясь феноменом жизни, его проявлениями и вариациями, художник био-арта может провоцировать страдание, порождать не только красоту жизни, но и ее монструальность и, в конце концов, он может даже убивать (например, Верена Каминиярц (*Verena Kaminiarz*), *Ich vergleiche mich zu dir* (Я сравниваю себя с тобой), 2002, которая вырастила двухголовые планарии). Однако самые значимые и узнаваемые творения био-арта демонстрируют обратное, и являются, наряду с этическими комитетами, еще одной инстанцией, напоминающей об ответственности в науке.

Самой значимой фигурой среди художников био-арта считается Эдуардо Кац, автор трилогии: «*Genesis*» (1999), «*GFP Bunny*» (2000), «*Eighth Day*» (2001). В основу «Генезиса» легла библейская фраза «да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле» (1:26), которую автор переложил на азбуку Морзе, а ту, в свою очередь, на код ДНК – буквы T, C, A, G. Созданный код – новая ДНК – была введена в бактерии. Таким образом, Кац с помощью ученых создал новый вид живых существ, который назвал «Генезис». Объектом искусства на выходе была презентация бактерий в пробирке и в проекции видео в галерее искусства, а также в Интернете.

«*GFP Bunny*» – это химера кролика и медузы, а вернее, кролик с добавлением зеленого флуоресцентного белка (ЗФБ) (*green fluorescent protein, GFP*), выделенного из медузы. Кролик получил кличку «Альба» и, согласно желанию Каца, после выставки во Франции должен был стать домашним питомцем в семье художника, однако лаборатория не согласилась на это. Эдуардо Кац многократно подчеркивал, что созданный им кролик не страдает от того, что он – трансгенный. Добавление нового гена не отразилось на его здоровье и физическом комфорте. Более того, одной из целей проекта было показать, что также трансгенные животные заслуживают любовь и заботу¹³¹. Художник объясняет, что трансгенное искусство должно создаваться «с большой осторожностью и обязательством уважать, выращивать, любить жизнь созданных таким образом»¹³².

¹³¹ URL: <http://www.ekac.org/houserzdf.html> (дата обращения: 22.11.2016).

¹³² URL: <http://www.ekac.org/transgenicindex.html> (дата обращения: 22.11.2016).

Последний проект из трилогии – «Восьмой День» – должен символизировать новый акт создания, природу, измененную генетически в процессе человеческого технологического прогресса. «Трансгенная эко-система» со сманипулированной флорой и фауной показывает, насколько обыденным стали генетические манипуляции и как глубоко они внедрились в наш мир. Это, опять же, к вопросу о том, что такое искусственное, а что такое природное, подлинное. Является трансгенное животное или растение менее «настоящим»? По мнению Каца, вряд ли. Одновременно Кац требует диалога научного сообщества с обществом и через свои произведения выносит научные разработки в широкий круг обсуждения.

Среди прочих проектов био-арта авторства Эдуардо Каца особенное место занимает «Эдуния» (2003) – гибрид петунии и самого художника. *Plantanimal*, человеческий гибрид – это еще одно творческое доказательство пересеканности межвидовых границ. В обыкновенное декоративное растение Кац с помощью биотехнологов добавил свою ДНК и получил в результате растение с четким рисунком красных линий на цветке, напоминающим кровеносную систему. Как подчеркивает Гражина Гаевская, «Эдуния» противоречит распространенному мнению о том, что гибриды – это монстры и чудовища с пугающим, неприятным видом, ведь «Эдуния» – красивая. Как пишет Г. Гаевска, «Эдуния» – «это живой (в буквальном смысле) манифест преодоления иерархичной структуры бытия»¹³³. Данное «человекорастение» в очередной раз подчеркивает близость и родство человека со всеми живыми существами на планете.

Если Эдуардо Кац заставляет своих зрителей задуматься над местом человека и его технологическом воздействии на окружающий мир, Кэтрин Хай (*Kathryn High*) указывает нам на тех, кто страдает во имя нашего прогресса: на лабораторных животных. Она не создает очередного из них, а в рамках проекта био-арта *Embracing Animal* забирает из лабораторий три трансгенные крысы. В результате генетических манипуляций крысы болеют человеческими болезнями. Художник сопротивляется инструментальному обращению с животными в лабораториях: очеловеченные (посредством добавления человеческих генов и человеческих болезней) крысы получили имена Матильда, Тара и Стар (*Matilda, Tara, Star*), и пре-

¹³³ *Gajewska G.* Op. cit. S. 107.

вратились в личности, которым Хай создает максимально удобные условия на остаток их полной страданий жизни. Зрители могли наблюдать их как в галерее, так и в Интернете¹³⁴.

«Лаборатория полна жизни и смерти на разных уровнях»¹³⁵, – замечает М. Бакке. **И не только лаборатория, ведь мы сами убиваем** животных ради еды. Группа художников *The Tissue Culture and Art Project* создала проект *Disembodied Cuisine installation* (2003), в рамках которого мясо выращивалось из клеток лягушек, которых никто не убивал. Лягушки жили в аквариуме в галерее, в которой была создана маленькая лаборатория. В ней из полученных клеток выращивались небольшие куски тканей, из которых торжественно готовились небольшие стейки. Их кулинарная обработка и потребление также были частью художественного проекта. Еще одной целью стала критика лабораторных практик, в которых многие жертвы остаются неизвестными: ведь клетки лягушек выросли в питательной среде, полученной из организмов других животных. В результате насилие скрывается везде, а «смерть и убийство – это не вопрос выбора», – как замечает Донна Харавэй¹³⁶. Американская исследовательница считает, что к любому убийству мы должны подходить со всей ответственностью и имея на то достаточные причины. Животные, с точки зрения Д. Харавэй – это «значимые другие, с которыми мы остаемся в важных отношениях в несокращаемом мире воплощенных и переживаемых частичных различий, а не Другой, отделенный пропастью»¹³⁷.

Большинство художников, творящих в направлении био-арта, разделяет эту точку зрения. Через свои произведения они подчеркивают то, что объединяет нас с остальным живым миром, и эта близость и родство особенно четко прослеживаются в контексте новых биотехнологий, позволяющих нам перешагивать границы между видами и создавать новые формы жизни. Границы между видами – это прежде всего культурные конструкты. Лишь по стечению обстоятельств гены смешались таким, а не иным образом, и на свет появились такие, а не другие формы живого. Об этом и

¹³⁴ Kathy High. *Embracing Animal*. URL: <http://embracinganimal.com/> (дата обращения: 22.11.2016).

¹³⁵ Bakke M. *Bio art – sztuka in vivo i in vitro*.

¹³⁶ Haraway D. *When Species Meet*. P. 74.

¹³⁷ *Ibid.* P. 72.

напоминают нам художники био-арта, которые учат нас также ответственности и уважению к жизни – не только человеческой, но к жизни вообще, и которые задают много этических вопросов и в этом смысле дополняют деятельность биоэтиков.

Химеризация и гибридизация человека: проблемы этики

На приведенных выше примерах исторических и современных опытов и разработок в сфере гибридизации и химеризации человека и животного я показала, что тема гибридов и химер человека и животного уже несколько веков является привлекательной для ученых, у которых именно сейчас в руках оказались необходимые инструменты для ее осуществления.

Обобщая, можно говорить о нескольких уровнях исследований в области создания химер и гибридов человека и животного: это будут эксперименты на клетках и тканях, на эмбрионах и на зрелых организмах. Каждый из них ставит разные этические вопросы и вызовы. Самое большое влияние на изменение понятия человеческой природы в обществе имеют опыты на развивающихся эмбрионах и на зрелых организмах (как реальные, так и гипотетические). Среди них можно выделить: 1) **усовершенствование человека** при помощи генов животного, создание человека с «добавлением» материала животного, 2) добавление генов или органов человека животным, например, для проведения экспериментов или получения тканей организма с человеческими характеристиками, 3) создание гибридного организма, классификация которого будет неоднозначной.

И так как современная наука позволяет на практике создать «человекозверя», становится необходимым решить ряд этических вопросов и «подготовиться» к такому сценарию. Этические проблемы возникают на каждом этапе исследований в области создания «человекозверей», начиная с практического уровня, связанного с вопросами законодательства. Речь идет, прежде всего, об установлении границ экспериментов с гибридами и химерами. Какие цели подобных исследований мы можем допустить, а какие отвергнуть, учитывая, что границы не всегда легко обозначаемы?

Например, в случае «медицинской» цели речь может идти как о терапии, так и об «улучшениях». Добавление, например, способности к регенерации потерянных конечностей – это еще лечение или уже улучшение? Достижения в одной области могут привести к нежелательному прогрессу в другой, например, в военной отрасли.

Другая сфера проблем – это патентование результатов исследований. Биотехнологи работают с геномами, а те существуют во всей природе. Можно ли зарегистрировать патент на добавку, перенос или сокращение генов? Не будет ли это ограничением прав носителей этих генов (если речь пойдет о человеческих генах)? **М. Бек задумывается, является ли мышь с одним человеческим геном чем-то другим по сравнению с мышью, обладающей тысячами человеческих генов, достаточно ли один раз получить патент на такое животное или добавление еще одного гена будет рассматриваться как новое изобретение?**¹³⁸ Можно ли вообще патентовать гены, ведь они не являются изобретением, только открытием. Граница между применением генов и связанными с этим технологиями и тем, что является естественным достоянием каждого человека (и других живых организмов), не всегда достаточно четкая.

Патентование достижений в области биотехнологий может привести к монополизированию этой сферы, что может кардинальным образом повлиять на строй общества и качество жизни людей. **С этим напрямую связана проблема доступа и регламентации технологий в обществе.** Если они будут регулироваться соответственно принципам свободного рынка, это может вызвать глубокое и неотвратимое расслоение общества по социально-экономическому признаку – богатые будут биотехнологически «улучшаться» и получать еще больше шансов на социальный успех, в то время, когда бедные будут все больше отставать от них. Регламентация этих достижений государством, в свою очередь, угрожает развитием тоталитаризма, поскольку государство может создавать с помощью биотехнологии определенные группы с востребованными режимом качествами: солдат, рабочих и пр., либо менять все население в сторону, например, некой гражданско-политической пассивности.

Концентрация внимания общества на генетической составляющей может привести к злоупотреблениям на уровне защиты личной информации о геноме. Это серьезная проблема, которая, в

¹³⁸ Beck M. Op. cit. P. 40.

первую очередь, скажется на системе страхования в области здравоохранения и которая в итоге может стать почвой для дискриминации по генетическим признакам.

Еще одна сфера этических проблем связана с возникновением «человекозверья» – будь то человек со значительным добавлением генов или тканей животного, либо животное с таким же добавлением человеческого материала, или же появление неподдающегося однозначной классификации существа. Здесь на первый план выходят проблемы статуса такого существа, его «достоинства», которое М. Бек понимает как «защитное право неприкасаемости», его автономности, его свободы. Как повлияет его возникновение на общество также в философском и религиозном плане? Каков будет статус нового существа в обществе и как будет складываться его взаимодействие с окружением? Здесь, в зависимости от характеристик этого гибридного или химерного существа, существует множество возможных сценариев.

Последний тип этических проблем вписывается в широкое русло экспериментов с участием человека или человеческого материала. Как в случае технологий вспомогательной репродукции, так и здесь появляются не менее важные этические вопросы, касающиеся участия доноров яйцеклеток или сперматозоидов и генетического материала, а также использования человеческих эмбрионов или изъятых из них клеток.

Все эти проблемы требуют не только продуманного этического правового регулирования, но, прежде всего, единого глобального подхода: именно та ситуация, которую мы наблюдаем сейчас, т. е. частичное регулирование в отдельных государствах, приводит к миграции ученых и бесконтрольному проведению экспериментов.

ГЛАВА 3. ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Ниже я представлю несколько работ современных ученых и мыслителей – представителей разных научных дисциплин, идеи которых в определенной степени повлияли на мое исследование. Среди них есть как утверждения, с которыми я соглашаюсь, так и тезисы, которые, с моей точки зрения, следует оспорить. Это работы, поднимающие проблематику идентичности и природы человека, позиции человека в контексте развития биотехнологий, а также связанные с прогрессом биотехнологий этические и философские вопросы.

«Антропологическая машина» Дж. Агамбена в диалоге с М. Хайдеггером

Итальянский философ ввел термин «антропологическая машина», описывающий явление, издавна присутствующее в рефлексии над человеком. В своём труде «Открытость. Человек и животное» Джорджо Агамбен создает концепцию механизма, который определяет границу между человеком и животным и который становится инструментом определения человеческого в месте разделения животного и неживотного (социального, сакрального и т. д.). **«Человек в нашей культуре всегда был результатом разделения и в то же время сочленения животного и человеческого»**¹³⁹.

¹³⁹ Агамбен Дж. Открытое / Пер. с итал. и нем. Б.М. Скуратова. М., 2012. С. 108.

Антропологическая машина работает внутри нас, там, где происходит интуитивное разделение, сиюминутное решение, что является человеческим, а что – нет. Это разделение меняется, как замечает Агамбен, во времени. Для итальянского философа главное, однако, это исследование человека в момент разделения и новый взгляд на него: «В нашей культуре человек всегда мыслился как разделение и объединение тела и души, живого существа и *logos*'а, природного (или животного) и сверхъестественного, социального или божественного элемента. Наоборот, мы должны учиться мыслить человека как результат разъятия двух этих элементов и исследовать не метафизическую тайну их объединения, а практическую и политическую тайну их разделения»¹⁴⁰. Агамбен считает, что граница между человеком и животным проходит внутри человека и наше человечество – это эффект разлучения этих двух начал.

Это разлучение является заново сделанным выбором, новым решением, новым взглядом и новой интуицией в отсеивании того, что животное, от того, что человеческое. Тем самым Агамбен показывает, что природа человека не является чем-то статическим.

Агамбен во многом опирается на философию Мартина Хайдеггера, который противопоставил человека животному, когда писал, что человек мирообразующий (*weltbildend*), а животное – скудомиренное (*weltarm*). Итальянский философ замечает, что для Хайдеггера термин «*humanitas* предстает чем-то неуловимым и отсутствующим, по сути *подвешенным* между «не-возможностью-остаться-животным» и «не-возможностью-с-животным-состоянием-расстаться»¹⁴¹. Одновременно мир животного убог по отношению к миру человека. Человек действует и формирует, изменяет свой мир, в то время как животное действует весьма ограниченно. «Эта *открытость без раскрытия* как раз и характеризует бедность мира животного по сравнению с человеком, формирующим мир»¹⁴². Агамбен продолжает толкование хайдеггеровских терминов: «Животное в одно и то же время раскрыто и не раскрыто, или, точнее, оно ни то и ни другое: *открыто в не-раскрытии*, что, с одной стороны, его оупляет и бросает с невиданной силой в его животный мир, но с другой – держит его таким образом связанным и

¹⁴⁰ Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 26.

¹⁴¹ Там же. С. 31.

¹⁴² Там же. С. 34.

включенным, оставляя эту связующую его силу для него сокрытой. Похоже, что Хайдеггер здесь колеблется между двумя полюсами, несколько напоминающими парадоксы мистического сознания, или, скорее, мистического незнания»¹⁴³. Далее Агамбен разъясняет понятие антропогенеза у Хайдеггера и начинает с определения ситуации отсутствия возможности в мире животных: «Пребывая в отупении, животное находится в непосредственном отношении со своей средой, выставленное и забывшееся в ней, так что оно никогда не может быть раскрыто как таковое. Животное не способно именно что приостановить и нейтрализовать свое отношение со специфической средой окружения. Мир животного таков, что в нем невозможна такая вещь, как чистая возможность. Глубинная тоска в таком случае выступает в качестве метафизического оператора, с помощью которого осуществляется переход от обделенности миром собственно к миру, от животной среды к человеческому миру: здесь речь идет ни больше, ни меньше как об антропогенезе, о становлении живым человеком, *Da-sein*'ом»¹⁴⁴. Отсюда Агамбен выводит четкое хайдеггеровское определение человека, учитывая при этом важный для Хайдеггера термин «глубинной тоски»: «*Dasein* – это всего лишь животное, которое научилось впадать в тоску, которое пробуждается *от* своего бессознательного бытия и *для* своего бессознательного бытия. Пробуждение живого навстречу своему бессознательному бытию, раскрытие – тревожное и решительное – навстречу нераскрытому – все это и есть человек»¹⁴⁵.

Для самого Агамбена животное определяется через свое бытие вне всего, через игносценцию, под которой философ понимает оставление вне бытия. «Животное не ведает ни сущего, ни несущего, ни раскрытости, ни сокрытости, оно вне бытия, оно во внешнем, которое еще более внешне, чем любая открытость, и оно во внутреннем, чья глубина еще глубже, чем любое потаенное. Дать бытие животному – покинуть животное – будет тогда означать: оставить его быть вне бытия. Область не-знания, или игносценции, о которой здесь идет речь, находится по ту сторону как знания, так и незнания, как раскрытия, так и сокрытия, как бытия, так и ничто. Но то, что таким образом оставлено быть вне бытия,

¹⁴³ Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. С. 36.

¹⁴⁴ Там же. С. 40.

¹⁴⁵ Там же. С. 42.

отнодью не существует. Оно есть нечто существующее, нечто реальное, преодолевшее различие бытия и сущего»¹⁴⁶. Человек для Агамбена является разделением и сочленением человеческого и животного в человеке. Можно сказать, что это динамическое понятие, вновь и вновь требующее подтверждения. «В нашей культуре человек <...> всегда являлся результатом разделения и в то же время сочленения животного и человека, где один из двух терминов этой операции всегда оказывался под вопросом. Приостановить работу машины, управляющей нашим пониманием человека, означает, следовательно, уже не искать новые – более продуктивные или более истинные – точки сочленения, но скорее продемонстрировать ту исходную пустоту, то зияние, которое разделяет – в человеке – человека и животное, отважиться войти в него: цезура цезуры, *Shabbat* как животного, так и человека»¹⁴⁷.

«Антропологическая машина» Агамбена веками присутствует в философии и культуре (и становится также важной частью данного исследования). Вехи функционирования антропологической машины определила Й. Беднарек¹⁴⁸, начиная с того, что одна из важнейших догматических основ западной культуры, Библия, представляет человека как созданного «по образу и подобию Божьему». Человек, хотя его, так же как и животного, касаются все физиологические процессы, создан по образу Бога. Таким способом человек оказывается выше животных, его доминирование над ними санкционировано Богом, можно даже сказать, что человек (помимо биологической принадлежности к животному миру) является существенно отличным от животных созданием, заместником Бога на Земле.

Построенная на категории разума онтология Аристотеля – это следующий пример действия «антропологической машины», где человек опять ставит себя выше животных, включая, однако, в свою природу их свойства. Человек обладает не только вегетативной (как растения) и животной душой, но также душой разумной, что приближает его к божественному, чистому разуму. Таким образом, человек – это не столько что-то существенно другое, чем животные, сколько что-то совершеннее их.

¹⁴⁶ Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное. С. 45.

¹⁴⁷ Там же. С. 46.

¹⁴⁸ Bednarek J. Maszyna antropologiczna – instrukcja demontażu. URL: <http://nowakrytyka.pl/spip.php?article435> (дата обращения: 20.07.2016).

Следующим весомым проявлением действия «антропологической машины» для Беднарек является философия Фомы Аквинского. Его переосмысление концепции Аристотеля привело к утверждению, что человек – это и душа, и тело, которое восстанет из мертвых совершенным, лишенным своих физиологических функций. Поэтому животные не будут больше нужны человеку и не попадут в рай. Их присутствие в Эдеме Фома Аквинский объяснял тем, что тогда они были инструментом познания для первых людей. «Это является прообразом животных и природы вообще, как ресурса и пространства для развития человеческой жажды знания в рамках современной светской интеллектуальной формации»¹⁴⁹. Для новых времен типичным является подход, созданный Декартом, который в животных видел лишь самодвижущиеся автоматы.

Привычное представление о некоем идеальном «животном», которому противопоставляется человек, не кажется убедительным. Животные – это множество видов и множество индивидов. Хайдеггер приводит пример мотылька, летящего на пламя, и на его основе ведет размышления о бытии животного в окружающей его среде. Однако по-разному ведут себя, например, мотылек, собака и дельфин. Мир животных настолько разнообразен и богат, что говорить о каком-то общем, идеальном «животном» как простой оппозиции к идеальному «человеку» представляется некорректным. Дистанция между человеком и животным варьируется в зависимости от того, какое животное мы берем за пример. Степень взаимодействия с окружающим миром будет разной у жука, тигра и шимпанзе. Соответственно, также и дистанция между человеком, «формирующим свой мир», и животным (конкретным видом или особью) будет то расти, то сокращаться. Разница между человеком и животным будет тогда более флюктуативной, более гибкой, чем предполагали Хайдеггер и Агамбен.

¹⁴⁹ *Bednarek J. Maszyna antropologiczna – instrukcja demontażu.*

Человек через призму «био-власти» эпохи биотехнологий в анализе П.Д. Тищенко

В основе анализа П.Д. Тищенко лежит термин М. Фуко «био-власть», означающий способ управления социальными группами и индивидами в рамках «биополитики», когда власть захватывает компетенции самой жизни, т. е. в значительной степени решает вопросы о начале и конце жизни граждан, их численности, лечении и т. п. **Однако, как подчеркивает Тищенко, его исследования не являются развитием идей Фуко или полемикой с ним.** Заимствованный термин применяется для анализа совершенно других культурных и исторических условий. Методы, которыми пользуется автор, входят в исследовательский ареал культурной антропологии. Тищенко предоставляет голос профанам, «людям с улицы», врачам и пациентам, а также артефактам, предметам (поп-)культуры, неожиданным свидетельствам из повседневной жизни. Рекламные брошюры, учебники по анатомии, городская архитектура и «медицинский фольклор» являются источниками знания. «В эпоху биотехнологий формируется ситуация, для которой характерно отсутствие единственного “духовного центра”, единого легитимного сословия всеобщего. Философия, религия, наука, медицина, практическая мудрость “людей с улицы” – оказываются равноправны и в равной степени (хотя в разном отношении) ответственны за разрешение проблем жизни и смерти, которые возникают в острейших биоэтических ситуациях. <...> Неустранимое многообразие ценностных ориентаций и путей постижения идеи истины и блага является основополагающим фактором культуры начала XXI века и важнейшим основанием биоэтики»¹⁵⁰.

Тищенко вводит термин «антропопозэз», который, в отличие от традиционного термина антропогенез, открывает «возможность интерпретации человека как своеобразного «артефакта» или «произведения» культуры»¹⁵¹. Речь идет о том, что с момента рождения (а учитывая новейшие техники репродукции, иногда еще до момента зачатия) человек становится объектом медицинских (в широком понимании) манипуляций, которые имеют целью его

¹⁵⁰ Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. С. 76.

¹⁵¹ Там же. Примеч. 18. С. 36.

приближение к действующему идеалу. «Биомедицина как некий обобщенный субъект изобретает и изготавливает человека из сырого природного материала, как папа Карло выстругивал Буратино из полена»¹⁵². В результате, по мнению П.Д. Тищенко, человеческое тело становится производением культуры. С моей точки зрения важно, что человек у Тищенко – это существо более «природное», которое становится «культурным» под влиянием внешних факторов. Детерминирующую роль здесь играет занимающая все более доминирующие позиции медицина и забота о себе: «В той или иной степени каждый из нас вступает в каждодневном существовании в качестве мастера, постоянно занятого “приведением себя в порядок” – самоизготовлением в соответствии с господствующими в обществе нормами»¹⁵³. Современный человек, по мнению Тищенко, не осознав этого, заботится о самом себе как о вещи, которая должна соответствовать определенным нормам. Человек, проявляющий заботу о себе, выступает одновременно в качестве «врача» и «пациента» для самого себя, т. е. активного и пассивного субъекта. «Био-власть осуществляется через контролируемый биомедициной “режим истины” идентичности человека – своеобразного смысла “собственно-человеческого в человеке”. Знание этого смысла – сила, начало могущества знающего и одновременно обоснование подчиненного, а поэтому необходимо зависимого – пациента»¹⁵⁴. Тем временем все медицинские, косметологические и тем более генетические манипуляции, которым подвергается человек, ведут к производству человеческого тела, «которое в результате становится производением культуры – артефактом»¹⁵⁵.

В то же время «нормальный человек» как таковой не существует реально. Мы можем найти его в учебнике по анатомии, в рекламе косметологических клиник, но не найдем его в толпе на улице. Это полностью здоровый, молодой, красивый белый мужчина. Старцы, дети, женщины и представители других рас, а также люди с психическими или физическими ограничениями не являются «нормальными», полноценными с точки зрения общества, людьми (слово «инвалид» как раз и это означает: негодный, неполноценный).

¹⁵² *Тищенко П.Д.* Био-власть в эпоху биотехнологий. С. 76.

¹⁵³ Там же. С. 39.

¹⁵⁴ Там же. С. 41.

¹⁵⁵ Там же. С. 37.

Эпоха биотехнологии характеризуется, по мнению П.Д. Тищенко, особым подходом человека к себе самому, «заботой о себе» в степени, не существовавшей раньше.

В интерпретации позиции человека в эпоху био-власти, которую предлагает П.Д. Тищенко, человек постепенно отдаляется от природы – от того, что для него естественно, в направлении культуры – того, что искусственно. Культуры, которая захватила не только дух, но и биологию человека, его тело, которое превратилось в объект. Субъектом, исполняющим разного рода манипуляции над ним, может быть как владелец тела (в качестве активного «мастера»), так и посторонние, которые приобрели соответствующие функции: в таком случае человек становится пассивным «пациентом». Однако в контексте развития биотехнологий человеческая биология понимается как ценность: «Угроза потери генетической границы, отделяющей мир человека от окружающей природы, вызывает к жизни особого рода заботу о сохранении или спасении человеческой биоидентичности как формы мы-идентичности»¹⁵⁶. Из этого можно вывести, что изменение человеческого генома (как части биоидентичности) может привести к потере «собственно человеческого в человеке».

Б.Г. Юдин: Пограничные зоны существования человека

Б.Г. Юдин рассматривает человека как объект, на который воздействуют технологии, и выделяет четыре пограничные зоны существования человека. Речь идет о размывании с помощью технологии статуса человека в определенных ситуациях, как естественных (рождение, смерть), так и созданных технологическим прогрессом (гибридизация). «По мере того как мы приближаемся к какой-либо из таких пограничных зон, так сказать, изнутри, у нас становится все меньше оснований с определенностью утверждать, что мы все еще имеем дело с человеком. А когда мы пересекаем внешнюю границу этой зоны, то получаем право уверенно утверждать, что “это” – уже не человек. Находясь же внутри пограничной зоны,

¹⁵⁶ Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. С. 103.

мы лишены четких ориентиров, позволяющих однозначно решать, имеем ли мы дело с человеком или нет. С этой точки зрения можно говорить о пограничных зонах как о зонах неопределенности»¹⁵⁷.

Модель, которую представляет Б.Г. Юдин, имеет много общего с обрядами перехода (*rites de passage*), которые описал и систематизировал известный французский этнолог Арнольд ван Геннеп¹⁵⁸. Обряды перехода касаются изменения социального статуса индивида и проходят во всех обществах: это и инициация мальчиков, и обряд бракосочетания, и проводы в армию, и похороны. Любое изменение социального статуса сопровождается обрядом, состоящим из трех фаз: отделения (прелиминарной), промежуточной (лиминарной) и включения (постлиминарной). Среднюю фазу можно назвать также маргинальной, поскольку находящийся в ней индивид находится на маргине своего общества, он и внутри и вне одновременно. То же самое случается с человеком внутри пограничной зоны, о которой пишет Юдин как о сфере неопределенности, о маргинальной сфере, в которой подвешены все критерии того, что является человеческим.

Четыре пограничные зоны существования человека по Юдину, это – 1) между жизнью и смертью, 2) до рождения, 3) между человеком и животным, 4) между человеком и машиной. Третья и четвертая зона могут как разделять, так и соединять два вида. Поскольку Юдин анализирует эти состояния с точки зрения вмешательства технологии в жизненные процессы и циклы, то в первой зоне он имеет в виду не, например, неизлечимые болезни как способ функционирования между разными состояниями, а обеспеченное технологиями (например, аппаратом «сердце-легкие») поддержание жизненных процессов в теле человека с установленной смертью мозга, либо же останавливание этих процессов для проведения хирургических операции (например, аортокоронарного шунтирования). Вторая зона касается технологий вспомогательной репродукции и того, что зачатие и развитие плода, до недавнего времени скрытые от наших глаз, сейчас раскрылись и стали объектом наблюдения и манипуляции. Как подчеркивает Юдин, технологические действия проводятся еще до момента

¹⁵⁷ Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // *Вопр. соц. теории*. 2011. Т. V. С. 106.

¹⁵⁸ Геннеп, ван А. Обряды перехода. М., 1999.

слияния гамет, т. е. даже условного появления нового человеческого существа. Возможным стало также получение эмбриональных стволовых клеток из эмбриона, находящегося в пограничной зоне существования. Третья пограничная зона, с точки зрения данной книги, самая интересная, это существование между человеком и животным: Юдин указывает и на лабораторных гибридов, и на пациентов ксенотрансплантации, и на воображенных «параллодей». В четвертой зоне – между человеком и машиной – находятся киборги: люди, усовершенствованные с помощью технологии.

Попадание человека в эти зоны, что является новой технологической и социальной ситуацией, влечет за собой также новые этические проблемы и риски¹⁵⁹. Они связаны как с новаторством и непривычностью технологии, так и с неопределенностью статуса человека (или не-человека) в пограничных зонах. Но Юдин указывает на еще один существенный аспект: «На первых стадиях идет поиск терапевтических возможностей, но затем, по мере совершенствования технологий, люди начинают задумываться и о задачах улучшения, уже не излечения человека, а именно его улучшения. Это уже задачи неоевгенического характера: усовершенствование и физических, и интеллектуальных способностей человека»¹⁶⁰. Российский биоэтик критически относится к этим стремлениям и, хотя сам признает, что природа человека неоднозначна и практически не поддается определению, считает, что биотехнологии требуют от нас заново определить нашу природу и ее границы.

«Искусственный человек» в исследовании М. Радковской-Валькович

Вопрос о «природе человека» можно также рассматривать в контексте сопоставления гибридизации на границы природы («человекозвери») и техники (киборги). Для такого анализа особую ценность представляет исследование польского антрополога М. Радковской-Валькович *«Od Golema do Terminatora»*.

¹⁵⁹ Об этом также в: Юдин Б.Г. Человек как объект технологических воздействий // Человек. 2011. № 3. С. 5–20.

¹⁶⁰ Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий. С. 117.

Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze) («От Голема к Терминатору. Представления искусственного человека в культуре»). Автор объясняет, чем обусловлено широкое распространение фигуры искусственного человека в разных культурах и временах: это диалог, а в некоторых случаях даже сопротивление Богу-Творцу; это вхождение в роль Творца; желание спасти или улучшить мир, а также стремление к власти и созданию новых подчиненных. Все это мы можем отнести также к вопросу создания гибридов и химер человека и животного.

«Искусственный человек» это – робот, андроид и киборг. Термин «робот» был придуман в 1922 г. чешским писателем Карелом Чапеком. Слово, связанное с присущим всем славянским языкам глаголом «работать». Роботы необязательно должны внешне напоминать людей, однако в них проявляются человеческие черты. Андроид – термин из греческого языка: *andrós* – «мужчина» и *eidós* – «образ». Означает человекоподобного робота, внешне настолько похожего на человека, что его практически нельзя отличить. Киборг (от английского *cybernetic organism*) – это гибрид человека и машины, у которого есть как естественные, так и искусственные органы.

Киборгом называется человек, тело которого усовершенствовано сложными техническими имплантатами. Примеров таких киборгов уже множество: это как пациенты, которые прошли экспериментальные формы терапии (интерфейс «мозг-компьютер», импланты слуха, зрения и т. д.), так и ученые, художники и активисты, желающие испытать что-то предельно новое (внедрение в тело камер, микрочипов, магнитов и т. д.). В этом нет ничего принципиально нового – люди всегда «исправляли» и «совершенствовали» свое тело с помощью внешней материи: пирсинг, татуировки, а также медицинские импланты являются предшественниками киборгизации человека. Ш. Грайнер подчеркивает гармонию развития человека и технологии, лишённую дуализма христианской, а прежде всего кантовской философии: «Мы разделяем нашу идентичность с окружающим миром, природой. Как киборги, мы – это “только” подсистема большей системы, – нашей планеты и Вселенной, выступающих в качестве целого. <...> Один из самых больших вызовов, стоящих сейчас перед этикой – это смена способа мышления в восприятии человека в качестве киборга – созда-

ние новых этических критериев для будущего, в котором киборги будут играть главную роль, где люди не будут рассматриваться как независимые биологические существа, но как существа, которые разделяют власть и ответственность с различными другими субъектами»¹⁶¹. Это еще один голос в русле постгуманизма, в котором человек не является изолированной сущностью, а наоборот, его «природа» тесно сплетена с окружением.

Представленный в текстах культуры искусственный человек, в отличие от «человекозверя», почти всегда является результатом действий человека. В большинстве зафиксированных в культуре случаев человеком-творцом движут нехорошие мотивы. Именно поэтому создание превращается в разрушительную силу, которая уничтожает своего создателя и мир вокруг себя. Искусственный человек, которого исследовала Радковска-Валькович, – это, прежде всего, опасность для настоящего человека. Однако там, где заканчивается магия и начинается наука, человек в своих попытках достичь (или даже превзойти) Бога лелеет надежду стать совершенным Творцом (поскольку сам не является совершенным Творением): «продукты технологии <...> должны быть совершеннее своих творцов – в противоположность божьему творению. Мы не хотим верить, что наше создание неполноценное. Мы предпочитаем себя обманывать»¹⁶². Это частично объясняет энтузиазм, который сопровождает новейшие достижения техники, а также движение трансгуманистов¹⁶³ – говоря о грядущих возможностях «улучшения» человечества, трансгуманисты в неким смысле возвышают настоящее человечество и его творческие возможности.

¹⁶¹ Интервью с Ш. Грайнером «Cyborgi, technologia i człowiek przyszłości». URL: <http://www.cafebabel.pl/lifestyle/artykul/cyborgi-technologia-i-czowiek-przyszosci.html> (дата обращения: 26.12.2016).

¹⁶² *Radkowska-Walkowicz M.* Op. cit. S. 84.

¹⁶³ Трансгуманисты и их сторонники постулируют стремление к продлению жизни вплоть до бессмертия, повышению качества жизни и развитию человеческих способностей посредством технологий. Развивая идеи, которые возникли еще в XIX в. (напр., философа Николая Федорова) и в XX в. (напр., биолога Джулиана Хаксли) на пороге XXI в. была создана «Всемирная трансгуманистическая ассоциация» (World Transhumanist Association), которая в 2008 г. была переименована в “Humanity Plus”. В России идеи трансгуманизма представляет Российское трансгуманистическое движение, а также созданное в 2011 г. и активно развивающееся Стратегическое общественное движение «Россия 2045». Уже в начале 2012 г. оно организовало международный кон-

Мир искусственных людей издавна привлекал философов, например, Декарта, Лейбница или Офре де Ламетри. Философская концепция человека-машины уходит корнями во времена Декарта, который первый сравнил человеческое тело с машиной. В XX столетии, как замечает Радковска-Валькович, данное сравнение обрело другой смысл: человек-автомат – это человек дефектный, которому не хватает эмоциональности и индивидуализма. Однако на пороге XXI в. декартовское сравнение приобретает новый оттенок и его оценка опять меняется: «Сегодня, в эпоху развитой бионики, протезирования, генной инженерии, нанотехнологий, а в итоге также и прогресса робототехники, фигура искусственного человека приобретает новые значения: возникает, среди прочих, киборг, гибрид живого организма и машины, а возможности пластической хирургии становятся причиной того, что человек уверен, что может менять свою внешность вопреки воле природы и может формировать ее по своему усмотрению»¹⁶⁴.

Человеческое тело является первой крепостью, охраняющей суть человечности. Во-первых, оно не является нашей собственностью. Как в индивидуальном, так и в групповом смысле оно нам «дано». Человека создал Бог или сила природы: в первом случае менять что-нибудь в теле является грехом, во втором – это действие, нарушающее естественный порядок. На индивидуальном уровне каждый человек является результатом слепого процесса смешивания генов – в таком случае вмешательство в организм можно оценивать как корректировку, направленную на исправление шалостей природы. С телом человека – как живого, так и мертвого – связано много табу, поэтому любое вмешательство, выходящее за рамки простого лечения, порождает столь сильную эмоциональную реакцию в любом обществе. Киборги и андроиды чаще всего служат или карикатурой на человека, или же его усовершенствованием, а их внешность отсылает нас к психическим и эмоциональным качествам, присущим человеку.

гресс “Global Future 2045”. Трансгуманизм, который позиционируется как новая идеология гуманизма, базирующая на понятии человеческого достоинства и стремлении к самосовершенствованию человека с учетом новейших био-, нано- и инфотехнологий, вызывает множество споров, а также практических и этических сомнений. Первые основываются на несовершенстве новейших технологий, вторые опасаются необратимых изменений в человеческой природе.

¹⁶⁴ Radkowska-Walkowicz M. Op. cit. S. 25.

Киборги часто рассматриваются как чистый мозг-интеллект, как мысль, отлученная от чувств. Как результат науки и технологии, они принимают те черты, которые приписываются именно этим сферам человеческой жизни – холодный объективизм и стерильность. Человек же при таком сравнении, наоборот, отличается эмоциональностью, спонтанностью и чувствительностью. Все это отражается на человеческом лице. Лицо киборгов – это маска, которая больше скрывает, чем отображает. Движение лица киборга – это симптом дефекта механизма. Как подытоживает Радковска-Валькович, человек опасается того, что «под лицом андроида может скрываться ужасное Ничто»¹⁶⁵. Лицо – это также книга, в которой записана история данного человека, его индивидуальность и биография. Именно этого не хватает «искусственным людям». Они не имеют ни истории рода, ни своей индивидуальной истории, не имеют предков. Не имея истории, они не имеют памяти, что делает их психику недостаточно глубокой по сравнению с психикой человека. Все это лишь в ограниченной степени касается гибридов и химер человека и животного. Созданные из живой ткани и ДНК (настоящей «нити жизни», которая в течение нескольких десятилетий приобрела огромный вес, значение и символику в мировом обществе), «человекозвери» имеют предков, хотя не имеют родовой истории. Их биологические предки, человек и животное, отсылают к реальным существам, а в символическом плане напоминают о тотемах как генеалогии, ищущей общего животного предка, обладающего ценными для человека чертами.

Также и остальные части тела несут в себе определенную символику и значения. Одна из важнейших – это кровь: символ жизни вообще. Кровь течет также в венах животных, перекачивается через сердце – еще один символ. У искусственных людей нет ни того, ни другого. Отсутствие крови символическим способом отрицает жизнь андроидов, а отсутствие сердца – их возможность чувствовать. В то же время витальность и эмоциональность (хотя бы на инстинктивном уровне) не поддается отрицанию по отношению к животным.

Искусственное тело андроида или человекоподобного робота, хотя и выглядит как человеческое, является его отрицанием. Его не касаются ни физиология, ни процессы старения, но искусствен-

¹⁶⁵ *Radkowska-Walkowicz M.* Op. cit. S. 112.

ный человек лишен также и привлекательных сторон телесности: «он не принимает участия в осознании мира, его познании, переживании и наслаждении им»¹⁶⁶. Искусственные люди не рождаются и не умирают так, как мы. Из этого следует онтологическое отчуждение. Андроиды одновременно живут в нашем мире и в мире параллельном, поскольку законы природы не действуют на них. Андроид – это «творение, противоположное природе»¹⁶⁷, – пишет Радковска-Валькович, а я добавлю, что «человекозвери», наоборот, происходят прямо из мира природы. Радковска-Валькович подчеркивает, что искусственные люди в текстах культуры обычно населяют мир будущего и (или) мир после катастрофы, где природа погибла, а ее место заняла технология. В контексте мнений о том, что искусственный человек является образом нас самих, его присутствие в стерильном, сверхтехнологическом будущем – это материализация наших настоящих опасений, связанных с технологическим прогрессом и последовательным разрушением экосистемы.

В триаде «человек-андроид-животное» киборги и андроиды, «искусственные люди», имеют общее с человеком, прежде всего, способность к логическому мышлению и целеустремленность, в то время как общим для человека и «человекозверей» являются физиология и витальность. Человек, по сравнению со своими гибридами, является чем-то вроде «золотой середины», человек умеет подчинить физиологию и инстинкты разуму и мысли, однако способен также на эмоциональность и спонтанность.

Возникает вопрос о неотличимости человека от своих гибридов. В случае киборгов она будет внешней, а в случае гибридов и химер человека и животного это будет неотличимость на уровне ДНК – т. е. **внутренняя**. **В нить ДНК могут быть настолько тесно вплетены гены разных биологических видов, что невозможно сказать, где в данном индивиду заканчивается человеческое, и где начинается животное**. М. Бек задает онтологический вопрос: «Сколько человеческих частей может в себе носить животное, чтобы оставаться животным и сколько животных клеток или органов может носить человек, чтобы оставаться человеком»¹⁶⁸. В подобном духе рассуждает Дж. Тарни: «Прикладная биология угрожает

¹⁶⁶ Radkowska-Walkowicz M. Op. cit. S. 309.

¹⁶⁷ Ibid.

¹⁶⁸ Beck M. Op. cit. S. 93.

размыть границы между категориями. Покажите мне кого-нибудь с кардиостимулятором, и я без труда скажу, которая из частей – человек, а которая – машина. Покажите мне овцу, у которой гены поменяли таким образом, что она с молоком выделяет человеческий белок, и я буду в гораздо меньшей степени уверен, которая часть – человеческая, а которая – овечья»¹⁶⁹. В большинстве проанализированных Радковской-Валькович текстов культуры, описывающих искусственного человека, присутствует страх перед этой «неотличимостью» человека и андроида. Этот страх и служит двигателем в поисках сути «человеческого» и истины о человеке.

По отношению как к киборгам, так и к «человекозверям» проблемой является классификация и вытекающие из нее моральные и правовые рамки. В нашем мире статус животных все еще приравнивается к статусу вещей, и можно полагать, что и статус андроидов не будет сильно отличаться от статуса машин. Отношение человека-создателя к своим созданиям – это, прежде всего, отношения власти и подчинения. (Также, как и аналогичные отношения отец-сын или бог-человек, являющиеся его вариациями.)

Искусственные люди и «человекозвери» часто бывают смертны. Поскольку биологический материал подвержен смерти, умирать будут научно выведенные киборги и гибриды человека и животного. Роботы и андроиды, в свою очередь, подвергаются «разрушению». На это указывает Радковска-Валькович, когда постулирует расширение типичного для людей страха перед смертью на человекоподобные существа: «Современные андроиды, созданные, чтобы протестировать нашу человечность, разделяют с нами важнейший страх, однако, не имеют выработанных в культуре способов его уменьшить, ведь у них нет мифов, института “плачек”, нет веры в небо и Судный день, их души не вернуться в тела следующих поколений и они не смогут показаться внукам в качестве тотемных предков. Их драма кажется даже большей, чем драма смертного человека»¹⁷⁰. Страх и чувство приближающейся смерти свойственны также животным¹⁷¹, а многие виды имеют свои способы обращения с мертвыми товарищами, которые можно

¹⁶⁹ Turney J. Op. cit. S. 25.

¹⁷⁰ Radkowska-Walkowicz M. Op. cit. S. 178.

¹⁷¹ Об этом пишет, например: Вааль, де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М., 2014.

даже назвать своего рода ритуалами («кладбища» слонов, траур у шимпанзе и т. п.). А ведь именно ритуализация смерти считается одним из феноменов, определяющих «человеческое».

Другим таким феноменом является смех. Разные подходы к нему составляют ось интриги романа «Имя розы» Умберто Эко – не только писателя, но и специалиста по семиотике и философии средних веков. Один из персонажей книги, бенедиктинец Хорхе, говорит: «Смех сотрясает тело, искажает лицо и уподобляет человека обезьяне», на что ему отвечает францисканец Вильгельм: «Обезьяны не смеются, смех присущ одному человеку, это признак его разумности». «Смех отличает нас от машин и животных. Андроиды – чаще всего очень серьезные», – констатирует Радковска-Валькович. И добавляет: «В смехе мы находим нашу человечность и нашу свободу»¹⁷². И здесь в очередной раз оказывается, что это ложный критерий человечности. Также животные смеются, хотя из-за разницы во внешности и мимике речь не идет о «гримасе» и «искажении лица», а о психологическо-эмоциональном состоянии. Животные не только радуются, они также играют и шутят¹⁷³.

Однако главное отличие между людьми и человекоподобными машинами польский этнолог видит в другом. Парадоксально, но именно наше несовершенство делает нас людьми. В противоположность совершенным андроидам люди ведут себя нерационально, делают ошибки и сворачивают с выбранного пути. Андроиды и роботы создаются с четко определенной целью, их существование связано с решением конкретной задачи, они – запрограммированы. Человек по сравнению с ними хаотичен, непредсказуем и медлителен на пути к своей цели. **К тому же его цели периодически меняются**, в то время как цели роботов остаются теми же.

Задачей большинства текстов культуры про «искусственных людей» – убедить нас в чувстве нашей (человеческой) исключительности и подчеркнуть нашу идентичность. Однако есть и другое направление: человечество не зависит от того, откуда мы взялись, и кто был нашими родителями, но от того, как мы поступаем в нашей жизни. Согласно такой трактовке, путь к человечеству открыт также для «искусственных людей».

¹⁷² Radkowska-Walkowicz M. Op. cit. S. 193.

¹⁷³ Об этом можно почитать у этологов, например: Хэйр Б., Вудс В. Почему собаки гораздо умнее, чем вы думаете. СПб., 2014; Вааль, де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М., 2014 и др.

Ф. Фукуяма и «фактор икс»

Ф. Фукуяма, американский философ и политолог, рассматривает футурологическую книгу О. Хаксли «О дивный новый мир», в котором представлен мир без смерти и болезней, где люди счастливы и здоровы. Все это благодаря «биотехнологиям», таким, как фармакологические средства, приносящие счастье, или имитированные положительные переживания и возможность воспроизводить людей вне организма матери. В этом мире зло не очевидно, хотя читатель не сомневается в том, что этот мир – ужасный. Ф. Фукуяма сопоставляет эту антиутопическую книгу с современными достижениями в области биотехнологий и констатирует (как и многие другие), что главная опасность для современного человека – это потеря собственной природы. В своей книге «Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции» Ф. Фукуяма ищет ответ на вопрос, что это такое: человеческая природа?

Для разъяснения этого термина Ф. Фукуяма пользуется следующим определением: «природа человека есть сумма поведения и свойств, типичных для человека как вида и возникающих из генетических, а не энvironmentальных факторов»¹⁷⁴. Польский философ М. Клиновски не соглашается с подходом, при котором природа человека основывается на его генах. «Уже на первый взгляд кажется, что установленные на основе научных исследований характеристики, составляющие человеческую уникальность, имеют некое общее свойство, которое опровергает их связь с ДНК в качестве их основы. Потому что любая из этих характеристик, будь то сознание или моральный инстинкт, ведущих к специфическим для человека комплексам поведений, имеет функциональный характер. Правда, они базируются на определенной биологической основе, но в большой степени независимы от нее»¹⁷⁵.

В качестве свойства, уникального для человека как вида, Фукуяма выделяет, прежде всего, умение познавать и накапливать новые знания. Важную роль в этом играет язык, способность усваивать который, несмотря на существование разных реальных

¹⁷⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2008. С. 187.

¹⁷⁵ Klinowski M. Współczesne spojrzenie na naturę ludzką. S. 475–480.

языков, является универсальным свойством человеческого мозга. В мозге также заложены, как утверждает Фукуяма, «врожденные видоспецифические формы познания и видоспецифические эмоциональные отклики на познание», что подтверждало бы существование моральных универсалий.

Фукуяма замечает, что «большой объем работы, проведенный в этологии животных за последнее пятьдесят лет, несколько размыл отчетливую границу, которая когда-то отделяла человека от прочего животного мира. ... Многие из свойств, которые когда-то считались присущими только человеку – в том числе язык, культура, разум, сознание и так далее, – теперь рассматриваются как свойства целого ряда других животных»¹⁷⁶. Фукуяма полемизирует здесь с П. Сингером и его понятием видового шовинизма. По мнению американского философа, мы признаем права животных, базируясь на наших эмпирических наблюдениях относительно их видовой природы. В то же время существует ряд прав, которые не могут быть им присвоены, поскольку «они не люди». Фукуяма убеждает, что видовой шовинизм – это «не обязательно невежественный и эгоистический предрассудок со стороны людей, но мнение о человеческом достоинстве, которое можно подкрепить эмпирически обоснованными взглядами на особое место человека»¹⁷⁷. Понятие «человеческого достоинства», как замечает и сам Фукуяма, употребляется в различных (этических, политических и пр.) дебатах очень часто, при этом оно с трудом поддается определению и объяснению. Чтобы избежать недоразумений, он предлагает вместо термина «достоинство человека» употреблять термин «фактор икс», под которым подразумевает «некое важное человеческое качество, достойное некоего минимального уровня уважения». Как замечает философ, для христиан источником «фактора икс» является то, что человек создан по образу Бога. Кроме религиозного обоснования, существуют также светские попытки подтверждения существования «фактора икс» (т. е. достоинства человека). Фукуяма приводит здесь пример Канта, который объяснял его способностью человека к нравственному выбору, т. е. свободной волей и сразу добавляет, что такой аргумент вряд ли принимают материалисты и естествоиспытатели.

¹⁷⁶ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 206.

¹⁷⁷ Там же. С. 210.

По мнению Фукуямы, отрицание концепции человеческого достоинства «ведет нас на очень опасный путь». Далее американский автор пишет о равенстве всех людей, несмотря на их различия в плане интеллекта, красоты и талантов, как о благе и справедливости: размножение – это лотерея, в которой выиграть, либо проиграть (в подборке генов) может каждый. Генная инженерия может заменить случайность на выбор, что, в свою очередь, может привести не к «улучшению» всех людей и человеческой природы, а к обострению иерархических отношений между людьми. Фукуяма уверен, что в таком случае люди выйдут на улицы и будут отстаивать свои права в настоящей борьбе – войне за гены. Он видит два выхода из этой ситуации: 1) законодательно запретить использование биотехнологии для улучшения свойств человека (что сам оценивает как малоэффективное), и 2) с помощью биотехнологий поднять «нижний уровень». Это новый тип евгеники, реализовать который может только государство.

С такими опасениями не соглашается Рональд Бейли, известный научный журналист. Хочется в этом месте добавить, что именно научная журналистика, к которой я уже неоднократно обращалась в этой книге, – это крайне важная для биоэтики сфера деятельности. Компетентный научный журналист, каким, вне сомнения, является Бейли – это идеальный посредник между миром «профанов» и «специалистов». Это тот, кто не только, как «профан», умеет представить себе реальные применения научных открытий, но также тот, кто делает это на основе глубокой рефлексии и знания. И именно журналистика, по мнению американского биоэтика А.Р. Джонсена, связана с «рождением» современной биоэтики¹⁷⁸. Следовательно, пусть никого не смущает факт, что словам выдающегося философа я противопоставлю слова журналиста – ведь мы находимся в «республике Биоэтике», где все мы говорим на равных: «Мне такое опасение кажется довольно смешным. Во-первых, как-то странно ожидать, что богатые люди захотят стать подопытными морскими свинками, во-вторых, посмотрите, что

¹⁷⁸ Он указывает на публикацию от 9 ноября 1962 г. в журнале “Life” – статью Шейны Александер «Они решают, кому жить, кому умирать: чудо медицины налагает моральное бремя на маленький комитет». В нем журналистка описывает то, что потом стало обычной и необходимой биоэтической практикой: первый биоэтический комитет, хотя тогда его еще никто так не называл. Более подробно об этом: *Тищенко П.Д., Юдин Б.Г.* Биоэтика и журналистика. С. 5.

происходит с другими технологиями, например геномным секвенированием. Они стремительно дешевеют. Я уверен, что мир будет становиться все богаче, что мы получим доступ к новым ресурсам и экономический рост будет происходить куда более равномерно и во всех странах. Новые технологии – это то, что избавляет нас от неравенства, а не усиливает его»¹⁷⁹.

Однако вернемся к понятию человеческой природы и особенности человека в понимании Фукуямы. Он выделяет несколько свойств, типичных только для людей. Это, например, способность формулировать абстрактные нормы справедливости и язык, а оба эти свойства вместе являются решающими для политической деятельности человека (человек как «политическое животное» у Аристотеля), отличающейся от похожей деятельности некоторых социальных животных. Другое свойство, типичное для человека, – это сознание, точного научного объяснения которого все еще не существует. Приводя пример искусственного интеллекта, философ замечает, что вряд ли возникновение таких машин докажет, что и люди – это просто машины, построенные лишь из другого материала, а это потому, что машины могут думать как люди, но не будут, как люди, чувствовать. А значит, не надо присваивать им статуса, который есть у человека. Эмоции и есть очередное типичное для человека свойство. Некоторые из них присутствуют также у животных, но «только человека отличает гамма эмоций, которые порождают цели, назначение, стремления, желания, страхи, отвращения человека, и потому они – источники человеческих ценностей»¹⁸⁰.

Автор возвращается к объяснению концепции человеческого достоинства (или «фактора икс» в его формулировке) и обосновывает ее неким качественным сдвигом, который произошел в процессе эволюции человека: «Не обязательно соглашаться с Папой насчет того, что именно Бог вложил в человека душу в процессе эволюционной истории, чтобы признать вместе с ним, что в какой-то момент этого процесса произошел очень важный каче-

¹⁷⁹ «Излишняя предосторожность – один из самых пагубных принципов» (Интервью Рональда Бейли, эксперта по этике биотехнологий, Meduza, 18 июля 2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/07/18/izlishnyaya-predostorozhnost-odin-iz-samyh-pagubnyh-printsipov> (дата обращения: 26.12.2016).

¹⁸⁰ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 240.

ственный, если не онтологический скачок. Этот скачок – переход от частей к целому, которое, в конечном счете, должно составить основу человеческого достоинства, – концепции, в которую можно поверить, даже если не исходить из общих с Папой религиозных предпосылок»¹⁸¹. Состояние человека не подтверждает, но и не исключает существования Бога как «прототипа» всех людей. Из сказанного американским философом следует, что «фактор икс» заложен генетически и зародился в ходе эволюции человека.

Онтологический статус химер и гибридов человек-животное в исследовании М. Бека

Опубликованная в 2009 г. книга «*Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimaeren, Parthenoten*» («Человеко-животные существа. Об этической проблематике гибридов, химер и партенотов») Маттиаса Бека, немецкого врача, философа и богослова, а также советника Бундестага, является одним из важнейших философских трудов в области этики создания химер и гибридов человека и животного.

Автор рассматривает существующие на данный момент методы получения гибридов и химер человека и животного, результаты проведенных экспериментов и исследований, а также их цель, которой, в подавляющем большинстве случаев, является получение человеческих эмбриональных стволовых клеток. Далее М. Бек рассматривает философские основы жизни и обращается к концепциям Аристотеля, Фомы Аквинского и Хайдеггера в феноменологическом фокусе. «Аристотель пытался интерпретировать феномен жизни, изменение живого и его становление, Фома Аквинский упорядочил эти вопросы в христианском контексте, а Хайдеггер освободил свой анализ *physis* как от метафизического фона Аристотеля, так и от христианского порядка Фомы Аквинского»¹⁸².

Исходя из этого, М. Бек делает попытку онтологической классификации новых форм жизни (прежде всего, химер и гибридов человека и животного), чтобы перейти к этической оценке отношения к ним. Его позиция заключается в том, что новые формы

¹⁸¹ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 242.

¹⁸² Beck M. Op. cit. S. 301.

жизни – независимо от того, с какой целью были созданы и как долго просуществовали, вступили в *Dasein* и тем самым обладали достоинством.

Бек упрекает обычную методологию биоэтических исследований и анализов, которые переходят из области естественных наук к этике слишком резко, опуская средний, объясняющий, уровень. Сам он использует в своем исследовании методологический подход, основанный на следующих этапах: представление научно-биологических фактов, онтологический анализ (в духе феноменологии Э. Гуссерля), определение семантических проблем и выводы в виде этических оценок¹⁸³. Под онтологическим анализом гибридов и химер человека Бек понимает определение их сути, независимо от цели их создания или навязанных им интересов, т. е. ищет ответ на вопрос, чем они являются «*aus sich heraus*» (нем. «сами из себя»).

О том, является ли человеческий эмбрион «человеком» (со всеми вытекающими отсюда правами и наличием достоинства) или нет, не существует единого мнения. В случае гибридных эмбрионов эта проблема тем более не является решенной. В отношении человеческих эмбрионов существуют четыре главных аргумента, почему мы должны считать эмбрион человеком: т. н. аргументы *SKIP*, название которых происходит от первых букв этих аргументов. Это: 1) аргумент от вида (*Speziessargument*) – эмбрион, созданный из человеческих сперматозоида и яйцеклетки, является человеком и как таковой обладает человеческим достоинством, 2) аргумент от непрерывности (*Kontinuitätsargument*) – от момента зачатия до взрослого человека мы имеем дело с непрерывным процессом развития, непрерывность которого не позволяет проводить качественного (морально релевантного) разграничения эмбриона на разных стадиях развития и уже рожденного ребенка, 3) аргумент от идентичности (*Identitätsargument*) – нет разницы между эмбрионом и взрослым, который из него вырастет, поскольку этот взрослый сможет когда-то сказать про себя: «я был зачат, я был эмбрионом», 4) аргумент от потенциальности (*Potentialitätsargument*) – эмбрион обладает человеческим достоинством, поскольку несет в себе потенциал стать взрослым человеком, а тот обладает человеческим достоинством.

¹⁸³ См.: Beck M. Op. cit. S. 37.

Человеческое достоинство, по мнению Бека, это «право на неприкосновенность», на то, чтобы не быть инструментом в чужих руках. Бек признает, что термин достоинства человека «часто поддается сомнению», однако для него это – защитный статус, которым человек наделил себя сам, именно для защиты перед неоправданным вмешательством со стороны (государства или других людей).

Не все соглашаются с этими аргументами, среди них австралийский философ-утилитарист П. Сингер. Бек вступает в полемику с Сингером и его понятием видового шовинизма, однако сам подчеркивает вытекающие из *SKIP*-аргументов ограничения. Очевидным образом существуют сложности в отнесении их к гибридным и химерным эмбрионам. *SKIP*-аргументы служат обоснованием для наделения человеческим достоинством эмбриона человека и, тем самым, обоснованием запрета экспериментов и манипуляций над ним. Отсюда и возникает идея создания не-человеческого эмбриона, которого *SKIP*-аргументы не касаются и которого, таким образом, можно подвергать различным манипуляциям, включая его разрушение и уничтожение.

Человеческий эмбрион, который «вступил в *Dasein*» (Хайдеггер), получает право на то, чтобы к нему никто не прикасался. Применительно к выделяемым Бекон «новым формам жизни», которые не могут (по разным причинам) развиваться во взрослое существо, *SKIP*-аргументы не действуют. Задача состоит в том, чтобы признать, что они также «вступили в *Dasein*».

В своих размышлениях об онтологическом статусе эмбрионов, созданных из яйцеклетки животного (коровы, кролика) и клеточного ядра человека, Бек приходит к мнению, что мы имеем здесь дело с человеческим существом, поскольку соотношение человеческой и не-человеческой ДНК составляет 99,9 % к 0,1 %. **Новое, смешанного** вида существо могло бы возникнуть в случае скрещивания яйцеклетки человека и сперматозоида животного (или наоборот), как предполагалось, например, в опытах И.И. Иванова. Бек не уверен, что такое скрещивание возможно, – у Иванова не получилось создать гибрида человека и человекообразной обезьяны из-за разного количества хромосом, – хотя есть успешные примеры межвидового скрещивания животных, например, мул, выведенный из лошади и осла. Такие гибриды не могут, однако, размножаться, что свидетельствует, по мнению Бека, о некоей их биологической ущербности.

Химерами могут быть как люди с генами, клетками или органами животных, так и животные с соответствующим человеческим материалом. Биологические границы между человеком и животным становятся все более расплывчатыми. В отношении химер немецкий ученый подчеркивает, что изменение свойств существа не должно менять его онтологического статуса. Он однозначно считает, что присутствие клеток животного в человеке может повлиять на его свойства, как физические, так и психические (что является отдельной этической проблемой), однако они не меняют его статуса человека. «Если человеческий эмбрион, которому на ранней стадии внедрили клетки животного и который, например, будет психически отсталым, поскольку его мозг будет развиваться по-другому, и если такой человек будет агрессивным, поскольку несет он в себе клетки животного, это будет иметь огромное психологическое, общественное и этическое значение. Однако это ничего не поменяет в его статусе как человека... Посредством изменений свойств невозможно сделать из животного человека и из человека животное»¹⁸⁴. Далее ученый признает, что в свете новейших исследований возможно, что также и приматы должны быть наделены достоинством¹⁸⁵, а это означает, что граница между видами становится более размытой.

В связи с расширяющимися возможностями создания смешанных существ, не поддающихся однозначной классификации, Бек указывает на то, что в некоторой степени достоинством неизбежно придется наделить также человеческие яйцеклетки и сперматозоиды, как и человеческий геном – именно в том моменте, когда они соединяются, «вступают в *Dasein*», образуя новую форму жизни. Таким образом, продолжает размышлять немецкий философ, логичным становится вопрос, не ущемляют ли новые формы жизни достоинство не столько отдельного человека, сколько всего человечества. В любом случае, резюмирует Бек, новая форма жизни должна оцениваться иначе, чем отдельно взятые яйцеклетка, сперматозоид или геном.

¹⁸⁴ Beck M. Op. cit. S. 259.

¹⁸⁵ Организация Great Ape Project ставит своей целью наделение моральным статусом человекообразных обезьян, которые тогда обладали бы правом на жизнь, личную свободу и защиту от пыток. Многие ученые поддерживают введение статуса non-human person для ряда высших животных. Пока этого удалось достигнуть только в Индии, где таким статусом были наделены дельфины.

В том, что касается человеческих клеток в животных, Бек подчеркивает ряд ключевых вопросов: какие клетки внедряются животному (по-разному оцениваются мозговые клетки и, например, клетки печени), какому животному (человекообразной обезьяне или мышь) и на какой стадии развития (эмбриону или взрослой особи). Онтологический статус этих существ – это статус животных. *Nota bene*, немецкий ученый также неоднократно подчеркивает, что цель создания таких химер должна оправдывать боль и страдания, причиняемые животным в ходе подобных экспериментов, и высказывается о них скептически, поскольку заявленные как терапевтические, такие исследования обычно не ведут к развитию терапий.

Относительно этики отношения к химерам и гибридам Бек высказывается однозначно: в случае химер и гибридов со статусом человека мы должны руководствоваться понятием достоинства, в случае химер или гибридов животных – понятием защиты прав животных, вытекающим из факта, что человек и животные оцениваются по-разному (автор справедливо замечает, что в некоторых культурах не существует такой четкой границы между человеком и животным). Человеческая яйцеклетка, также как и ДНК животного, не обладает достоинством, однако ситуация изменится, как только человеческую яйцеклетку используют для того, чтобы с ее помощью создать эмбрион животного. Созданный таким образом эмбрион имеет что-то общее с «человеческим».

Бек не видит ничего неэтичного в ксенотрансплантации, но выступает против внедрения генов или клеток животного на эмбриональной стадии развития человека в соответствии с двумя главными доводами: во-первых, эмбрион не может дать своего согласия, во-вторых, неизвестно, к чему может привести внедрение генов или клеток животных на такой ранней стадии развития человека. Такие эксперименты пока еще не проводились, или, по крайней мере, их результаты не публиковались, однако, как пишет Бек, необходимо предупредить такие опыты.

Бек выступает против получения стволовых клеток из гибридных эмбрионов, независимо от того, будут ли они наделены статусом человека или животного. Ученый обращает также внимание на то, что очень часто приводимые биологами и генетиками данные являются уже «интерпретацией данных», что еще более усложняет

ситуацию в сфере биотехнологий. Он прогнозирует стирание границы между человеком и животным, а также между человеком и компьютером, что часто понимается как «улучшение» человека. Отсюда вытекает не только проблема сохранения человека как личности, но также и сохранения баланса взаимосвязей между природой, техникой, наукой и экономикой, резюмирует Маттиас Бек.

Ю. Хабермас и будущее человеческой природы

15 лет назад один из ведущих современных немецких философов Юрген Хабермас опубликовал работу, посвященную угрозам, исходящим из новых возможностей биотехнологий. В течение этих пятнадцати лет биотехнологии успели существенно развиться и получить распространение, в то время как связанные с ними риски, о которых писал Хабермас, продолжают беспокоить многих ученых, философов и немалую часть мирового общества. Его труд остается актуальным также в свете сегодняшних споров вокруг генных технологий.

Ю. Хабермас рассматривает вопрос, как в эпоху постмодернизма и краха «Великого Нарратива», определяющего обязанности для всего общества рамки того, что является моральным, а что – нет, можно выделить этические нормы в области такого значимого для будущего всего человечества феномена как биотехнологии и генная инженерия. Возможность вмешательства в геном человека («программирование» детей, будущих поколений) подрывает, по мнению Хабермаса, основы современной западной культуры, т. е. равенство всех людей с рождения и свободу каждого человека, которая делает возможной его самореализацию. Человек, являясь результатом «лотереи генов», будет, по мнению Хабермаса, чувствовать себя более свободным по сравнению с человеком, у которого проведено вмешательство на генном уровне на эмбриональной стадии, т. е. без его разрешения. Тем самым человеческий эмбрион становится объектом манипуляции другого человека, что означает его овеществление. В отличие от социально-психологических манипуляций, которые проводят над ребенком родители и общество в процессе воспитания и социализации, вмешательство на генном уровне является необратимым, как утверждает Хабермас.

Здесь можно задуматься, однако, насколько действительно «обратимым» является вмешательство в психику человека. Но Хабермас добавляет, что угроза состоит в том, что изменение природы индивида на генном уровне может изменить его возможности критически отнестись к своей природе (похожие опасения высказывал О. Хаксли в книге «О дивный новый мир» и, вслед за ним, Ф. Фукуяма). Меняются также межчеловеческие отношения, поскольку «вследствие того, что один человек принимает в отношении другого необратимое решение, глубоко затрагивающее органические структуры второго, симметрия ответственности, в принципе существующая между свободными и равными личностями, ограничивается»¹⁸⁶. Во вмешательстве в геном Хабермас видит исключительно негативные последствия, ребенка с измененным набором генов он эмоционально называет «жертвой генной манипуляции» и считает, что его жизнь обречена на выбор «между фатализмом и ресентиментом».

Не все разделяют страхи немецкого философа. Например, никаких угроз в данном вопросе не видит уже упомянутый Рональд Бейли: «Что беспокоит немецкого философа Юргена Хабермаса – я вообще не могу понять. Он думает, что если родители выбирают твои гены, то значит, ты перестаешь быть хозяином своей жизни. Для меня его позиция настоящая загадка. Во-первых, спрошу у всех, кто тут присутствует, давал ли кто-то из вас согласие на свое рождение, затем задам вопрос, соглашались ли вы с тем набором генов, которые у вас есть? Между детьми и их родителями, которые прибегли к использованию биотехнологий, чтобы наделить детей определенными чертами и свойствами, будут абсолютно те же этические отношения, как и у вас с вашими. Другая странная вещь, которую предлагает Хабермас, называется генетическое незнание – тип свободы, когда незнание о происхождении своих генов делает вас свободнее. Я его совершенно не понимаю. Чем больше информации вы получаете, тем свободнее становитесь – не ваш разум подвластен вашим генам, а ваши гены находятся во власти вашего разума»¹⁸⁷, – убеждает Бейли. Его точка зрения коррелирует с убеждениями философов – экзистенциалистов, для кото-

¹⁸⁶ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. С. 23–24.

¹⁸⁷ Бейли Р. Дети на заказ. URL: <http://www.inliberty.ru/library/707-Deti-na-zakaz> (дата обращения: 07.10.2016).

рых сознание и осознание своего положения являлись ключевыми факторами на пути к самореализации и свободе (например, как в «Мифе о Сизифе» А. Камю).

Хабермас указывает на то, что в современном обществе уменьшается острота этических оценок в пользу экономического расчета выгод и потерь. В связи с этим он критикует либеральную евгенику. Это не негативная евгеника и не евгеника, реализуемая государством или другой структурой, а самими «заинтересованными», которые будут действовать из лучших побуждений: это, в первую очередь, родители, которые захотят увеличить шансы на долгую и здоровую жизнь и успех своих детей. Это желание является, в некоторой степени, естественным, поэтому и сложно запретить его реализацию, когда все инструменты становятся доступными. Здесь мы опять прикасаемся к тонкой грани между тем, чем является терапевтическое действие и тем, чем является «улучшение» индивида. На это указывает Б.Г. Юдин: «А дальше дебаты идут по поводу границы терапии и совершенствования человека. Терапии как попытки вернуть человека к норме, а совершенствования – напротив, выход за пределы»¹⁸⁸. Либеральные ценности современных западных обществ в определенном смысле являются поддержкой для родительских решений об изменении генома своих детей. Более того, в ситуации, когда развитие науки и техники является предметом всеобщей акцептации, сложно, или даже невозможно, его ограничивать. Этические нормы, с одной стороны, и научный прогресс со свободным распоряжением его достижениями, с другой, попадают в конфликт. Здесь я опять отдам свой голос Бейли, который настоящее уважение к жизни видит в использовании разума и технологий для ее спасения. Он аргументирует, что «каждый год миллионы людей заболевают и умирают. Что же может быть большим уважением (к жизни. – *М.К.*), как ни попытка предотвратить такой исход для детей, дать им возможность избежать изнурительных болезней или ранней смерти, дать им счастливую жизнь. Мне кажется, что намного почтительнее использовать разум и технологии для улучшения человеческой жизни вместо того, чтобы играть в генетическую лотерею»¹⁸⁹.

¹⁸⁸ «У человека было ядро... но и оно поплыло» (Беседа с Б.Г. Юдиным // Беседы о человеке. Разговор на пороге. Новосибирск, 2016. С. 125).

¹⁸⁹ Бейли Р. Указ. соч.

Как подчеркивает Хабермас, развитие генных технологий ставит перед философией и этикой новые задачи, поскольку возникают новые вопросы, связанные с человечеством как биологическим видом. Хабермас предлагает свое решение этой сложной задачи: «морализацию человеческой природы» как попытку этической защиты самопонимания человека как вида. Он вводит понятие «этика вида», которая должна стать общим знаменателем для всех людей, независимо от их культурной, религиозной или мировоззренческой принадлежности. Хабермас представляет также свое понимание природы человека: «Ситуации обращения с доличностной человеческой жизнью поднимают вопросы совершенно иного калибра. Они касаются не того или иного различия среди множества форм культурной жизни, но интуитивных самоописаний, на основании которых мы идентифицируем себя в качестве людей и отличаем себя от других живых существ. Иначе говоря, они затрагивают проблему самопонимания нами самих себя как видовых существ. Речь идет не о культуре, повсюду разной, но об образе человека, рисующего себя для различных культур, – человека, который в своей антропологической всеобщности везде является одним и тем же»¹⁹⁰.

Новейшие достижения науки не должны изменить нашей способности видеть в каждом человеке автономного субъекта, утверждает Хабермас. Тем самым он пытается найти решение, исходящее из ценностей современного общества, не ссылаясь на то, что могло бы быть причислено к традиционной или локальной этике.

Кант и неокантианцы о животных

Кант («Основы метафизики нравственности») считал человека целью самой в себе, запретил мышление о другом человеке как о средстве и инструменте, но это правило не распространялось на животных, наоборот, они могли быть средствами и инструментами для достижения цели. По мнению многих современных поклонников Канта, именно этот момент в его философии требует переосмысления. Уже в 1927 г. Фриц Яр, несколько забытый немецкий мыслитель и один из основоположников биоэтики, вводит в статью

¹⁹⁰ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 50–51.

«Био-этика: об этике отношений человека к животным и растениям», аналогично императиву Канта, «биоэтический императив». Этот новый императив требует отношения как к цели не только к человеку, но также к растениям и животным: «Уважай каждое живое существо исходя из того, что оно является целью само по себе, и по возможности относись к нему соответствующим образом!». Яр считал, что человечество движется в сторону уважения других живых существ, однако процесс этот должен ускориться и рефлексироваться¹⁹¹. Забытые на несколько десятилетий идеи Ф. Яра нашли свое продолжение в философии В.Р. Поттера, который ввел термин «биоэтика» в 1969 г.

Я хочу остановиться на современных трактовках Канта в контексте статуса животных. Для Канта моральный субъект – это тот, кто может подчинить свои желания власти своего разума. Автономные и разумные выборы делают личности, которые обладают «достоинством». Противоположность «достоинству» – «цена», которой обладают животные и которая измеряется степенью пользы для человека. В философии Канта не было места для животных как субъектов – они остаются в мире «вещей» и, как таковые, не обладают никакими правами. «Амбивалентное отношение Канта к моральному статусу животных вызвало то, что кантовская этическая традиция стала скорее, в отличие от утилитаризма, барьером, нежели союзником в развитии постулатов улучшения способа отношения к животным. Философскую инспирацию они находили, прежде всего, среди авторов, критически настроенных по отношению к кантовской этике – от Джереми Бентама, Артура Шопенгауэра до Питера Сингера», – резюмирует Т. Петжиковски¹⁹².

Среди кантианцов-критиков этического статуса животных в философии Канта самое большое влияние имеет Кристин Корсгард. Она считает, что добро всегда «привязано» (*tethered*) к кому-то, для кого имеет значение¹⁹³, т. е. не существует «свободного», «никому не принадлежащего» добра. Категории добра и зла име-

¹⁹¹ *Jahr F.* Bio-Ethik. Eine Umschau über die ethischen Beziehungen des Menschen zu Tier und Pflanze // Kosmos. Handweiser für Naturfreunde. 1927. 24 (1). S. 4; см. также: Юдин Б.Г. Биоэтический императив Фрица Яра // Человек. 2013. № 6. С. 46–49.

¹⁹² *Pietrzykowski T.* Op. cit.

¹⁹³ *Korsgaard Ch.* Self-Constitution. Oxford; N. Y., 2009.

ют смысл только тогда, когда есть те, кто может их так оценить. Иначе ценности не существуют, они не объективные. Животные, по мнению Корсгиард, это как раз те, кто заинтересован получать «добро» и избегать того, что является для них неприятным. Из этого может следовать их моральный статус. Более того, «состоянием моральной тупости» называет Корсгиард мнение, что человеческое субъективное добро может быть более важным, чем субъективное добро животного. Именно потому, что любое добро привязано к субъекту, рождается неправильная интуиция, когда наше человеческое (или даже «мое личное») добро важнее, чем добро другого. Человека от остальных животных отличает умение рационализировать и нормировать свои желания. Именно это делает человека моральной личностью, однако, не ставит его добро выше добра других существ. Корсгиард не исключает того, что некая субъективность, как в отношении к собственному виду, так и в отношении к своим близким, является естественной и порой неизбежной.

Что касается установления прав, то, как пишет Петжиковски: «Разумность ассоциируется исключительно с появлением прав, требующих уважения желаний, а не того, что является предметом этих желаний. Ограничение законодательства “царства целей” исключительно теми желаниями, которые связаны с разумностью и рациональностью природы человека, как и охват этим законодательством его животных потребностей при одновременном исключении из него таких же желаний других существ, было бы действием искусственным и навязанным сверху»¹⁹⁴. Это означает, что, хотя человек и управляет кантовским «царством целей», животные являются его полноправными гражданами. По мнению Корсгиард, животные обладают не только моральным статусом (они – цель сама в себе), но также субъектными полномочиями. Т. Петжиковски и А. Эльжановски предлагают относиться к животным как к «неличным субъектам»¹⁹⁵. Петжиковски считает, что ревизия кантовской этики, проведенная Корсгиард, может иметь более радикальные последствия, чем утилитаризм П. Сингера, и исключает многие практики использования животных людьми. Сам Петжиковски резюмирует вопрос отношения человека и животных следующим образом: «Разумность человеческой природы не столько

¹⁹⁴ *Pietrzykowski T. Op. cit.*

¹⁹⁵ *Elżanowski A., Pietrzykowski T. Op. cit.*

дает человеку какую-то особенную объективную метафизическую моральную значимость, но, скорее, осознание преимущества над животными и обязанности, которые подразумевает его наличие у существа, руководствующееся разумом. Неумение увидеть это свидетельствует о недостаточности той же разумности, во имя которой люди бывают склонны чувствовать свое чувство абсолютного морального превосходства»¹⁹⁶.

¹⁹⁶ *Pietrzykowski T.* Op. cit.

ГЛАВА 4. «НАСТОЯЩИЙ» ЧЕЛОВЕК КАК ИДЕАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ

Три точки отсчета

О том, кто такой человек в окружающем его мире, философия размышляет с самого своего зарождения. Свою особенную позицию человек возводил тысячелетиями, определяя границу между собой и богом, с одной стороны, и животными, с другой стороны. Самолюбие человека (особенно четко выраженное в круге западной цивилизации), хотя и покорно ставящего себя ниже своего создателя, определяло его, однако, как созданного по подобию Бога: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 27). «Христианский Бог послал своего сына на Землю, а он «стал человеком». И хотя в этом месте разные христианские конфессии расходятся в вопросе того, имел ли Христос одну или две природы (божественную и человеческую), это одно из проявлений ключевых моментов истории человеческой мысли о самом себе – размытие, хотя бы только временное, границы между человеком и Богом. Эта борьба за доминацию над миром будет продолжаться. Ницше объявит «смерть Бога», а человек сам станет Творцом вместе с освоением биотехнологий». В XX в. возникает новая тенденция: человек строит новую идентификационную границу – между собой и машиной.

Эти три точки отсчета: Бог, животное, машина являются осью всех размышлений о человеке, о его месте в мире и о его природе. Со времен Сократа человек стоит в центре западной философской рефлексии. Якобы, в отличие от животного, человек обладает со-

знанием и моралью, способен к мышлению, которое управляет его поведением в то время, когда животным управляют лишь импульсы и инстинкты. По мнению Аристотеля, только человек, кроме вегетативной и животной души, имеет также душу разумную (Аристотель «О душе»). В цепочке существ, населяющих Вселенную, человек находится между животными и богами. Это еще не был полный разрыв с миром природы в западной культуре, а лишь вознесение человека над ним.

К радикальному противопоставлению человека и животного привел Декарт, мысль которого оказывает и сегодня огромное влияние на то, как мы обходимся с «братьями нашими меньшими». По Декарту животное – это созданный Богом автомат. Якобы оно ничего не чувствует, а представляет собой исключительно сложный механизм. Более совершенный, чем механизмы, которые создавали в это время люди, поскольку этот механизм был создан совершенным Творцом – Богом. Мнение Декарта, как мы знаем сегодня, полностью ошибочное, создало, среди прочего, благоприятную почву для работы вивисекторов и для предметного обращения с животными.

Определить границу между человеком и «структуральными другими» пытается также Агамбен, когда создает понятие антропологической машины. «Другими» раньше были животные, а сегодня это также машины, поскольку самоопределение человека должно учитывать развитие технологий. Таким образом, Агамбен ищет то, что свойственно только человеку, то, что выделяет человека, не оставляя места для инклюзии и интеграции.

Такой антропоцентрический подход является типичным для большинства мыслителей и ученых вплоть до сегодняшнего дня. Мысль о том, что человек не является особенной категорией в мире живых существ, только начинает прокладывать себе путь в науке и общественном мнении. Но те интуиции, которые появлялись в прошлом – у Франциска Ассизского, Чарльза Дарвина, Альберта Швейцера, Конрада Лоренца, Фрица Яра и других – сегодня звучат все громче в научном дискурсе. Как я уже упоминала, они трансформировались в направление «постгуманизма», которое переносит акцент от человека на жизнь во всем ее разнообразии.

«Человеческое достоинство». **Разница уровня, а не качества**

В принципе, большая часть современной философии, развивающаяся в русле постгуманизма, отдаляется от концепции человека как чего-то качественно отличающегося от остального мира. Упрощая, можно сказать, что гордость подобного рода не являлась чертой античной философии, а распространилась, прежде всего, под влиянием религии (христианства, иудаизма и ислама), чтобы потом быть перенятой светской философией, лишившись при этом концепции Бога и божьей искры, существующей в каждом человеке. Мысль о необыкновенной позиции человека по отношению к окружающему миру, а также понятие человеческого достоинства, как пишет П. Сингер, были подхвачены, но не обоснованы никакими предпосылками: «Идея особенного достоинства человека и его блага имеет долгую историю – ее можно проследить, начиная с гуманистов эпохи Ренессанса, например, в работе Пико делла Мирандолы “Речь о достоинстве человека”». Пико и другие гуманисты базировали свою оценку человеческого достоинства на идее, что человек занимает центральную и важнейшую роль в “Великой цепи бытия”, которая привела от примитивнейших форм материи к самому Богу. Это видение мироустройства, в свою очередь, восходит одновременно к классической и иудео-христианской доктринам. Современные философы отбросили эти религиозные и метафизические оковы и свободно ссылаются на достоинство человечества без необходимости оправдывать саму идею. Почему бы нам не приписать самим себе “естественное достоинство” или “естественное благо”? Братья люди вряд ли отвергнут похвалы, которые мы так щедро раздаем им, а те, которых мы лишаем такой чести, не могут нам возражать. На самом деле, когда кто-либо думает только о людях, это может быть очень либерально, очень прогрессивно говорить о достоинстве всех человеческих существ. Поступая таким образом, мы косвенно осуждаем рабство, расизм и прочие нарушения человеческих прав. Мы признаем, что в каком-то фундаментальном смысле мы сами равны самым бедным, самым необразованным членам нашего собственного вида. И только если мы будем думать о людях лишь как о маленькой подгруппе

всех живых существ, которые населяют нашу планету, мы можем осознать, что, возвышая наш собственный вид, мы в то же время принижаем относительный статус других видов»¹⁹⁷.

В России ему вторит К.О. Россиянов: «Речь теперь может идти о различиях, пусть даже очень глубоких, но не о “пропасти”, не о бинарной оппозиции. Опасность же дуализма заключается в том, что, принятый “за чистую монету”, он способен подчинять себе наши мысли и поступки не хуже иной идеологии. Согласно одной из версий категорического императива И. Канта, мы должны относиться к другим людям как к цели и никогда – как к средству, зато как к средству позволительно относиться к животным (излишняя и ненужная жестокость к животным порицается Кантом исключительно потому, что ожесточает человеческое сердце). Но как быть тогда с поразительными интеллектуальными способностями человекообразных обезьян, разве они – “животные”? В самые последние годы медицинские опыты на гориллах, шимпанзе, шимпанзе-бонобо, орангутангах и гиббонах были официально запрещены в Англии и Новой Зеландии, хотя в других странах на запрет не обращают внимания. Но то, что произошло под влиянием новых открытий в Англии и Новой Зеландии, – по-видимому, только начало; на кантовском противопоставлении человека как “цели” и остальных видов как “средства” можно смело ставить крест, оно должно быть заменено намного более нюансированным этическим кодом, в котором должно найтись место не только для человека как простой противоположности “животного”, но для разных видов с разными интеллектуальными способностями»¹⁹⁸.

Если мы допускаем, что разница между человеком и животным на самом деле является лишь разницей уровня, а не качества, то вопрос создания химер и гибридов человека и животного должен в таком свете представляться немного более «мягко». Тем не менее всякого рода «скрещивание» человека и животного может ассоциироваться с регрессом и унижением. Биотехнологические гибриды и химеры человека и животного наводят на мысли о монстрах и чудовищах, а также на апокалипсические представления о конце человека. Некоторого рода «апгрейд» человечества, посредством добавления в геном человека генов животных, может оказать

¹⁹⁷ *Singer P. All Animals Are Equal. S. 163–178.*

¹⁹⁸ *Россиянов К.О. Животные – тоже люди?*

очень хорошее влияние на физические возможности – это своего рода продолжение мысли о том, что с животными нас связывает лишь физиология и биология, в то время как сферы мысли и эмоции человека и животного не пересекаются. Поэтому, рассуждая о создании гибридов и химер, мы обращаемся, прежде всего, в рамках биологии, в это же время проблемой остается интеллектуальное и моральное развитие человека, на что указывают философы и ученые, исследующие вопросы т. н. *moral enhancement* – морального «улучшения» (Дж. Савулеску, С. Харрис и др.).

Поскольку мы считаем животных по отношению к нам менее развитыми существами в плане психики, существует мнение, что любое добавление генов животных может привести к непредсказуемым сдвигам в психике и поведении. Многих верующих может беспокоить мысль о том, имеют ли животные душу, а если нет, то будет ли ей обладать гибрид человека и животного. Что касается вопроса о том, какая может быть мораль у «человекозверей» и как повлияют на них улучшенные физические качества, то здесь стоит вспомнить очень распространенный в культуре мотив бунта Создания против своего Создателя (Голем, Франкенштейн и др.).

Главные понятия «человеческого»

Можно попытаться выделить несколько центральных понятий, определяющих особенно важные человеческие качества, изменение или потеря которых могли бы привести к затруднению в определении индивида как «настоящего» человека. На основе существующих определений природы человека, а также выводов из текстов культуры такими понятиями могут быть антропоморфизм, человеческие гены, язык, абстрактное мышление, рациональность, а также особенности размножения и семейных связей. Однако при более детальном рассмотрении оказывается, что все они недостаточны для определения природы человека.

Первым из них является антропоморфизм. При всех допускаемых вмешательствах наш внешний вид должен оставаться таким, каков он есть. Хорошо, если человек сможет в будущем отрастить утерянную в аварии ногу или руку, но, несмотря на то, как сильно она бы пригодилась, никто не хочет выращивать третьей руки. Как

в фильмах о супергероях, мы желаем приобрести сверхъестественные качества, но изменение внешнего вида превратило бы нас в монстров. Здесь мы косвенно касаемся одного из ключевых вопросов технологий «улучшения» человека: где заканчивается терапия и где начинается совершенствование (с заранее неизвестным результатом). И хотя феномен «улучшения», скорее, так и останется неоднозначным, хорошую интерпретативную подсказку дает Б.Г. Юдин, когда пишет о том, что терапия является попыткой вернуть человека к норме в то время, когда совершенствование – это выход за рамки нормы¹⁹⁹. Сила антропоморфизма особенно ярко проявляется в ситуации, когда мы имеем дело с андроидами и симулякрами. Одной только внешней схожести с человеком недостаточно для определения индивида как человека.

Вторым таким понятием является геном человека. За последние 50 лет слова «ген» и «геном» сделали головокружительную карьеру. Они встречаются практически повсюду. Геном приобрел несколько значений – это нить, хранящая не только наши индивидуальные черты и предрасположенности, но также хранилище истории всего человечества, в котором генетики и археологи читают историю миграций, войн и катаклизмов. Сравнение генома с кодом, алфавитом или книгой также вызывает определенные коннотации: это нечто большее, чем биологический материал, большее, чем биологическая информация. Это Книга Истории и Судьбы каждого индивида по отдельности и всего человечества. Вмешательство в геном пугает возможностью изменения предписанного, а также потерей именно той записи, которая делает из нас людей. М. Клиновски пишет о «генетическом эссенциализме», который разделяют консервативные ученые²⁰⁰. По их мнению, человеческая ДНК является определением человеческого, и серьезные изменения в геноме могут привести к тому, что индивид перестанет быть человеком. Такая позиция является, однако, ошибочной, как далее объясняет польский философ и биоэтик: научные исследования в области сравнения между собой разных человеческих геномов указывают на то, что не существует никакого образца человеческого генома, т. е. **типичного для всех людей генома. Подав-**

¹⁹⁹ Беседа с Б.Г. Юдиным // Беседы о человеке. Разговор на пороге. Новосибирск, 2016. С. 125.

²⁰⁰ *Klinowski M. Współczesne spojrzenie na naturę ludzką. S. 475–480.*

ляющее большинство наших генов мы делим с другими живыми организмами. Тем не менее определение человека, базирующееся на генах, принимают, например, защитники жизни с момента зачатия (движение *Pro Life*) и христианские религиозные круги. В том, что гены – это недостаточный аргумент, нас убеждают те, кто отвергает принадлежность детей-маугли к «настоящим» людям.

Они указывают на язык, абстрактное мышление и рациональность как на главные человеческие черты, которые невозможно развивать вне общества и культуры. Этим мнениям можно противопоставить новейшие знания из области этологии, которые указывают на наличие языка, определенного уровня абстракции и рациональности также среди некоторых видов животных. И наоборот, мы сами не так уж разумны и рациональны, как нам хотелось бы верить: «Мы состоим из плоти и крови, преследуем определенные цели: это пища, секс и, самое главное, безопасность. На этом фоне вся концепция “чистого разума” представляется чистой фантастикой. Вы слышали об исследовании, согласно которому судьи после обеда более снисходительны, чем до обеда? По-моему, здесь кратко и емко представлена вся человеческая разумность» – убеждает Ф. де Вааль²⁰¹. И более того, именно «чистый разум» – это то, чего мы так опасаемся со стороны андроидов и искусственного интеллекта.

Очередное понятие, определяющее особенно важные человеческие свойства, это размножение человека. Размножение – это не простой биологический акт, поскольку оно несет в себе чрезвычайно важные символические смыслы. Перенесение создания новой жизни из женской матки в стеклянную пробирку является для многих вторжением в божий или естественный порядок. Возможности, которые предоставляет биотехнология, в частности, пренатальная диагностика, генная инженерия, создающая детей «на заказ», клонирование, создание новой жизни из клеток одного человека, или же двух людей одного пола, создание ребенка от трех родителей, а также использование для этой цели соматических, а не половых клеток нашего организма – все это вынуждает нас задуматься не только об открывающихся возможностях, но и об опасениях, во-первых, вытекающих из возможного переноса

²⁰¹ Вааль, де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. С. 62.

ответственности за новую жизнь из сферы приватной в сферу государства или бизнеса, а во-вторых, связанных с тем, что Ю. Хабермас называет либеральной евгеникой.

Возможно, что новые технологии откроют перед нами новые формы родства, которые пока сложно себе представить. Проблематике вторжения биотехнологий в сферу размножения посвящен также фильм «Гаттака», который с большой точностью оперирует научными фактами и представляет близкое будущее, в котором общество делится на «годных» (генетически «улучшенных», *Valid*) и «негодных» (*In-valid*). «Негодные» занимают самую низкую позицию в обществе, в котором существует яркая дискриминация по генетическому признаку. Данный фильм – это однозначное «нет» в дебатах о биотехнологиях. Действительно, многие из обозначенных в нем проблем кажутся вполне реальными: вопрос сохранения конфиденциальности данных, проблемы со стороны страховых компаний, нежелающих страховать людей с большой вероятностью заболеваний и даже некая униформизация общества, в котором все становятся красивыми, умными и здоровыми. С другой стороны, в фильме явно приукрашены возможные последствия прогресса биотехнологий. Наши тела и сегодня во многом являются для нас ограничением, и эта ситуация вряд ли поменяется в будущем. М. Клиновски пишет по этому поводу: «Хотя биотехнология фактически может угрожать социальным институтам в той форме, к которой мы привыкли, в принципе, трудно понять, почему мы должны относиться к развитию биотехнологий как к источнику угрозы для человеческой природы. Биотехнология влияет на биологию человека, и это влияет на форму социальных институтов. Наука, однако, указывает на то, что природа человека является чем-то большим, нежели биология, а бытие человека не ограничивается исключительно биологией. Поэтому, если мы будем воспринимать прогресс биотехнологий в качестве угрозы, то поводом для этого будет не угроза потери человеческого, а только социальные затраты, связанные с потерей существующей системы социальных институтов. По сути, консерваторы заботятся о сохранении чего-то отличного от того, что сами заявляют. Они имеют в виду не человечество, т. е. уникальную природу человека, а только общество в его современной форме. А это же два совершенно разных вопроса»²⁰². Ниже я представлю свой взгляд на феномен «природы человека».

²⁰² *Klinowski M. Współczesne spojrzenie na naturę ludzką. S. 475–480.*

Природа человека

Несмотря на перечисление в этой главе и упоминание в предыдущих главах многих черт, свойственных человеку, крайне сложно дать определение человеческой природы. Б.Г. Юдин выразил это следующими словами: «У человека было ядро... но и оно поплыло»²⁰³. Я не вполне согласна с Б.Г. Юдиным, что человеческое «ядро» вообще когда-либо было, однако его слова прекрасно иллюстрируют актуальное состояние «растерянности» гуманитарных наук перед лицом НБИКС-технологий, стремительно меняющих наше представление о нас самих и о наших связях с окружающим миром.

И все-таки человек представляется неким идеальным конструктом, который практически никогда не находит подтверждения в реальной жизни. Определения природы человека варьируются от основанных на биологии (например, Д.И. Дубровский) до функциональных (например, М. Клиновски). Существуют также определения, в которых подчеркнуто лишь одно свойство, детерминирующее природу человека, например, изменчивость (В.В. Чеклецов) или нерациональность (М. Радковска-Валькович).

Понятно, что существует некоторый набор биологических черт, которые свидетельствуют о нашей принадлежности к виду *Homo sapiens*. Однако не все представители этого вида обладают данным набором, как заметил П. Сингер, (речь идет, например, о людях, родившихся без мозга). Тем не менее таким представителям нашего вида никто не отказывает в бытии человеком, хотя и «несовершенном». Как подчеркивает М. Клиновски, чаще всего упоминаемые учеными черты, определяющие человека, являются свойствами функциональными, т. е. вытекающими из нашей биологии, но не чисто биологическими чертами. Таким образом, возможна ситуация, в которой этими свойствами (как, например, абстрактное мышление, т. н. моральный инстинкт и др.), будут обладать существа, не являющиеся людьми в биологическом смысле, например, киборги или гибриды человека и животного.

Понятие о том, кто такой человек, менялось в разных эпохах и под разными географическими широтами, и хотя в данный момент глобализация привела к тому, что влияние географической дистан-

²⁰³ Беседа с Б.Г. Юдиным // Беседы о человеке. Разговор на пороге. Новосибирск, 2016. С. 125.

ции по большей мере преодолено (но не исключено), не существует повода для того, чтобы сомневаться в дальнейшей эволюции этого понятия. Многочисленные архаичные общества считали людьми или же «настоящими людьми» только своих членов, белые конкистадоры не хотели (до решения Папы Римского) признавать людьми американских индейцев, а нацисты ввели понятие *Untermensch* для определения неполноценного, ненастоящего человека. За гранью, обозначающей людей, в свое время находились женщины, иноверцы и другие, в тот исторический момент дискриминированные группы. И надо подчеркнуть, что на свете есть еще много мест, где женщины и иноверцы (а также альбиносы, близнецы и другие) все еще не считаются «настоящими», полноправными людьми.

Определение природы человека происходит динамически, в процессе диалога, сравнения с Другим. Это понятие коллективное, поскольку, так же, как культура, является доменом группы, и никогда – индивида, и не может развиваться вне социума. Из этого мы можем сделать вывод, что границы определения того, кто является человеком, а кто нет, сильно зависят от культурной обстановки. С этим не соглашаются многие исследователи. Например, Д.В. Черникова и И.В. Черникова вслед за Д.И. Дубровским пишут: «Под природой человека подразумеваются *стойкие, неизменные* черты и свойства, присущие человеку *во все времена*, независимо от биологической эволюции и исторического процесса, комплекс устойчивых свойств социального индивида, *инвариантных по отношению к разным историческим эпохам, этносам и культурам* (курсив мой. – М.К.)»²⁰⁴. Устойчивым и присущим во все времена свойством может быть, как это ни парадоксально, изменчивость человека. Такое определение предлагает В.В. Чеклецов, который пишет, что «самой человеческой природе имманентно была присуща фундаментальная изменчивость; видимо, как раз в этом свойстве ускальзывания от Бытия, в стремлении быть чем-то (кем-то) иным, отличным от себя-сейчас и сокрыто истинно человеческое»²⁰⁵. Такое определение является особенно привлекательным сегодня, в эпоху кардинальных перемен, связанных с развитием НБИКС-технологий.

²⁰⁴ Черникова Д.В., Черникова И.В. Проблема природы человека в свете nbic-технологий // Изв. ТПУ. 2010. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-prirody-cheloveka-v-svete-nbic-tehnologii> (дата обращения: 14.11.2016).

²⁰⁵ Чеклецов В.В. Проблема изменения природы человека в контексте становления нанотехнологий. С. 4.

Многие ученые обосновывают свои определения человеческой природы на изменчивости. В.С. Степин понимает человека как «самоизменяющуюся сущность», которую можно конкретизировать в трех аспектах: телесности, социальных связей и надбиологических программ деятельности (т. е. культуры)²⁰⁶. Все три аспекты взаимосвязаны и изменение одного из них влечет за собой изменения в остальных. Сложно не согласиться с В.С. Степиным, однако хочется подчеркнуть один важный момент: все эти аспекты существования человека изменчивы во времени и пространстве. Они никогда не были «данными», а вырабатывались в процессе эволюции человека. Соответственно, их настоящее состояние не является завершенным, статичным или однородным для всех человеческих обществ.

Подтверждением того, что человеческая природа – это меняющийся во времени конструкт, а не что-то заложенное и стойкое, могут быть слова Б.Г. Юдина, который, исследуя человека в пограничных ситуациях, приходит к выводу, что «никто не даст нам такого определения того, что есть человек, с которым мы все согласимся. К этой проблеме нам приходится и придется обращаться снова и снова по мере того, как будут развиваться и все более основательно входить в нашу жизнь биомедицинские технологии. И даже если мы найдем такое определение, которое будет устраивать всех, то и оно не будет оставаться в силе на веки вечные. Это – то, на что мы обречены в век столь бурного прогресса биомедицинских технологий»²⁰⁷. Процесс эволюции человека не останавливается, более того, сегодня сам человек начинает им управлять. Мы меняемся, а вместе с тем меняется наше представление о том, кто мы такие.

Определение того, кто является человеком, а кто нет, всегда носило интуитивный характер. С нашей, т. е. людей XXI века, точки зрения, более ранние определения того, кто такой человек, могут показаться неверными и неправильными, сегодня мы назвали бы их, скорее, дискриминацией некоторых групп людей. Не исключено, что лет через сто наши потомки будут думать схожим образом про нас, поскольку в их время границы «человеческого» окажутся значительно шире наших. Поскольку здесь речь идет об определе-

²⁰⁶ Степин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков. М., 2016.

²⁰⁷ Юдин Б.Г. Идея пограничной ситуации // Инновации в корпусе гуманитарных идей. Ч. 1. М., 2012. С. 37.

нии идентичности человека, т. е. о его самоопределении и о маркировании границ «человеческого», то это тем более указывает на исторически и культурно изменчивый процесс конструирования человека. Можно предположить, что и в дальнейшем человек сможет опять, как уже бывало в прошлом, расширить границу того, что является «человеческим».

Заключение. **Quo vadis, homo sapiens?**

«Вряд ли есть что-либо во Вселенной, чего нельзя было бы вывернуть наизнанку, исказить или использовать во зло. И всегда будет существовать опасность злоупотребления наукой»²⁰⁸, – пишет Д. Глед. Невозможно с ним не согласиться. Достижения науки сами по себе не являются ни чем-то хорошим, ни плохим. История науки знает многие примеры достижений, которые обернулись против человека, самым ярким из них остается атомная энергия. Не зря биотехнологии часто приравниваются именно к ней. На самом деле биотехнологии, в т. ч. геновая инженерия и вспомогательно-репродуктивные технологии, не должны однозначно оцениваться как угроза человечеству и сохранению человеческой природы, хотя, несомненно, несут такой потенциал.

Бесспорно, в связи с развитием НБИКС-технологий мы стоим на пороге грядущих кардинальных перемен, которые коснутся биологии человека, а вследствие этого, также структуры общества и общественных институтов. Наш мир меняется на глазах. Задачей данной книги было изучить один из аспектов этих перемен – создание химер и гибридов человека и животного и меняющуюся в их контексте природу человека. Именно в контексте развития биотехнологий, поскольку к проблеме человеческой природы можно подойти со многих ракурсов, смещая акценты в этом вопросе. Само понятие природы человека носит неопределенный характер и, как я старалась показать выше, на его счет среди ученых не существует единомыслия. Повторю, что то, на основе чего мы определяем себя как людей, меняется во времени и пространстве.

Поэтому я предлагаю такую формулировку данного понятия, которая позволяет включить в себя также новые, гибридные формы жизни (как с границ техники, так и с границ биологии). Инклюзия и интеграция, вычеркнутые Агамбеном из «антропологической машины», для меня являются ключевыми понятиями – инструментом, который поможет нам лучше адаптироваться к грядущим биотехнологическим переменам.

²⁰⁸ Глед Д. Будущая эволюция человека. Евгеника двадцать первого века. М., 2005. С. 92.

Природа человека изменчива и раскрывается лишь по отношению к чему-то или кому-то Другому (как любая форма «мы» в отличие от «они»). Ее главной чертой является то, что определение происходит на интуитивном уровне и сохраняет некую «маргинальность» (как яркое несовпадение с царствующим идеальным конструктом человека), в которую попадают, например, психически больные или дети-маугли. Вполне возможно, что в это маргинальное пространство смогут также попасть гибридные существа.

Параллельно этому, если сторонники прав животных добьются признания повышения статуса некоторых видов животных (например, включения их в круг моральных субъектов), это будет также способствовать признанию гибридов. Гибридов, которых, на мой взгляд, не стоит представлять себе как монстров, а как человекообразных существ с расширенным спектром, прежде всего, физических способностей. Вероятно, то, что ждет нас в ближайшем будущем вместе с развитием биотехнологий, является не концом человечества, а лишь новым этапом нашего развития, к которому стоит тщательно подготовиться.

Один из важнейших выводов данной книги заключается в том, что биотехнологическая гибридизация нашего вида не является чем-то принципиально новым. Сценарий создания человеческой химеры производился культурой во множественных вариантах на протяжении ее истории. Острота проблем современного этапа рассматриваемого процесса заключается в, вызванном биотехнологическим прогрессом размывании границ того, кем является человек и в дальнейшем расширении этого понятия. Шанс на успешное включение новых, гибридизированных форм жизни в человеческое общество, т.е. наделение их моральным статусом, довольно высокий. Ведь человечество проходило этот путь уже много раз.

Список источников и литературы

Излишняя предосторожность – один из самых пагубных принципов: Интервью Рональда Бейли, эксперта по этике биотехнологий, 18 июля 2016. URL: <https://meduza.io/feature/2016/07/18/izlishnyaya-predostorozhnost-odin-iz-samyh-pagubnyh-printsipov>

Абросимова С.О. Нуждается ли евгеника в реабилитации? // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 319–321.

Агамбен Дж. Открытое. Человек и животное // Синий диван. 2007. № 10–11. С. 29–46.

Агамбен Дж. Открытое / Пер. с итал. и нем. Б.М. Скуратова; Ред.: М. Маяцкий, Дм. Новиков. М.: РГГУ, 2012. 112 с.

Бабков В. Заря генетики человека. Русское евгеническое движение и начало генетики человека. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 800 с.

Байдуж М.И. Обратни и оборотничество в демонологических представлениях современного города // Обратни и оборотничество: Стратегии описания и интерпретации. Материалы междунард. конф. / Отв. ред. Д.И. Антонов. М., 2015. С. 135–143.

Бейли Р. Дети на заказ. URL: <http://www.inliberty.ru/library/707-Deitna-zakaz> (дата обращения: 07.10.2016).

Беляева А.М. Новые границы человека и человеческого: киборги // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 124–127.

Беляетдинов Р.Р. Биомедицинские технологии и расширение представлений о человеке // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 11: Гуманитарное обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий: сб. науч. ст. / Под ред. П.Д. Тищенко. М., 2010. С. 49–55.

Биоэтика: принципы, правила, проблемы / Ред.: Б.Г. Юдин, В.Н. Игнатьев. М., 1998. 472 с.

Болдычева В.А. Традиция и язык как способы трансляции культуры // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 90. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/traditsiya-i-yazyk-kak-sposoby-translyatsii-kultury> (дата обращения: 12.12.2016).

Болховитинова С.Л. Прогресс биомедицинских технологий // Философские проблемы биологии и медицины: Вып. 1: В поисках новой парадигмы: сб. М., 2007. С. 160–165.

Булгаков М.А. Из лучших произведений: Грядущие перспективы. Собачье сердце. Белая гвардия. Бег. Великий канцлер / Подгот. текста, предисл., коммент. В.И. Лосева. М.: ИЗОФАКС, 1993. 667 с.

Вааль, де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 107 с.

Веркор Ж. Люди ли животные? (Естественные животные). URL: <http://e-libra.ru/read/163123-lyudi-ili-zhivotnye-estestvennye-zhivotnye.html> (дата обращения: 07.10.2016).

Геннеп, ван А. Обряды перехода. М.: Вост. лит., 1999. 198 с.

Глэд Д. Будущая эволюция человека. Евгеника двадцать первого века. М.: Захаров, 2005. 176 с.

Гнатик Е.Н. Проблема самотрансформации человека в контексте генетической инженерии // Философские проблемы биологии и медицины: Вып. 1: В поисках новой парадигмы: сб. М., 2007. С. 57–62.

Горохов В.Г. Социальные проблемы нанотехнологии // Высш. образование в России. 2008. № 3. С. 84–98.

Горохов В.Г., Грунвальд А. Каждая инновация имеет социальный характер (Социальная оценка техники как прикладная философия техники) // Высш. образование в России. 2011. № 5. С. 135–145.

Горохов В.Г., Сидоренко С.А. Нанотехнонаука: взаимное влияние фундаментальных теорий, современного эксперимента и новейших технологий // Высш. образование в России. 2008. № 10. С. 130–143.

Горюнов И.А. Проблема человекобожия как угроза существованию человечества // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 1: В поисках новой парадигмы: сб. М., 2007. С. 168–175.

Гребеницкова Е.Г. Трансдисциплинарная парадигма в биоэтике // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/transdistsiplinarnaya-paradigma-v-bioetike> (дата обращения: 17.10.2016).

Губенко А.В. Человек без границ. Может ли биоэтика вернуть жизнь на землю? // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 142–144.

Дрозд А.Л. Научная этика и проект реконструкции человека в евгенике // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 145–147.

Дубровский Д.И. «Природа человека» и глобальное будущее. URL: <http://www.2045.ru/news/30064.html> (дата обращения: 09.09.2016).

Дубровский Д.И. Человек продолжает действовать как животное. URL: <http://www.2045.ru/articles/30376.html> (дата обращения: 09.09.2016).

Иванова-Казас О.М. Мифологическая зоология. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. 264 с.

Кириленко Е.И. Медицина как феномен культуры: опыт гуманитарного исследования: Дис... д-ра филос. наук. Томск, 2009. 339 с., ил.

Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФ РАН, 2009. 205 с.

Ковалюнас Н.В. Телесность как способ организации человеческого «Я»: новые поиски самоидентичности // *Философские проблемы биологии и медицины*. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 152–155.

Лебедев В. Миф о трансгенной угрозе. URL: http://scepsis.ru/library/id_474.html (дата обращения: 04.10.2016).

Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Акад. проект, 2008. 520 с.

Левкиевская Е.Е. Оборотничество: границы понятия и язык его описания // *Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы междунаро. конф. / Отв. ред. Д.И. Антонов*. М., 2015. С. 26–30.

Летов О.В. Биоэтика и современная медицина. М.: ИНИОН РАН, 2009. 252 с.

Лишук О. Рентабельная бесчеловечность. URL: <http://medportal.ru/mednovosti/main/2011/02/28/experiments/> (дата обращения: 05.10.2016).

Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // *Знание. Понимание. Умение*. 2004. № 1. С. 93–100.

Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы. Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во нац. ин-та бизнеса, 2008. 784 с.

Майленова Ф.Г. Человек как автор проекта своего «Я»: возможности и опасности модификации природы человека // *Философские проблемы биологии и медицины*: Вып. 1: В поисках новой парадигмы: сб. М., 2007. С. 74–78.

Между человеком и волком, интервью с Я. Бадридзе // *Русский Репортер*. 2010. № 15 (143). С. 50–59.

Мещерякова Т.В. Биоэтика на пересечении научного и вненаучного знания // *Вестн. ТГПУ*. 2011. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/bioetika-na-peresechenii-nauchnogo-i-vnenauchnogo-znaniya> (дата обращения: 23.11.2016).

Мякинников С.П. Мировоззренческие основания эгоцентризма и экомышление // *Изв. ТПУ*. 2005. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mirovozzrencheskie-osnovaniya-ekotsentrizma-i-ekomyshlenie> (дата обращения: 18.09.2016).

Называю вас обезьяной: интервью с С. Савельевым // *Русский Репортер*. 2010. № 6 (134). С. 46–53.

Неклюдов С.Ю. Откуда берутся оборотни // *Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы междунаро. конф. / Отв. ред. Д.И. Антонов*. М., 2015. С. 7–13.

Никифоров А.Л. Интерпретация в естественных и гуманитарных науках. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2013/17_01_2013.pdf (дата обращения: 15.12.2016).

Радковска-Валькович М., Кожевникова М. Искусственный человек в образах литературы и кино (интервью) // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 3. URL: <http://www.medanthro.ru/practice/interview/item/101-intervyu-s-m-radkovska-valkovich-iskusstvennyj-chelovek-v-obrazakh-literatury-ili-kino> (дата обращения: 03.01.2012).

Россиянов К.О. Животные – тоже люди? // Вокруг света. 2006. № 0. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/telegraph/theory/29/> (дата обращения: 16.12.2016).

Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами // Вопр. истории естествознания и техники. 2006. № 1. URL: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/ECCE/IVARITEK.HTM> (дата обращения: 17.11.2016).

Сидорова Т.А. Евгенический потенциал и антропологические риски преимплантационной генетической диагностики // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 1: В поисках новой парадигмы: сб. М., 2007. С. 69–74.

Сингер П. Освобождение животных / Пер. на рус. яз. Центр защиты прав животных «Вита». 2009. URL: http://www.vita.org.ru/library/philosophy/singer_animal_liberation.htm (дата обращения: 10.12.2016).

Соколова М.Г. Философская антропология и медицинское знание // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 182–183.

Степин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков // Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий) / Ред. Г.Л. Белкина. М., 2016. С. 26–41.

Тарасевич Г. Охотники за геномами // Русский Репортер. 2010. № 25 (153). С. 46–49.

Тирас Х.П. Этика и практика биологического исследования: 200 лет эволюции // Философия науки. Т. 20. М., 2015. С. 144–168.

Тищенко П.Д. Биотехнологии инхенсента: на пути к третьей утопии? // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / Отв. ред. П.Д. Тищенко. М., 2015. С. 21–41.

Тищенко П.Д. Био-власть в эпоху биотехнологий. М.: ИФ РАН, 2001. 177 с.

Тищенко П.Д. Биоэтика, биополитика и идентичность (анализ современных медицинских структур «заботы о себе») // Этика науки / Под ред. В.Н. Игнатъева. М., 2007. С. 117–142.

Тищенко П.Д. Биоэтика: множественность и мысль // Философия и этика: Сб. науч. тр. к 70-летию акад. А.А. Гусейнова. М., 2009. С. 709–722.

Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Биоэтика и журналистика. М.: Адаманть, 2011. 128 с.

Тищенко П.Д. Биоэтическое обеспечение научного развития в обществе риска // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 11: Гуманитарное обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий: сб. науч. ст. / Под ред. П.Д. Тищенко. М., 2010. С. 30–37.

Тищенко П.Д. К вопросу о методологии мысленных экспериментов в биоэтике // Философия биологии: вчера, сегодня, завтра / Под ред. И.К. Лисеева. М., 1996. С. 194–213.

Тищенко П.Д. О множественности моральных позиций в биоэтике // Человек. 2008. № 1. С. 83–91.

Торгаишев А. Общий язык // Русский Репортер. 2010. № 3 (131). URL: http://rusrep.ru/2010/03/obuchenie_delfinov/ (дата обращения: 10.11.2016).

Фролов И.Т. Будущее человека (гуманистические аспекты прогресса науки) // Будущее в настоящем. М.: Прогресс, 1984. С. 61–77.

Фролов И.Т. О человеке разумном и гуманном, а также о биокиборгах, бессмертии и воскрешении мертвых и вообще о мифологии в век НТР // Наука и жизнь. 1983. № 4. С. 60–66.

Фролов И.Т., Юдин Б.Г. Этика науки: Проблемы и дискуссии. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

Фуко М. Ненормальные. СПб.: Наука, 2004. 432 с.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2008. 349 с.

Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. 144 с.

Христофорова О.Б. Опознать беса: экзорцизм как визуализация демонического // Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы междунаро. конф. / Отв. ред. Д.И. Антонов. М., 2015. С. 91–104.

Хрустальев Ю.М. Биоэтика – учение о морально-нравственной ответственности // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 73–77.

Хэйр Б., Вудс В. Почему собаки гораздо умнее, чем вы думаете. СПб.: Питер, 2014. 288 с.

Чеклецов В.В. Проблема изменения природы человека в контексте становления нанотехнологий: Автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.08. М., 2012. 22 с.

Черникова Д.В., Черникова И.В. Проблема природы человека в свете NBIC-технологий // Изв. ТПУ. 2010. № 6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-prirody-cheloveka-v-svete-nbic-tehnologiy> (дата обращения: 14.11.2016).

Чулак Д.К. Репрезентация оборотничества в жанровом кинематографе: от проклятия к дару // Оборотни и оборотничество. Стратегии описания и интерпретации. Материалы междунаро. конф. / Отв. ред. Д.И. Антонов. М., 2015. С. 129–134.

Швейцер А. Гуманность. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schweitzer/Gumann.php (дата обращения: 23.11.2016).

Швейцер А. Проблема этики в ходе развития человеческой мысли. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Schweitzer/Prob_Etik.php (дата обращения: 12.12.2016).

Швечиков А.Н. Философско-религиозный смысл социальных институтов древнего Египта // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 115. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-religioznyy-smysl-sotsialnyh-institutov-drevnego-egipta> (дата обращения: 20.12.2016).

Шевченко С.Ю. Субъект «улучшения» в геномике: к новым изменениям социотехнических мнимостей // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 23: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / Отв. ред. Б.Г. Юдин. М., 2015. С. 97–112.

Шеманов А.Ю. Культурные практики конституирования свободы человека как адресата биомедицины // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 77–80.

Шишков И.З. К вопросу об ответственности в науке и технике // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 80–85.

Юдин Б.Г. Антропология биомедицинских исследований // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 1: В поисках новой парадигмы: сб. М., 2007. С. 6–11.

Юдин Б.Г. Биологическое существование человека: культурные аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 87–93.

Юдин Б.Г. Биологическое существование человека: культурные аспекты (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/biologicheskoe-suschestvovanie-cheloveka-kulturnye-aspekty-okonchanie> (дата обращения: 27.11.2016).

Юдин Б.Г. Биомедицинские исследования как объект философского осмысления // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.Г. Майленова. М., 2008. С. 3–17.

Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий. // Вопр. соц. теории. 2011. Т. V. С. 102–118.

Юдин Б.Г. Идея пограничной ситуации // Инновации в корпусе гуманитарных идей. Ч. 1. М., 2012. С. 20–38.

Юдин Б.Г., Катица С.П. Медицина XXI века: этические проблемы (стеногр. беседы) // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 75–79.

Юдин Б.Г. Научное познание человека и ценности // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 35–49.

Юдин Б.Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопр. философии. 2004. № 2. С. 16–28.

Юдин Б.Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 3. С. 129–138.

Юдин Б.Г. От утопии к науке: конструирование человека // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 261–281.

Юдин Б.Г. Природа человека: конструктивизм против натурализма // Высш. образование в России. 2005. № 5. С. 113–121.

Юдин Б.Г. Сотворение трансчеловека // Вестн. Рос. акад. наук. 2007. Т. 77. № 6. С. 520–527.

Юдин Б.Г. Улучшение человека как проблема науки и философии // Концепции постчеловека в философии и техннауке: материалы V Международ. науч. шк. для молодежи / Под ред. С.М. Климовой, А.Д. Майданского. Белгород, 2016. С. 8–12.

Юдин Б.Г. Человек как объект технологических воздействий // Человек. 2011. № 3. С. 5–20.

Юдин Б.Г. Человек на чипе: этические проблемы // Философские проблемы биологии и медицины. Вып. 6: Свобода и ответственность. М., 2013. С. 247–249.

Юдин Б.Г. Этическое измерение современной науки // Этика науки / Под ред. В.Н. Игнатъева М., 2007. С. 98–116.

Юдин Б.Г. Этнос техннауки // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 11: Гуманитарное обеспечение инновационного развития биомедицинских технологии: сб. науч. ст. / Под ред. П.Д. Тищенко. М., 2010. С. 15–23.

Appiah K.A. Kosmopolityzm. Etyka w świecie obcych. Warszawa: Prószyński i S-Ka, 2008. 208 s.

Bakke M. Bio art – sztuka in vivo i in vitro. URL: <http://archiwum-obieg.u-jazdowski.pl/teksty/4408> (дата обращения: 20.07.2016).

Bakke M. Między nami zwierzętami. O emocjonalnych związkach między ludźmi i innymi zwierzętami. URL: https://www.academia.edu/2158373/Między_nami_zwierzętami_o_emocjonalnych_związkach_między_ludźmi_i_innymi_zwierzętami (дата обращения: 26.12.2016).

Bakke M. Studia nad zwierzętami: od aktywizmu do akademii i z powrotem. URL: https://www.academia.edu/2158352/Studia_nad_zwierzętami_od_aktywizmu_do_akademii_i_z_powrotem (дата обращения: 20.07.2016).

Beck M. Mensch-Tier-Wesen. Zur ethischen Problematik von Hybriden, Chimären, Parthenoten. Paderborn etc.: Ferdinand Schoening, 2009. 342 S.

Bednarek J. Maszyna antropologiczna – instrukcja demontażu // Nowa Krytyka. Czasopismo filozoficzne. URL: <http://nowakrytyka.pl/spip.php?article435> (дата обращения: 20.07.2016).

Benedyktowicz Z. Portrety obcego. Od stereotypu do symbolu. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2000. 216 s.

Chyrowicz B. Argumentacja we współczesnych debatach bioetycznych // *Diametros*. 2009. No. 19. S. 1–25.

Dąbrowska M. Psy rasowe jako bio-dzieło sztuki? URL: <http://archiwum-obieg.u-jazdowski.pl/artmix/24243> (data обращения: 20.07.2016).

Dawkins R. Ślepy zegarmistrz. Warszawa: PIW, 1994. 499 s.

Deutscher Ethikrat, Mensch-Tier-Mischwesen in der Forschung, Stellungnahme. Berlin, 2011. 149 S.

Dobzhansky T. Dziedziczność a natura człowieka. Warszawa: PWN, 1968. 176 s.

Elżanowski A. Pietrzykowski T. Zwierzęta jako nieosobowe podmioty prawa. URL: https://www.academia.edu/23803608/Animals_as_Non-personal_Carriers_of_Legal_Rights (data обращения: 20.07.2016).

Encyklopedia bioetyki / Red. A. Muszala. Radom: Polskie Wydawnictwo Encyklopedyczne, 2007. 690 s.

Frazer J.G. Złota gałąź. Warszawa: PIW, 1965. 584 s.

Fukuyama F. Ostatni człowiek z fiołki – po namyśle. URL: <http://www.tezeusz.pl/cms/tz/index.php?id=1250> (data обращения: 20.07.2016).

Gajewska G. Przyroda(i)kultura w epoce antropocenu // *Przestrzenie Teorii*. Poznań, 2012. S. 105–114.

Geisler Linus S. Ein neuer Mensch // *Universitas* (56. Jahrgang). 2001. No. 655. Januar. S. 43–53.

Grant M. Mity Rzymskie. Warszawa: PIW, 1978. 292 s.

Graves R. Mity Greckie. Warszawa: PIW, 1974. 704 s.

Greenpeace: «OncoMouse™. Eine Recherche zur medizinischen und kommerziellen Bedeutung der Harvard-Krebsmäuse. URL: https://www.greenpeace.de/sites/www.greenpeace.de/files/OncoMouse_1.pdf (data обращения: 20.12.2016).

Haraway D. Modest Witness@Second Millenium.Female Man© Meets Oncomouse™: Feminism and Technoscience. N. Y.; L.: Routledge, 1997. 361 p.

Haraway D. When Species Meet. Minneapolis; L.: University of Minnesota Press, 2008. 425 p.

Hartman J. Czy jest dzisiaj bioetyka? URL: http://www.iphils.uj.edu.pl/~j.hartman/pu.php?c=bioetyka&p=czym_jest_dzisiaj_bioetyka (data обращения: 20.07.2016).

Heller M. O strukturalnym rozumieniu nauki i świata. URL: <http://www.copernicuscenter.edu.pl/> (data обращения: 20.07.2016).

Hołówka J. Etyka w działaniu. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2001. 464 s.

Hołówka T. Myślenie potoczne. Warszawa: PIW, 1986. 196 s.

Jahr F. Bio-Ethik. Eine Umschau über die ethischen Beziehungen des Menschen zu Tier und Pflanze // *Kosmos. Handweiser für Naturfreunde*. 1927. 24 (1). S. 2–4.

Jalochowski K. Stephen Hawking: tropiciel osobliwości. Kosmoszaman // *Polityka*. 20.06.2010. URL: <http://www.polityka.pl/nauka/wszechswiat/1506368,2,stephen-hawking-tropiciel-osobliwosci.read> (data обращения: 20.07.2016).

Janion M. Niesamowita słowiańszczyzna. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2006. 358 s.

Jerzmanowski A. Geny i ludzie. Warszawa: WsiP, 1994. 292 s.

Jones S. Język genów. Biologia, historia i przyszłość ewolucji. Warszawa: KiW, 1998. 332 s.

Klinowski M. O niemoralności aborcji. Koherencja przekonań, biologiczne człowieczeństwo i słuszne interesy // *Diametros*. 2008. No. 16. S. 10–40.

Klinowski M. Współczesne spojrzenie na naturę ludzką // *Dyskrecjonalność w prawie* / Red.: W. Staśkiewicz, T. Stawecki. Warszawa, 2010. S. 475–480.

Klinowski M. Zarodki, komórki macierzyste i natura ludzka // *Diametros*. 2009. No. 19. Bł. 58–65.

Kopaliński W. Słownik Symboli. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1990. 512 s.

Korsgaard Ch. Self-Constitution. Oxford; N. Y.: Agency, Identity and Integrity, 2009. 230 p.

Kuźmicz J.Z. Ogólne aspekty ksenotransplantacji. 2009, URL: <http://www.biotechnolog.pl/ogolne-aspekty-ksenotransplantacji> (02.09.2016).

Lorenz K. Tak zwane zło. Warszawa: PIW, 1975. 372 s.

Man Or Mouse? Ethical Aspects of Chimera Research. Report / Red. The Danish Council of Ethics. Copenhagen, 2010. 12 p.

Markowska W. Mity Greków i Rzymian. Warszawa: Iskry, 1983. 504 s.

Mauss M. Sposoby posługiwania się ciałem // *Mauss M.* Socjologia i antropologia. Warszawa, 2001. S. 391–424.

Nawrot O. Na krętych ścieżkach bioetyki – „etyka gatunku” Jürgena Habermasa. URL: http://www.academia.edu/2546253/Na_krętych_scieżkach_bioetyki_-_etyka_gatunku_Jurgena_Habermasa (data обращения: 20.07.2016).

Parandowski J. Mitologia. Warszawa: Czytelnik, 1959. 400 s.

Pietrzykowski T. Kant, Korsgaard i podmiotowość moralna zwierząt. URL: https://www.academia.edu/10158639/Kant_Korsgaard_i_podmiotowość_moralna_zwierząt (data обращения: 20.07.2016).

Przewodnik po etyce / Ked. P. Singer. Warszawa: KiW, 2009. 598 s.

Radkowska-Walkowicz M. Od Golema do Terminatora. Wizerunki sztucznego człowieka w kulturze. Warszawa: WAIp, 2008. 342 s.

Rostand J. Biologia twórcza. Warszawa: PWN, 1964. 144 s.

Scholtz C. Und täglich grüßt der Roboter. Analysen und Reflexionen des Alltags mit dem Roboterhund Aibo // *Volkskunde in Rheinland Pfalz Informationen der Gesellschaft für Volkskunde in Rheinland-Pfalz*. 2008. 23. S. 139–154.

Silver L. Raj poprawiony. Nowy wspaniały świat? Warszawa: Prószyński i S-ka, 2002. 320 s.

Singer P. All Animals Are Equal // *Animal Ethics. Past and Present Perspectives.* Berlin, 2012. S. 163–178.

Singer P. Etyka praktyczna. Warszawa: Książka i Wiedza, 2007. 354 s.

Ślipko T. Spacerem po etyce. Kraków: Petrus, 2010. 336 s.

Smorąg Z. Biotechnologiczne, prawno-organizacyjne i etyczne aspekty ksenotransplantacji // *Biotechnologia.* 2006. 1 (72). S. 103–109. URL: http://www.pfb.info.pl/files/kwartalnik/1_2006/Smorag.pdf (data обращения: 20.07.2016).

Smorąg Z., Słomski R. Ksenotransplantacja – możliwości i ograniczenia // *Nauka.* 2005. No. 4. S. 133–148.

Suchodolski B. Kim jest człowiek? Warszawa: Wiedza Powszechna, 1974. 276 s.

Szynkiewicz S. Szara ekologia tubylców. Mistrzowie czy nieudacznicy w zarządzaniu środowiskiem // *Horyzonty antropologii kultury / Red.: J.S. Wasilewski, A. Zadrożyńska.* Warszawa, 2005. S. 109–127.

Tatarkiewicz W. Historia filozofii. T. 1–3. Warszawa: PWN, 1993.

Turney J. Ślady Frankensteina. Warszawa: PIW, 2001. 424 s.

Vetulani J. Medyczne usprawnianie człowieka // *Wszechświat.* 2007. T. 108. No. 1–3. S. 13–15.

Waloszczyk K. Planeta nie tylko ludzi. Warszawa: PIW, 1997. 324 s.

Wieczorkiewicz A. Monstrarium. Gdańsk: Słowo / obraz terytoria, 2010. 432 s.

Wilmut I., Campbell K., Tudge C. Ponowny akt stworzenia. Dolly i era panowania nad biologią. Poznań: Dom Wydawniczy REBIS, 2002. 376 s.

Wir wissen nichts, интервью с Крейгем Вентером // *Der Spiegel.* 2010. No. 26. URL: <http://www.spiegel.de/spiegel/0,1518,703085,00.html> (data обращения: 20.07.2016).

Żabowska J. Przeszczepy, śmierć mózgowa i pokrewieństwo // *Opcit.* 2010. No. 41. URL: <http://www.opcit.pl/teksty/przeszczepy-smierc-mozgowa-i-pokrewienstwo/> (data обращения: 20.07.2016).

Hybrids and chimaeras of human and animal: from mythology to biotechnology

Kozhevnikova Magdalena

PhD in Philosophy, Researcher in Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. e-mail: kmagdalena@yandex.ru; web: <http://iphras.ru/magdalena.htm>

The book examines acute issues of human-animal hybridization and chimaerization within the human enhancement phenomenon. It reveals the historical and cultural development of human/animal hybrids and chimaeras and their practical biotechnological realization. The book looks into the human nature and limits of its change based on the current biotechnological potential.

The introduction highlights terms and transdisciplinary methods of the research. The biotechnological terms derived from the mythology are explained: hybrids are the result of two organisms crossing in such a way that each cell of a new organism contains full genetic makeup of its parents (original organisms) while chimaeras are organisms containing cells or organs of other organisms relating to the same or another biologic species and transgene organisms. Then the author presents a new paradigm in the science and the worldview – the posthumanism. According to it, the human exists in a broad network of relations where culture (technology) and nature are inseparably tied. The human intervention in nature is so deep that it is practically impossible to talk about some model or pure nature opposing the culture. One of the most important aspects of the new paradigm is moving away from anthropocentrism.

The first article deals with stages of development of the humanimal from ancient times to pop-culture since biotechnology achievements and ideas concerning human/animal hybrids and chimaeras have something in common with humanimal myths and archetypes accompanying the humanity throughout its history. The ideas of human/animal hybrids and chimaeras are found in all cultural cycles and in every epoch. This is why modern scientific experiments can be treated as continuation and practical implementation of the centuries-old mental experiments and fantasies about humanimals. The texts of culture reproduce ideals, value systems, expectations and fears playing an important role in the society's estimation of the science development prospects and growing capabilities of human intervention in the divine and natural order. Other sections of the book review Greek and Romanian mythology, humanimals in the Egyptian, Indian and other mythologies, vampires and werewolves, totemism, the phenomena of Mowgli children brought up by animals. The image of science in culture is analyzed on the basis of the implementation of humanimal

idea in cinema and literature. The author shows that the development of the humanimal topic reflects transformation and evolving of the image of science. The two drivers for creation of chimaeras and hybrids of the human species – social and exploratory – are determined.

The second article presents human/animal hybrids and chimaeras in science: history of experiments in the fields of hybridization and chimaerization, the current state of research and major ethical questions that they generate. Abraham Trembley's experiments with freshwater polyps and Ilya Ivanov's experiments on crossing human and anthropoid primates are reviewed. Modern research concerning new methods of genes editing, cloning and transplantation of cells, tissues and organs, methods and goals of transgenic organisms are reviewed as well. Some of the sections dwell on xenotransplantation and inverted xenotransplantation (the technology of growing human organs in animals). This article also reviews BioArt – a biotechnology-based art practice. The author outlines major ethical problems and risks on the basis of the historical and current examples of the experiments on human/animal hybridization and chimaerization. They are related both to the goals of the research (therapy and enhancement) and the methods of their conducting (protection of laboratory animals, normative acts in the field of work with the human biomaterial). Another ethical issue is genes patenting and protection of the genetic data. These problems require not just ethical and legal regulation, yet a global consistent approach. The very situation we are in now – partial regulation by individual states – results in migration of scientists and uncontrolled experiments.

The third article deals with a range of scientific and philosophical works by G. Agamben, M. Heidegger, M. Radkowska-Walkowicz, F. Fukuyama, M. Beck, J. Habermas, I. Kant, P. Tishchenko, B. Yudin – representatives of various academic disciplines which ideas to a certain extent have influenced this research. These works touch on the problem of the human identity, human nature and human position in the frame of the biotechnological development as well as the ethical and philosophical issues related to the biotechnological progress.

In the fourth article the author points to the cultural and historical development of the human concept, she analyzes and criticizes the human dignity concept and elaborates on what makes us human. The author also reviews such concepts like anthropomorphism, genome, abstract thinking, rationality and specifics of reproduction. Human is some ideal construct which is hardly ever proven in real life. The historical cases given by the author, show that the boundaries of what is considered to be human are constantly expanding.

In the conclusion a definition, making it possible to include also new hybrid forms of life (both on the verges of technology and biology), is presented. The human nature is changeable and is revealed only in relation to something or somebody Other (as any form of us different from them). Its main feature

is that the determination is made on the intuitive level and it keeps some marginality (in the form of striking mismatch with the dominating ideal construct of the human) which includes, for example, Mowgli children or mentally challenged people. This provides space for hybrid creatures and comes from the fact that the ideal construct must be subjected to practice. Inclusion and integration are key concepts and instruments helping humanity to prepare for upcoming biotechnological changes.

Keywords: chimaeras, hybrids, human-animal hybrids, “humanimals”, biotechnology, human nature, bioethics, human enhancement, animal enhancement, posthumanism, gene engineering, cloning, experiments, history of science, philosophy of science

Научное издание

Кожевникова Магдалена

**Гибриды и химеры человека и животного:
от мифологии к биотехнологии**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 18.04.17

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 7,79. Тираж 500 экз. Заказ № 07

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии
http://iphras.ru/books_arhiv.htm